
ОГОНЁК
№ 44 ОКТЯБРЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

l'Humanite

МОСКВА. АЭРОПОРТ ВНУКОВО.

Перед отлетом во Францию Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с официальным визитом по приглашению Президента Французской Республики Ж. Помпиду и французского правительства.

Вместе с товарищем Л. И. Брежневым во Францию отбыли заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике В. А. Кириллин, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, министр внешней торговли Н. С. Патоличев.

Товарища Л. И. Брежнева провожали товарищи В. В. Гришин, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев и другие официальные лица.

ВИЗИТ МИРА И ДРУЖБЫ

ПАРИЖ. АЭРОПОРТ ОРЛИ.

Л. И. Брежнев и Ж. Помпиду во время торжественной встречи.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 44 (2313)

30 ОКТЯБРЯ 1971

Фото Дм. Бальтерманца.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Президент Франции Ж. Помпиду во время беседы в Елисейском дворце.

ХОРОШИЙ ПРИМЕР МИРНОГО СОСУЩЕСТ

25 октября в парижском аэропорту Орли прогремел 101 залп артиллерийского салюта. Это почесть, которая оказывается самым высоким гостям страны. Так Франция приветствовала посланца Советской державы — Леонида Ильича Брежнева. Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев прибыл в Париж с официальным визитом по приглашению Президента Французской Республики Ж. Помпиду и французского правительства.

Из всего долгого приветственного салюта все мы, встречавшие, слышали, пожалуй, лишь первые два-три залпа, пока высокий советский гость спускался по трапу самолета. Затем канонада словно растворилась в громе оркестра, в приветственных возгласах парижан, собравшихся на аэродроме Орли. Их было там несколько тысяч, но в их рукоплесканиях советские гости слышали голоса миллионов французов, чувствовали тепло их сердец.

У трапа самолета Л. И. Брежнева и сопровождающих его лиц тепло приветствовал Президент Французской Республики Ж. Помпиду.

Были исполнены государственные гимны СССР и Франции. В салоне почетных гостей Л. И. Брежнева приветствовали французские официальные лица. Затем кортеж направился в резиденцию Президента Республики — Елисейский дворец. По пути советского гостя тепло встречали десятки тысяч парижан, всюду развевались советские и французские флаги, транспаранты и лозунги со словами привета и дружбы.

В Елисейском дворце состоялась торжественная встреча Л. И. Брежнева с членами французского правительства и другими официальными лицами.

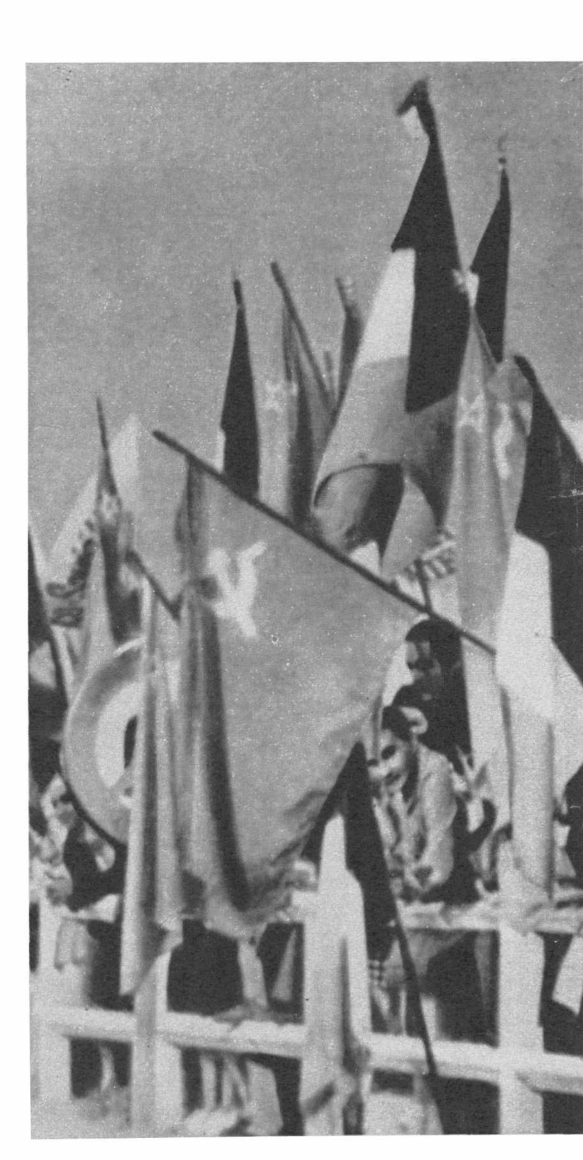
Президент Французской Республики Ж. Помпиду и Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев обменялись краткими речами.

25 октября в Елисейском дворце состоялась первая встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Президентом Франции Ж. Помпиду, прошедшая в духе исключительной сердечности и откровенности.

В тот же день Президент Франции Ж. Помпиду во дворце Большой Трианон в Версале дал обед в честь Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

С речью к собравшимся обратился Ж. Помпиду. Он отметил, что сегодня яснее чем когда бы то ни было утверждается «наше общее стремление к установлению между народами, какие бы идеологические различия ни существовали между ними, открытого и конструктивного диалога, способного заложить прочные и постоянные основы безопасности, и прежде всего европейской безопасности».

С ответной речью выступил Л. И. Брежнев. Он сказал: «Советско-французское сотрудничество уже сегодня стало одним из крупнейших факторов международной жизни. Это естественно, учитывая ту роль, которую наши

Парижане приветствуют посланца Советской державы — Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

страны играют в мировых делах. Наше сотрудничество служит исключительно целям укрепления безопасности народов. Пусть же оно будет и впредь хорошим примером активного и широкого претворения в жизнь принципов мирного сосуществования государств, независимо от их общественного строя».

В программе официального визита во Францию Л. И. Брежнева — встречи и беседы с французскими руководителями, поездка в Марсель. Можно сказать, что неофициально этот визит начался намного раньше того дня, когда самолет «ИЛ-62», на борту которого находился Л. И. Брежнев, приземлился в аэропорту Орли.

Задолго до прибытия Л. И. Брежнева в Париж в общество франко-советской дружбы и посольство СССР во Франции на его имя приходило множество приглашений от организаций и частных лиц, особенно из тех французских городов, у которых есть побратимы в Советском Союзе.

С безграничным уважением, любовью к нашей стране и ее народу, с уверенностью, что дружба и экономическое сотрудничество с СССР являются естественной необходимостью и благом для Франции, готовились ее граждане к встрече советского гостя. Тысячи французов расклеивали по улицам французских городов приветственные плакаты в честь посланца Советского Союза. Нет сомнения в том, что после окончания визита Л. И. Брежнева французы будут вспоминать теплые встречи советских гостей на земле Франции.

Эти встречи с новой силой продемонстрировали искренность, глубину и теплоту дружеских чувств, которые питают к советскому народу миллионы французов. Они выражают уверенность и надежду, что традиционная, многолетняя, идущая из глубины сердец дружба наших народов будет крепнуть на благо наших стран, во имя дела мира на всей земле.

Борис ГУРНОВ

Париж, по телефону.

ВОВАНИЯ

ВАЖНЫЙ ВКЛАД

Николай БРАГИН

Событием большого международного значения в жизни народов стал официальный визит Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева во Францию. Государственные и политические деятели, органы печати, общественность различных стран единодушны в своей оценке: это новый важный шаг в дальнейшем развитии и укреплении сотрудничества, отвечающего не только интересам народов наших двух стран, но и делу европейской безопасности и всеобщего мира.

Радушие и сердечность, с которыми французы принимают высокого советского гостя, являются ярким отражением традиционных уз дружбы, существующих между народами Советского Союза и Франции, их глубокой заинтересованности в том, чтобы плоды этой дружбы служили высоким и благородным целям: миру, безопасности и человеческому прогрессу. Сама жизнь подтверждает, как благотворно сказываются на развитии обстановки в Европе дружественные советско-французские отношения, справедливо рассматриваемые и в нашей стране и во Франции как одна из важнейших основ европейского мира.

Вполне закономерно поэтому, что в ходе переговоров Л. И. Брежнева с Президентом Французской Республики Ж. Помпиду в числе обсуждавшихся международных проблем серьезное внимание уделено разрядке напряженности в Европе и созыву общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества. Как подчеркивает газета «Юманите», орган Французской коммунистической партии, «совместные действия СССР и Франции могут, а следовательно, и должны привести к новым, решающим успехам» в обеспечении прочного мира на европейском континенте.

Положительные сдвиги в политическом климате Европы, явившиеся прежде всего следствием целеустремленной и неустанной борьбы Советского Союза и других социалистических стран за разрядку, за признание незыблемости границ в Европе и других реальностей, за решение проблемы европейской безопасности и сотрудничества, создают необходимые предпосылки для практической подготовки и проведения общеевропейского совещания.

Новый импульс в результате переговоров в Париже получают экономические, торговые, научно-технические и культурные связи между Советским Союзом и Францией. Об этом с удовлетворением сообщает французская печать, ведут оживленные дискуссии представители самых различных слоев населения страны. Хотя визит Л. И. Брежнева во Францию, отмечает орган деловых кругов газета «Эко», в «основном является политическим, однако он позволяет еще больше усилить и франко-советские экономические связи». Возможности в этом отношении далеко не использованы, а успешное претворение в жизнь советским народом заданий девятой пятилетки открывает благоприятные перспективы для дальнейшего расширения торговли и научно-технического сотрудничества Советского Союза со всеми странами, в том числе и с Францией.

На фоне визита товарища Л. И. Брежнева, тех глубоких откликов, которые он вызвал среди французского народа, питающего искренние чувства дружбы к Стране Советов, жалкими и обреченными на неизбежный провал выглядят провокационные высказывания противников франко-советского сотрудничества.

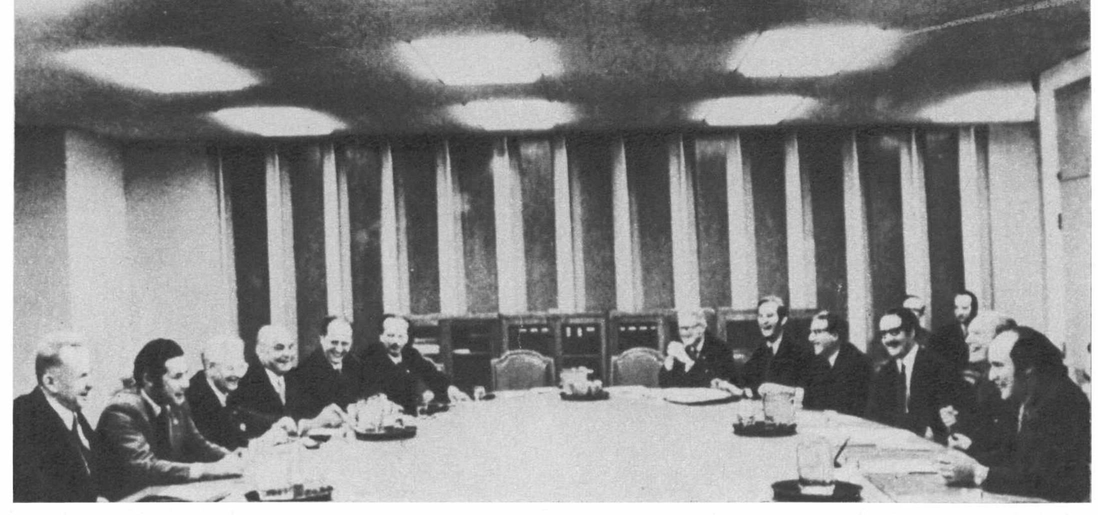
Время, национальные интересы Франции, дело мира в Европе и во всем мире настоятельно требуют, чтобы это сотрудничество крепло и умножалось впредь,— таково мнение всех французов, не на словах, а на деле заинтересованных в укреплении всеобщего мира, в том, чтобы человечество было навсегда избавлено от угрозы новой войны. «Л. И. Брежнев,— пишет газета «Франс-суар»,— представляет народ, который пользуется нашей дружбой и который неоднократно вызывал наше восхищение».

Значение визита Л. И. Брежнева во Францию выходит далеко за рамки отношений между двумя странами. Он имеет «большое положительное значение,— отмечает газета «Нойес Дойчланд», орган ЦК Социалистической единой партии Германии,— не только для народов Советского Союза и Франции, но также и для всех европейских государств».

Действуя совместно, Советский Союз и Франция могут внести серьезный вклад в решение стоящих в повестке дня многих международных вопросов, подчеркивают обозреватели большинства органов печати различных стран.

Оценивая визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева во Францию, печать братских социалистических стран, все миролюбивые и прогрессивные силы земли подчеркивают в эти дни, что ленинская политика мирного сосуществования, последовательно проводимая Советским Союзом, отвечает жизненным интересам всего человечества.

Претворяя в жизнь развернутую программу мира, одобренную XXIV съездом КПСС, родина Октября выступает на международной арене как знаменосец и оплот сил мира, демократии и социализма.

Оттава. 18 октября. В зале заседаний правительства в здании канадского парламента идут переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Премьер-Министром Канады Пьером Эллиотом Трюдо.

ДОБРОСОСЕДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

А. Н. Косыгин и Пьер Эллиот Трюдо обмениваются документами после подписания соглашения об обменах между СССР и Канадой.

Телефото специального корреспондента ТАСС В. Егорова.

Внимание мировой общественности в минувшую неделю было привлечено к визиту в Канаду Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. «Если на протяжении одного года правительства Советского Союза и Канады сочли полезным обменяться визитами премьер-министров, то это говорит уже о многом, и прежде всего о том, что между нашими государствами складываются хорошие добрососедские отношения». Эти слова, сказанные Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным в первые же дни пребывания на земле дружественной Канады, констатируют отрадные явления. Развитие и дальнейшее укрепление советско-канадских отношений — прямое следствие стремления народов этих стран жить в мире и дружбе друг с другом, а также результат усилий обоих правительств по налаживанию полезных связей.

Ныне наше сотрудничество с Канадой охватывает политическую, торгово-экономическую, научно-техническую, культурную и ряд других областей. Переговоры, которые состоялись между высоким советским гостем и Премьер-Министром Канады Пьером Эллиотом Трюдо, подтвердили стремление обеих стран к дальнейшему развитию отношений добрососедства и сотрудничества как в интересах народов этих стран, так и дела укрепления всеобщего мира.

В подписанном 20 октября в Оттаве соглашении об обменах между СССР и Канадой указывается, что правительства обеих стран будут поощрять и развивать обмен и прочие формы двустороннего сотрудничества в области науки, техники, образования, культуры и в других областях на основе взаимной выгоды. Это соглашение сроком на четыре года уже вступило в силу.

«Мы рассматриваем развитие советско-канадских отношений как определенный вклад в укрепление линии на мирное сосуществование, и поэтому естественно, что советский народ приветствует это развитие»,— подчеркнул в одном из своих выступлений Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Теплый прием, оказанный посланцу Советского государства представителями различных кругов общественности, стал свидетельством того, что народ этой дружественной страны так же, как и советские люди, приветствует растущие между странами контакты и связи.

Гостеприимно встречали канадцы А. Н. Косыгина на бумажном комбинате «Канадиен интернэшнл пейпер компани», в исследовательском центре связи «Белл нозерн», в оперном зале Национального центра искусств.

С большим интересом была встречена в Канаде беседа главы Советского правительства с членами постоянной парламентской комиссии по иностранным делам и национальной обороне, а также его полуторачасовая пресс-конференция, на которой А. Н. Косыгин поделился своими впечатлениями, связанными с нынешним официальным визитом.

В один из дней пребывания в Оттаве состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР тов. А. Н. Косыгина с Генеральным секретарем Коммунистической партии Канады У. Каштаном, руководителями Компартии Канады А. Дьюхерстом, Б. Магнусоном и Н. Фридом.

В поездке А. Н. Косыгина в города Монреаль, Ванкувер, Эдмонтон и Торонто его сопровождали лидер правительства в сенате П. Мартин и парламентский секретарь Премьер-Министра Б. Дансон.

ТРАГЕДИЯ ОЛЬСТЕРА

Ольстер... Сообщения о кровавых событиях на этой многострадальной земле вызывают протест всех честных людей нашей планеты. Английская оккупационная армия установила режим террора. От пуль английских солдат гибнут ни в чем не повинные, безоружные люди. Массовые облавы, обыски и аресты...

Применение «закона о чрезвычайных полномочиях», по которому арестованные могут содержаться в тюрьме без суда и следствия, привело к новому обострению обстановки в Северной Ирландии. Об этом заявил в палате общин член парламента от Ольстера Фрэнк Макманус. Он сказал, что после введения этого закона в августе нынешнего года в Северной Ирландии погибло больше людей, чем за предыдущие три года. Каждый день приносит тревожные вести об издевательствах над заключенными, об избиениях и пытках.

Несмотря на широкое недовольство в Англии политикой правительства консерваторов и растущие требования вывести из Ольстера британские войска, правительство продолжает их наращивание, планируя довести численность оккупантов до 14 тысяч человек.

Огнем и кровью пишется история английского господства в Ольстере.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Андрей ГОНЧАРОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

ПИКАССО

Есть у человечества имена, произнося которые мы словно бы называем целую эпоху. К таким именам принадлежит и это — Пабло Пикассо.

Сколько бы ни прошло веков, тысячелетий, перед поколениями и поколениями людей неповторимый лик нашего XX века будет представать более отчетливо и постижимо благодаря тому, что сделал и еще продолжает делать сегодня этот великий художник. Испанец по рождению и подданству, француз по всей жизни своей, сын всей земли, коммунист. Подобно титанам Возрождения, он не только художник, живописец, офортист, гравер, не только скульптор,— он и поэт, и драматург, и беллетрист. В театрах Парижа идут его пьесы, весь мир знает его стихи, рассказы...

Загадочный, открытый и добрый Пикассо в неистощимом, сложном, как мир, своем творчестве вот уже семь десятилетий тревожит людские души обнаженностью правды и обнадеживает их только уж тем, что он — один человек — смог столько создать, постигнуть, выразить.

В 1937 году Пабло Пикассо написал «Гернику» — громадный серебристо-коричневый холст, заполненный странными образами. Но теперь, когда уже более четверти века минуло со дня победы над фашизмом, мы знаем, что эти образы оказались предвидением... Бомбардировка Герники 26 апреля 1937 года, стершая с лица земли этот маленький испанский городок, была для фашистских убийц лишь «пробой сил». А Пикассо уже словно бы знал об Освенциме и Бухенвальде, Лидице и Бабьем Яре...

Пикассо однажды сказал: «Я хочу изобразить мир таким, каким я его мыслю». И сила этого художника-мыслителя в том, что он выражает в своем искусстве самую глубокую мысль, самые сложные чувства, волнующие современный мир. Ведь в его творениях словно сконцентрированы все сегодняшние знания человека о мироздании, истории, самом себе.

Пабло Пикассо в 1949 году для первого Конгресса сторонников мира создал свою голубку — рисунок, облетевший земной шар! Всем знакома эта голубка, выпорхнувшая из-под руки чародея, чтобы не повторилась «Герника». И это светлое, ясное создание Пикассо, этот образ, неизменно вызывающий ощущение переполненного добротой человеческого сердца, понятен всем. «По одной голубке узнать Пикассо нельзя, но нужно быть Пикассо, чтобы сделать такую голубку,— писал Эренбург.— Конечно, голубка — крупица в богатстве, созданном художником; но ведь сколько миллионов людей знают и почитают Рафаэля по репродукциям одной его картины «Сикстинская мадонна». И разве любовь простых людей всего мира к голубке Пикассо и ему самому, так трогающая этого стоически сдержанного, ироничного, задиристого человека, не доказывает глубокую правду сказанных им самим слов: «Коммунизм для меня тесно связан со всей моей жизнью как художника».

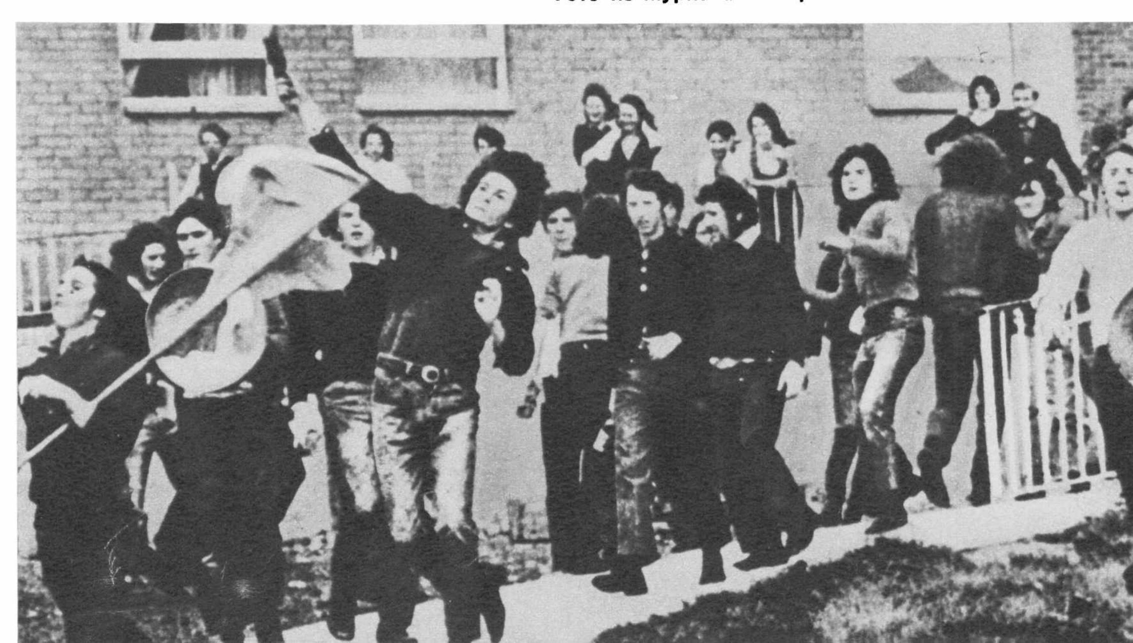
В эти дни Франция чествует гениального мастера. Пикассо удостоен чести, которая не оказывалась никогда и ни одному художнику: выставка его картин открыта сейчас в Лувре, в Большой Галерее. Было время, когда картины современных художников вообще могли попасть в этот музей не иначе, как целое десятилетие спустя после смерти автора. А картины Пикассо сегодня предстали на тех самых стенах, где многие годы посетители Лувра встречались с самыми великими из хранящихся в нем шедевров. Об этой единственной в своем роде выставке Президент Франции господин Жорж Помпиду сказал, что это не просто выставка Пикассо, это высшая дань уважения, оказываемая Францией великому художнику, это дань уважения и признательности человеку, который выбрал нашу страну для того, чтобы в ней жить и творить.

Английские солдаты целятся из-за угла, подло, по-воровски.

Бурлит Ольстер. Население Белфаста с гневом и возмущением дает отпор английским оккупантам.
Фото из журнала «Лайф».

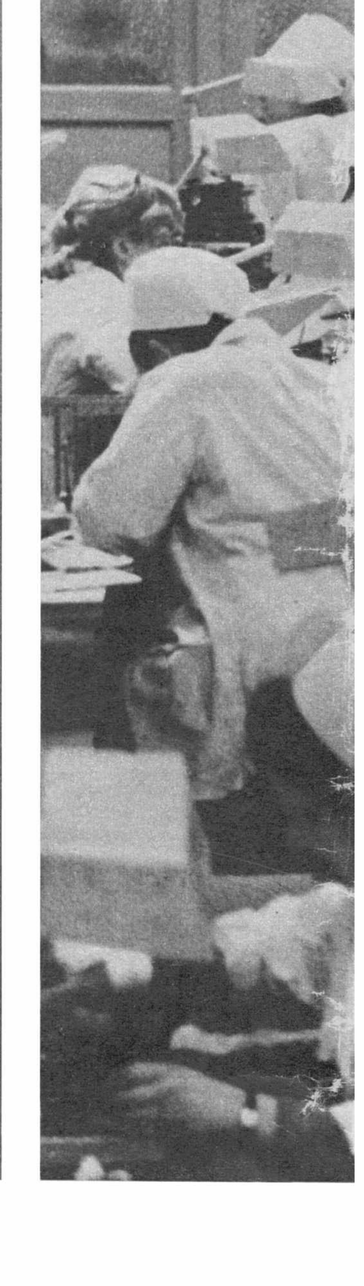
ЗА СТРОКОЙ ДИРЕКТИВ

«ОСВОИТЬ СЕРИЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО НОВОГО КОМПЛЕКСА ЭЛЕКТРОННЫХ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ МАШИН НА БАЗЕ ИНТЕГРАЛЬНЫХ СХЕМ».

Из Директив XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану.

Яков ЖУКОВСКИЙ,
сотрудник газеты
«Правда Украины»

Петр Николаевич Бесчастный: «Уже созданы два поколения электронных машин. Рождается третье...»

Не знаю, может быть, уже и создана где-нибудь электронная вычислительная машина, способная не просто играть в шахматы, но и противостоять натиску гроссмейстера, но вот машину, с которой можно вести диалог, я видел сам. И было это не в лаборатории ученого, не в институте во время смелого эксперимента, а на заводе, выпускающем такие машины серийно, в цехе отладки, где, собственно, и тренируют новорожденную ЭВМ для ведения инженерного разговора.

Выглядит это так.

На выносном пульте укреплен экран — такого же типа, как в большом телевизоре. Нажимается клавиша, и на экране появляется несколько цифровых строчек. Это решение заданного машине уравнения. Но инженера не устраивает такое решение. Он берет электронный карандаш, точь-в-точь шариковая ручка, только соединенная кабелем с машиной, и проводит им по стеклу. Несколько знаков гаснут. Он вычеркивает две строки — вместо них появляются другие. Тем же карандашом наладчик переносит часть уравнения. Машина тотчас же отвечает: мигают лампочки, на экране появляется новое решение.

При желании диалог можно прекратить — достаточно нажать другую клавишу, и найденный результат прочно зафиксируется в памяти машины. А можно и продолжить спор — ЭВМ готова к нему. Если только готов человек...

На отладке большинство работников имеют высшее образование. Молодых инженеров на заводе много, однако отладчики — это самые опытные, самые тренированные сборщики. О них в шутку говорят: «спорщики». От их умения «поспорить» с машиной зависит ее надежность. И если что-то не получается, значит, снова и снова надо «гонять» ее — на всех режимах, как еще недавно гоняли нынешних инженеров на экзаменах. Только здесь оценку ставит машина.

Этот сложнейший агрегат называется «МИР-2» — машина инженерных расчетов. Предыдущая модель заслужила государственный Знак качества. «МИР-2» по всем своим данным еще лучше.

В громадном сборочном цехе за столиками склонились девушки в белых халатах и белых накрахмаленных шапочках. Мягкий свет ламп, кондиционированный воздух, тишина. Идет монтаж узлов. Здесь-то и вырисовывается облик будущей ЭВМ.

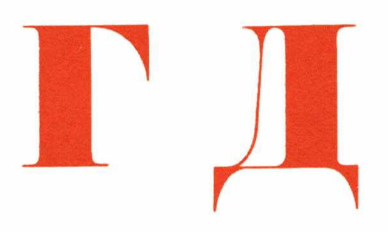
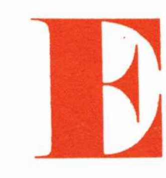
Завод, о котором я рассказываю, в Киеве называют ВУМ — вычислительных и управляющих машин. Это — совсем молодое предприятие, и тем не менее именно за выполнение заданий первой в его жизни пятилетки, за освоение и выпуск новейшей вычислительной техники недавно завод наградили орденом Трудового Красного Знамени.

Это награда за зрелость. Производство началось тут со знаменитого «Днепра» — машины, созданной в Институте кибернетики Академии наук Украинской ССР. «Днепр» управляет выплавкой стали, заменяет оператора в химическом производстве, следит за бумагоделательными машинами. Но если нужна не просто машина, а целая управляющая система, способная охватить комплекс производств? Например, предприятие по выпуску приборов, где номенклатура деталей или узлов насчитывает до пятидесяти тысяч наименований и где общий объем информации — двадцать миллионов знаков! Даже неспециалист, пожалуй, поймет, каковы возможности наших новых управляющих машин, таких, как «Днепр-2» или «М-3000»...

Рассказывает мне обо всем этом молодой инженер Петр Бесчастный. Электронная машина должна быть быстроходной, то есть быстро записывать, быстро прочитывать записанное и как можно быстрее «стирать» использованный материал, чтобы тотчас же быть готовой к обработке новых данных. Эти требования были сформулированы еще на заре кибернетики, но они и сейчас служат базой для разработки новых моделей ЭВМ. Начинали с малого — с нескольких тысяч операций в секунду. А теперь группа Петра Бесчастного среди тех, кто призван обеспечить сотни тысяч, а то и миллион операций.

— Уже созданы два поколения электронных машин. Рождается третье поколение... Непонятно? Ну, представьте себе...

И Петр Бесчастный вернул меня к аппаратам, уже давно вошедшим в наш быт. Возьмем обычный радиоприемник, его непременные детали — лампы. Потом появились транзисторы. Полупроводниковый прибор размером в пуговичку заменил сложнейшую радиолампу. Приемники на транзисторах стали

ГДЕ ЖЕ

В сборочном цехе.

Фото Н. Козловского.

компактнее. Это второе поколение радиоприемников. То же происходило и с ЭВМ. Первые машины строились на радиолампах — они громоздки и тихоходны: несколько тысяч операций в секунду. Второе поколение ЭВМ — на транзисторах. Они компактнее, быстроходнее: десятки тысяч операций! А теперь требуются элементы еще более совершенные.

Когда я ходил по сборочному цеху, мне казалось, что здесь работают над страницами какой-то книги. Логический элемент машины, или просто «блок», как его называют, был вначале и в самом деле размером с книгу. А та же панель на полупроводниках — размером со спичечную коробку. И никакого монтажа, все собирается одним прикосновением паяльника на тонкой плате — так называется одна «страница».

— Ну, а здесь у меня тот же блок, но теперь уже в самом новом исполнении.— Бесчастный показывает кристаллик, который надо разглядывать в лупу.— Он как слоеный пирог. В нем заключено все...

Это кажется невероятным! Блок меньше зернышка риса, только усики-электроды торчат в разные стороны. Теперь монтируются не детали, а сразу эти самые блоки. И сразу в одно целое. Отсюда и название таких схем — интегральные. От латинского слова «интегер» — целое. К переходу на интегральные схемы, о которых говорится в Директивах XXIV съезда КПСС, готовятся сейчас на заводе. Мысль, рожденная тут, даст жизнь новым удивительным машинам.

Вот человек, который обращается с машиной, как говорится, на «ты»,— Анатолий Григорьевич Мельниченко, начальник участка, где отлаживается «МИР». Машины выпускаются серийно, но у каждой обнаруживается свой нрав. Разгадать его — великое искусство, им в совершенстве владеет инженер Мельниченко да и его помощники тоже.

Я видел их в работе — молодые парни, в этом году из института, 1949 года рождения. Разговор с машинами ведут уверенно и точно, но опытнее всех Андрей Васильевич Кузьмин, рабочий с дипломом инженера. Он и старше других. Ровесник Октября, ему 54 года. Недавно Андрею Васильевичу вручали орден Октябрьской Революции. Это было приятно и его молодым помощникам.

С ним соревнуются, его стараются обойти, но не всегда это удается. Есть здесь такой показатель: коэффициент качества. Он зависит от количества продукции, принятой с одного предъявления. И одно из условий соревнования гласит: если коэффициент качества ниже восьмидесяти, значит, участник соревнования отстал. А у Кузьмина этот коэффициент всегда выше, чем у других.

За первые два квартала завод в социалистическом соревновании добился переходящего Красного Знамени Совета Министров СССР и ВЦСПС. Да и весь третий квартал коллектив шагал в ногу с передовыми.

Сдавать сложнейшие агрегаты и узлы с одного предъявления становится здесь правилом. Близится конец года, года, который кладет начало новому этапу в создании вычислительных и управляемых машин теперь уже третьего поколения.

...Излюбленная тема зарубежных карикатуристов — электронные машины, компьютеры, которые могут заменить кого угодно, в том числе и тех, кто их создал. На заводе тоже, конечно, хорошо представляют фантастические возможности машин. Однако где же предел? Мы говорим на эту тему с Георгием Лазаревичем Фадеевым, секретарем парткома завода. Он инженер и хорошо знает суть дела. «Можно составить программу для игры в шахматы и даже для сочинения стихов,— сказал он.— И машина ее выполнит. Но программу составляет не электронный, а человеческий мозг». Вот вам и ответ на вопрос: где же предел?

ЖИВАЯ ДУША НОВИЗНЫ

Юрий ПИМЕНОВ

Счастлив художник, нашедший, угадавший свою единственную, самую для него дорогую тему в искусстве.

Для лауреата Ленинской премии, народного художника СССР Юрия Ивановича Пименова такой темой стала повседневная жизнь его родного города — Москвы. Современной, советской Москвы. Столицы нашей великой Родины. Напомним, что картина, впервые принесшая Пименову всенародную известность, так и называлась «Новая Москва».

Жизнь Москвы, обычная и необыкновенная, деловито-будничная и счастливо-звонкая, шумная и задумчиво-лиричная, столь бесконечно изменчивая, что невольно вспомнишь высказанную некогда Гераклитом мысль, что в одну реку не войти дважды. Жизнь эта впрямь, как река, влилась в полотна Юрия Пименова. Художник посвящает ей даже не отдельные картины, а целые серии и циклы холстов, чтобы полнее, убедительнее донести до зрителя свою мысль, открывшуюся ему в динамичном, напряженном, волнующем потоке современного бытия.

О художнике Юрии Пименове и его щедром, умном искусстве «Огонек» уже рассказывал. Сегодня, публикуя репродукции четырех картин из тех, что были показаны художником на последней X Выставке произведений членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР, мы предоставляем слово самому Юрию Ивановичу. Ведь Пименов не только художник, но и замечательный литератор, в своих книгах и статьях увлекательно, непринужденно, образно и вдумчиво рассказывающий о своеобразии труда художника, об искусстве, меняющемся вместе с жизнью, о жизни, предъявляющей свои непререкаемые требования к искусству и его творцу — художнику.

В лучших книгах Юрия Пименова «Необыкновенность обыкновенного», «Новые кварталы» главным содержанием, пожалуй, стал ответ на вопрос, почему художник посвятил без остатка свое творчество современности.

●

«Я не живу ни в прошлом, ни в будущем. Я в настоящем. Я не знаю, что будет завтра. Для меня существует только истина сегодняшнего дня. Этой истине я призван служить и служу ей с полным сознанием».

Эти слова написал Игорь Стравинский, и я думаю, что это надо понимать как настоящий, острый и страстный интерес к действительности, которая никогда не прекращается и двигается вместе с художником.

Трагическая или веселая, задумчивая или озорная, действительность стоит за каждым поворотом улицы, за каждым окном и за каждой дверью. Она такая острая и такая новая,— вкус ее изобразительности так ощутим и так неуловим. Чувство современности — это талант и восхищение, наблюдательность и воспитание, это чувство имитировать нельзя. Время никогда не терпит в художнике лукавства и фальши, оно требует настоящей, глубокой любви.

Говоря об искусстве, я никогда не могу иметь в виду собственную практику, для художника она всегда несовершенна, но стараюсь взять какие-то примеры из жизни — именно через них, по-моему, можно прощупать дорогу к художественности и правдивости.

...Однажды в конце зимы я ходил на лыжах за городом, в районе Звенигорода, и вышел к Москве-реке, как раз у высоких гор, где сильные ключи не замерзают даже в большой мороз, и сбегают к реке, и даже у берега не замерзают. Чистая, очень прозрачная вода стекала в реку под лед; сквозь нее видны мелкие камни, песок разных оттенков, у прозрачных краев льда все время жили и перемещались пузырьки воздуха. Все это давало ощущение необыкновенной чистоты и завтрашней весны.

Как это передать? Вспоминаешь Александра Иванова, его чистейшую воду, камни и пятна света на воде — у него все это сделано гениально. Но сделать прямо так же нельзя, не только потому, что выражено гениально, но и потому, что эти великолепные произведения сделаны в атмосфере своего времени, являются портретом времени, своего времени. Такие же ручьи бежали и у живописцев Союза русских художников, но бежали уже по-другому, тоже верно, но посвоему.

Я вспомнил эти прекрасные образцы искусства, вспомнил с благодарностью, но представил реальный ручей с песком и пузырями, блестевший около моих лыж, изображенным так же, как прежде, и он показался мне непохожим, нереальным. А реален он был в своей игре воды, в далеких голосах лыжников, съезжавших с гор, в их пестрых современных фуфайках, в дымке заводика за лесом; он был реален суммой сегодняшних чувств и мыслей и требовал именно такого, очень реального, но современного по чувству выражения.

Как это сделать? Вероятно, какими-то тончайшими формами, особым поворотом композиции, особым ритмом, ясным чувством цвета, но результат только тогда будет, когда в основу будет положена вся сила очарования реальности.

Я видел как-то на ограде вокруг строительства нового дома плакаты. Один был сделан тем наивным, самодеятельным модерном, где все сухо и приблизительно, другой — отдраен по высшей ставке натурализма, приправлен умильной улыбочкой и был так же сух и приторен до крайности. А за оградой клали второй этаж дома, там стояла работница, как бы персонаж этих плакатов, но еще не претворенная их авторами. Она была необыкновенно привлекательна жизненным очарованием — с заляпанным ватником, с живыми жестами, с безусловно острым разговором, с веснушками, пóтом и взмокшими прядями волос, со сложной психологией и сложной пластикой.

Это и был реализм, но передать это, конечно, очень трудно. Если бы это было сделано, это и было бы искусством.

Хемингуэй здорово написал, что есть люди, «...которые не знали, что новый классик не бывает похож на своих предшественников».

В том-то и сила настоящего искусства, что каждый его шаг вперед наполнен и подкреплен жизнью, наполнен всей суммой новых мыслей, новых чувств, и отсюда настоящее живое искусство не может быть не новым. Эта новизна души просто его естественное состояние.

Новаторство нельзя надеть на себя как костюм нового фасона, который носят или не носят сегодня. Новаторство заложено в самой природе настоящего искусства, и возникать оно может из всей жизни художника, из его опыта, из его ежесекундных соединений с жизнью, из всей его биографии человека. Свое новаторство художник должен заработать очень трудным путем.

«Всему виной то, что пишут, когда нечего сказать, когда вода в колодце иссякла». Это тоже написал Хемингуэй.

Откуда же появляется вода в колодце? И когда она появляется?

Каждый день нас охватывает поток жизни, порой он накрывает нас целиком энергией больших событий действительности, порой только задевает тихим краем, мокрой от дождя веткой, розовым облаком в вышине. Все, что встречается за день, огромно и поразительно разнообразно.

Книги по искусству, хорошее искусство действуют очень сильно, после них всегда страстно хочется работать. И искусство удивительно живое — живой Вермеер, живой Дега, живой Федотов, таинственный и живой Врубель.

Потом опять многообразие жизни: цветы и грязь на мостовой, особая интеллигентность многих современных лиц, особая тупость застарелых бюрократов, усталый тембр стариков, особый жаргон молодежи, ее серьги и бусы, обручальные кольца; наше поколение очень остро чувствует эти колебания внешности и души, оно прожило сложную, интересную и трудную жизнь, так сказать, между обручальными кольцами наших родителей и обручальными кольцами наших детей.

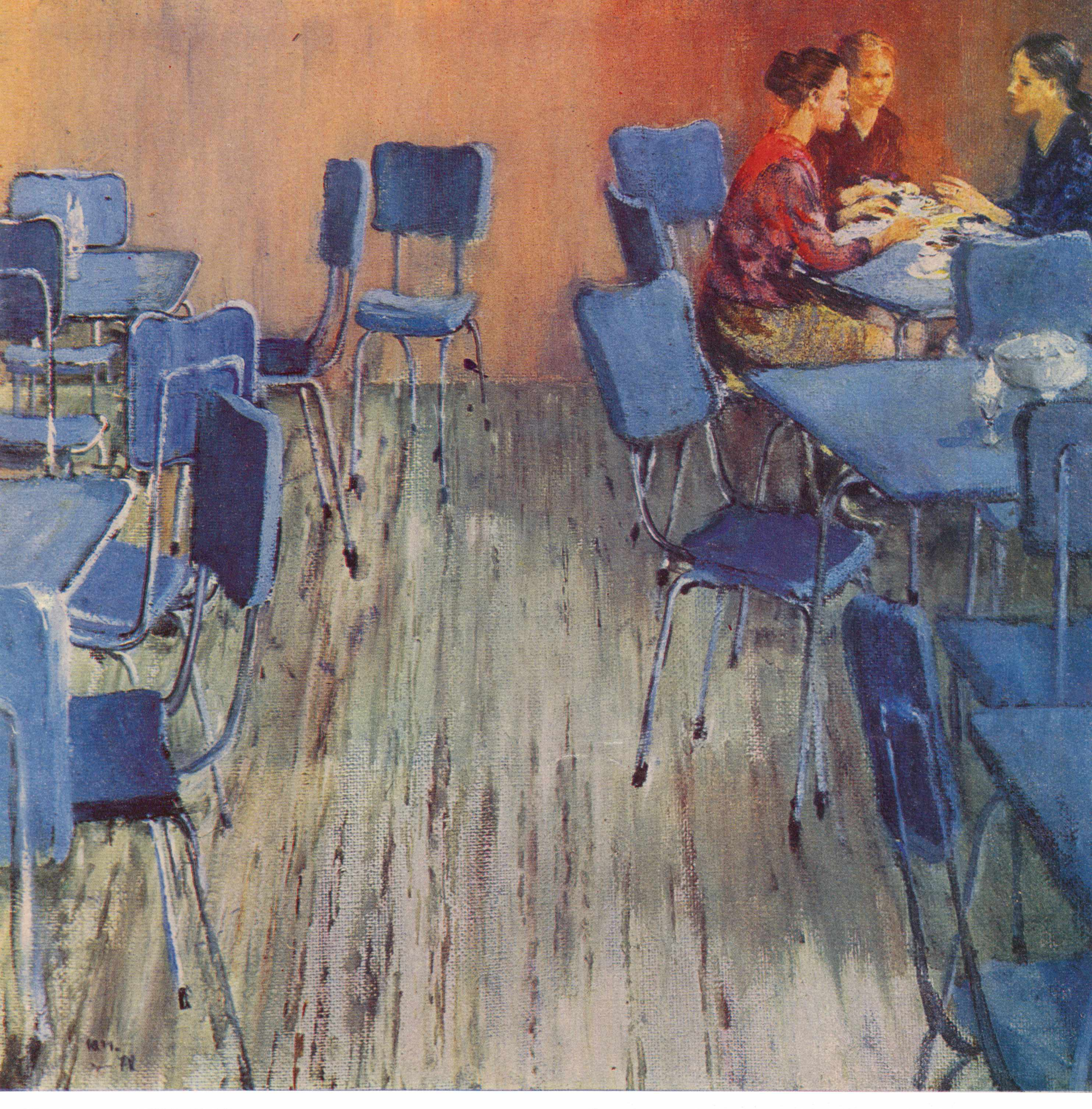
Кипение огромной страны, высокий темп ее жизни, самый разный характер окружающего, иногда грубый, иногда задушевный, остроумный или вульгарный, но всегда полнокровный до предела.

Пустыри, которые заполняются новостройками, пустые парки под осенним мелким дождем, под солнцем и в дождь переполненные стадионы, города и дороги, вагоны, в разное время свободные или набитые до отказа, запах пота, духов, тихие пенсионеры, активно стучащие в домино на затененных скамейках бульваров, иногда перстни уже на мужских, не очень отмытых руках, мороженое, тающее от жары и капающее на потные руки, недорогие украшения женщин, усталость немолодых, активная и очень направленная грация и красота молодых девчонок. Ветер в окнах электрички, пролетающей пригороды, вперемежку рощи и стройки, пыль и станции, запах хвойных лесов и запах навоза больших свинарен, вагончики строительных бригад, свежий асфальт новых дорог.

Такая полнокровная жизнь может быть только в энергичном, активно живущем организме, в стране, которая непрерывно работает, непрерывно делает какие-то большие и сильные вещи, что-то изобретает и что-то отвергает, работает в слякоть и мороз, гуляет в жару и в метель, просыпается ранними утрами и опять шумит своими поездами, дымит дымами всех цветов над своими заводами, мелькает бесконечными нитками текстильных фабрик, выливает тонны бетона, косит траву, пахнущую, как лучшие духи, гремит бидонами молока, смотрит в своих музеях Врубеля и Рембрандта, отражает старинные люстры в современном лаке концертных роялей, гоняет своих футболистов по всем стадионам мира, грузит морские суда, выгружает вагоны, скупает в тысячах магазинов товары всех видов и сортов, уходит на утренние смены, приходит с ночных, уезжает на стройки по всей огромной стране...

Надо какое-то новое искусство, чтобы понять, открыть, изобразить эту мощную многообразность мира, эту явную демократичность жизни, с интеллигентностью и тонкостью, с мещанством и банальностью, с напряжением ума и труда, с мусором паразитизма и иждивенчества, со смесью поэзии и вульгарности. Все эти сложные, противоречивые, часто неожиданные соединения и есть жизнь с большой буквы, и, чем больше в ней плоти, чувства и ума, тем сложнее и тоньше должно быть искусство этой жизни.

Душа искусства — тонкая душа, и, чем сложнее и умнее будет становиться человек, тем богаче и умнее будет становиться его искусство. Искусство — дело интеллигентное: оно требует особого сложного строя души. Его берега закрыты для некультурности и ремесленничества,

Ю. Пименов. ТИХОЕ КАФЕ.

X выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Ю. Пименов. ЗАВТРАК.

Х выставка произведений членов Академии художеств СССР.

МУЗЫКА НАШЕГО ДРУГА

Серафим ТУЛИКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Еще в тридцатых годах, когда только организовался Союз композиторов, имя Анатолия Новикова прочно утвердилось в списке самых деятельных, самых активных пропагандистов советской массовой песни. К тому времени Новиков уже накопил немалый и очень разнообразный опыт пропагандистской работы, начавшейся в армейской художественной самодеятельности, где были и курсантский хор, и клуб Военной академии РККА имени Фрунзе, и оркестр Центрального Дома Красной Армии. Большой общественный темперамент, организаторские способности всегда помогали композитору увлечь людей, повести их за собой. Он и в то время выступает как автор песен и кантат, пишет музыку к клубным спектаклям. Сводный хор красноармейцев, выступавший в Большом театре в день XI годовщины РККА, создан и воспитан Новиковым; праздничные концерты хора стали затем прочной традицией.

Композитор поистине неутомим в своем стремлении шире, глубже знакомить людей с советской музыкой, советской песней. Массовая музыкальная школа Центрального парка имени Горького для Новикова — своеобразная лаборатория новых методов пропаганды советской песни, внедрения ее в жизнь народа. По заказу Политуправления РККА Новиков создает сборники песен, куда вошли многие новые записи и обработки крестьянских, фабричных, ямщицких, солдатских песен...

Надо сказать, что общественная деятельность, так властно захватывавшая всегда композитора, не мешала, а скорее помогала ему в собственном его творчестве. И если он на какое-то время «замолкал», потом оказывалось, что это был период, когда впитывались живительные соки наблюдений, копились силы, черпалась глубина и мудрость из неиссякаемого источника народного искусства, к которому постоянно обращался Новиков... И все это выливалось у него затем в произведениях, наполненных новыми познаниями, открытиями мира.

Появившийся в начале тридцатых годов «Марш красных мотористов» заявил о художнике интересном, умеющем в мелодии, в ритме песни характерно выразить мысль, передать сокровенные черты народной интонации. Песни Новикова заставляли думать, вместе с героями переживать движения их души, жить их жизнью. Простота, рельефность, отточенность музыкальных образов отличают «Песню про Котовского», «По морям и океанам», «Тульскую винтовочку», «О Чапаеве». Все это короткие, но очень емкие музыкальные новеллы, покоряющие законченностью формы, четким единством с поэтическим текстом.

Среди произведений композитора немало песен героических и драматических, и все же отличительной чертой его творчества была и остается светлая жизнерадостность, неудержимое веселье музыкального языка. Они свойственны не только песням шуточным или юмористическим. Новиковская «улыбчивость» характерна и для песен тяжелых военных лет. Вспомним «Самовары-самопалы» или «Вася-Василек», «Зимушка-зима» и многие другие песни, своим оптимистическим, жизнеутверждающим пафосом привлекающие сердца слушателей и исполнителей. Едва появившись, эти песни тут же становились достоянием народа; их пели воины в походах и на привалах, в редкие часы отдыха и передышки на фронте... В те суровые дни войны Советской Армии находили необходимую им теплоту и человечность в песнях Новикова, где говорилось о дорогом и близком каждому,— о братской любви, неразрывном товариществе, о крепкой руке друга, столь необходимой в минуту смертельной опасности...

Любимая тема композитора — патриотизм, высокая гражданственность советского человека, вера в идеалы коммунизма. Любимый его герой — советский патриот, человек мужественный и смелый, исполненный чувства долга и верности Родине. Новиковские песни о героях Хасана, о седовцах, о трактористах и сталеварах, о шахтерах — все они славят советских людей, их дела, их победы!.. А «Боевые подруги», «Наша депутатка», «Баллада о русской женщине»...

Анатолий Григорьевич Новиков.

С годами мастерство композитора росло; все разнообразнее его мелодическая палитра, все разностороннее темы песен.

В 1947 году в Праге собрались на свой первый Всемирный фестиваль представители прогрессивной молодежи мира. И здесь впервые прозвучала замечательная песня Анатолия Новикова, начинающаяся словами: «Дети разных народов, мы мечтою о мире живем...» Тогда же участники фестиваля единодушно избрали ее гимном демократической молодежи. Скоро песня зазвучала на всех языках мира; ее пели на улицах, подхватывали пассажиры автобусов... Гимн стал новым свидетельством подлинной массовости, демократичности музыкального языка композитора.

Постоянно звучит музыка Новикова в исполнении лучших государственных хоров, по радио, в телевизионных передачах... И всегда это очень сердечная, по-молодому задорная музыка. Он не стареет, наш добрый товарищ и друг, композитор Анатолий Григорьевич Новиков. И вот что хочется отметить в день его 75-летнего юбилея: молодость — свойство души — всегда в творчестве нашего друга.

зато в поисках настоящего, в познании мира оно не имеет берегов.

Вот почему жить так интересно, так необыкновенно остро видение окружающего, что это даже трудно для художника, какие-то душевные струны так напрягаются, что кажется, что они не выдержат,— они иногда и не выдерживают.

Но художник работает всегда.

Тот поток жизни, который ударяет в него, он встречает со своей точкой зрения, со своим душевным строем, и эта встреча и есть реальность искусства, потому что она наполнена реальностью мира и отношением человека к нему.

Художник отбирает и выбирает, выбирает то, из чего он старается сделать искусство, образ сложного, противоречивого мира.

И равнодушным быть невозможно. Вот у театрального гардероба торопливо раздеваются две девушки. Их легкие, непринужденные, естественные движения возможны только сегодня. Так не вели себя девушки в прошлом веке, а какими они будут в будущем, об этом мы можем только фантазировать. Я навсегда запоминаю эти две молодые фигуры, покуда наконец они не становятся картиной «Опоздавшие».

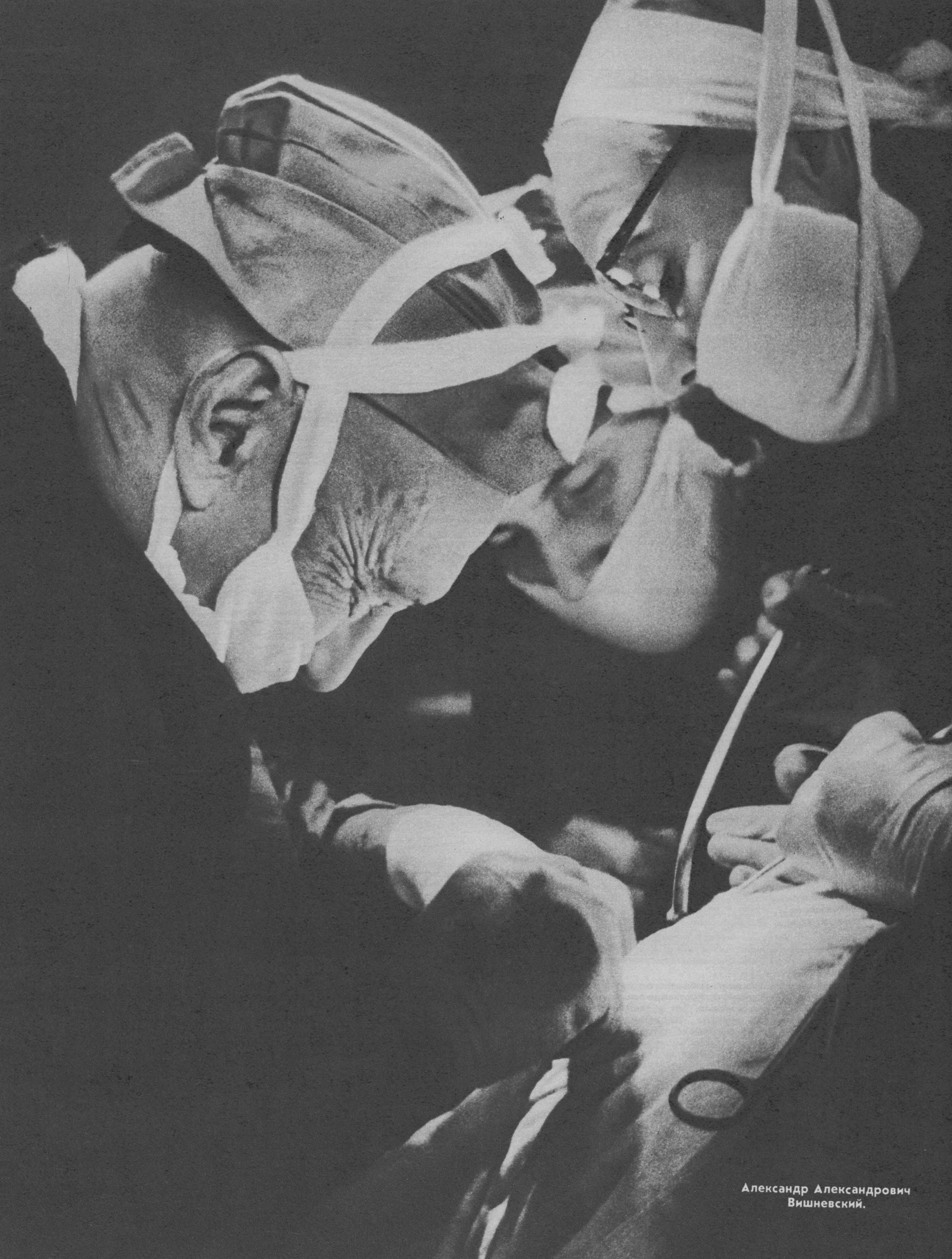
Несколько лет занимала меня тема, которую про себя я называл «встречи, разговоры». Как люди встречаются, о чем говорят они в кафе, на скамейках, бульварах и в вестибюлях метро? Молодые и пожилые, мужчины и женщины, подростки и старики? Я усаживался в полупустых днем кафе, останавливался на каком-нибудь перекрестке или у шероховатого ствола дерева на бульваре и запоминал. Ведь художник, особенно жанрист, всегда должен быть немного зевакой — без остановок, впопыхах ничего толком не увидишь.

...Еще в мае шестьдесят первого года, когда я ездил в Англию по приглашению английской балетной труппы «Фестиваль-балет», появился у меня в альбоме рисунок, как заметка на память о том, как столкнулись мы тогда с трудностями чужого производства... В Англии костюмы делаются примерно так: театр приглашает главную закройщицу, она приезжает в Лондон со своей помощницей-итальянкой, они нанимают английских швеек, снимают квартиру, заваливают ее материей, эскизами и манекенами и начинают шить костюмы. Потом эта француженка-закройщица и ее помощница-итальянка поедут вслед за балетной труппой в Италию, где будет гастролировать труппа и репетировать днем «Снегурочку». Там они опять будут нанимать квартиры и уже итальянских портних и на ходу дошивать костюмы.

В Москве, дома, годы спустя я увидел эту заваленную материей, лентами, обрезками комнату, фигуры женщин, занятых шитьем, уже не как часть переполненного беспокойством и ответственностью производственного процесса, в котором сам был занят, а просто как только художник, больше всего на свете дорожащий живым, выразительным чувством жизни. И вот тогда как воспоминание появилась картина «Лондонские балетные портнихи».

Натюрморт, он тоже, по-моему, делается другим. В нем появляются новые вещи и новые чувства, а мне еще кажется, что натюрморт, как и всякое другое явление, интереснее не выдумывать, а наблюдать в жизни и находить в нем опять какие-то образы времени.

Искусство нельзя придумать, как нельзя придумать биографию; его, как и биографию, можно направить, улучшить и наполнить, но развиваться оно будет по сложным законам жизни, по сложным законам действительности.

Александр Александрович
Вишневский.

17 ЭТАЖЕЙ ХИРУРГИИ

З. ХИРЕН
Фото Д. УХТОМСКОГО.

Этажи хирургии.

Еще 17 этажей хирургии вступают в великое, никогда не затихающее сражение за жизнь человека. Институт хирургии имени профессора А. В. Вишневского Академии медицинских наук СССР справляет свое новоселье на Большой Серпуховской улице, 27.

Директор института профессор Александр Александрович Вишневский разделяет наше восхищение новым зданием, но просит «не нажимать» на бетон и стекло.

— Было бы наивно думать, что именно здесь-то и начнется все впервые и по самому последнему слову науки и техники,— говорит он.— Тут будем продолжать работу, которую вели уже около четверти века в том старинном, на первый взгляд мало приспособленном для современной медицины здании. И задача наша главная остается прежней — помогать людям...

Сняв китель с погонами генерал-полковника, Вишневский надевает передник из прозрачного пластика, зеленую шапочку и, расположившись у широкого окна, рассматривает только что доставленные рентгенограммы. Как обычно, в этот ранний час предстоит операция: закон жизни ученых-хирургов — со скальпелем не расставаться. А Вишневский еще и Главный хирург Министерства обороны СССР. До него этот пост занимал знаменитый нейрохирург, первый президент Академии медицинских наук СССР Николай Нилович Бурденко.

Ни дня без операции... «ибо, как сказал Гиппократ, для руки практика — лучший учитель». Но у Александра Александровича, казалось бы, подобной практики хоть отбавляй — уже свыше сорока лет занимается он исключительно хирургией. Прошел четыре войны. О нем хорошо сказал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: «Им лично была прооперирована не одна тысяча раненых воинов, из которых многие обязаны ему жизнью».

Вишневский и теперь в день делает не одну, а иногда несколько операций, и не только в институте. Вылетает в разные концы страны, за рубеж. Спасает людей в самых трудных случаях, если даже беда застигла их где-нибудь в отдаленном уголке земного шара.

Нам пришлось прервать нашу беседу: Вишневский ушел на очередную операцию. В приемной продолжали раздаваться телефонные звонки. И, как всегда, звонили люди, чьи близкие оказались в самом критическом положении. Звонили родные, друзья, сослуживцы тяжелых больных...

Институт имени А. В. Вишневского — один из ведущих научно-исследовательских медицинских центров. Здесь разрабатываются важнейшие проблемы хирургии сердца, сосудов, легких, абдоминальной хирургии, спинномозговой травмы, лечения ожогов.

Мы обошли все 17 этажей. Нам показали палаты, оснащенные самыми последними достижениями медицинской техники, электронный мозг, помогающий ставить диагноз, телетайп, передававший при нас точный диагноз в Хабаровск. Диагноз этот с нетерпением ждали дальневосточные врачи, столкнувшиеся с очень тяжелым случаем. В лабораториях мы встретили ученых — кибернетиков, рентгено-радиологов, микробиологов, биохимиков...

Теперь из конференц-зала института 600 врачей одновременно могут наблюдать за работой хирургов. Операции будут транслироваться по цветному телевидению на экран площадью в 10 квадратных метров.

Получив соответствующее разрешение и облачившись в специальную одежду, мы поднимаемся на тринадцатый этаж, где сосредоточены операционные. С минуты на минуту в одну из них должен явиться Вишневский. Все его помощники уже давно заняли свои места. Привозят больную — светловолосую девочку лет трехчетырех. Резко выделяются на лице синие губы. Девочку кладут на операционный стол. Сонными глазами она смотрит на обступивших ее врачей и сестер. Статистика утверждает, что каждые сутки появляется на свет около двух тысяч детей с врожденными пороками сердца. Эта девочка одна из них. Ей должны произвести наложение соустья между подключичной и легочной артериями.

Еще каких-нибудь тридцать лет назад такие операции не производились. Правда, детям, страдавшим врожденными пороками, оказывали некоторую помощь, но была она недостаточной и, как правило, больных не спасала. Одним из первых вместе с выдающимися хирургами А. Н. Бакулевым, П. А. Куприяновым, Б. В. Петровским подобную операцию успешно осуществил А. А. Вишневский. С тех пор он их сделал сотни. И все же в голосе Вишневского мы улавливаем тревогу и волнение.

...Заканчиваются последние приготовления. Начинает поступать информация о состоянии организма, о режимах работы аппаратуры. На экране электрокардиографа мелькают огоньки — это биение маленького сердца, ритм его работы. Девочке дают подышать циклопропаном, и она тут же засыпает. В вену вводится вещество, выключающее дыхание. Профессор-анестезиолог Т. М. Дарбинян подключает дыхательный аппарат. Когда Вишневский подходит к больной, девочка уже вся закрыта зеленоватой тканью. Свободно только хирургическое поле, на котором предстоит действовать врачу. «Будь добра, сними с меня очки»,— просит Вишневский сестру. Без очков его лицо кажется каким-то беспомощным, но лишь только наклоняется он над больной, как лицо его тут же преображается, становится целеустремленным, волевым.

Скальпель, зажатый между большим и указательным пальцами, совершает свой путь к сердцу. Сестра точно в нужную секунду подает Вишневскому инструменты и нитки. Хирург завязывает один узелок за другим. «Самую тонкую ниточку»,— требует хирург. «Недостаточно тонка»,— замечает он, продолжая работать. И теперь он еще ниже склоняется над больной.

...Операция окончена. Девочка просыпается, ее везут в послеоперационную палату и бережно укладывают в постель.

Таких маленьких пациентов в институте немало. Для них в новом здании отведен целый этаж. В просторном зале отдыха — детская мебель, игрушки, книжки, последние номера «Мурзилки».

Да, операция окончена. Бесконечно сложным было все... И если взглянуть на операцию глазами хирурга, знаменитого нашего хирурга С. С. Юдина, к слову сказать, одного из первых директоров этого института, то мы узнаем, что «тут нужны четкость и быстрота пальцев скрипача и пианиста, верность глазомера и зоркость охотника, способность различать малейшие нюансы света и оттенков, как у лучших художников, чувство формы и гармонии тела, как у лучших скульпторов, тщательность кружевниц и вышивальщиц шелком и бисером, мастерство кройки, присущее опытным закройщикам и модельным башмачникам, а главное, умение шить и завязывать узлы двумя-тремя пальцами вслепую на большой глубине, то есть проявляя свойства профессиональных фокусников и жонглеров».

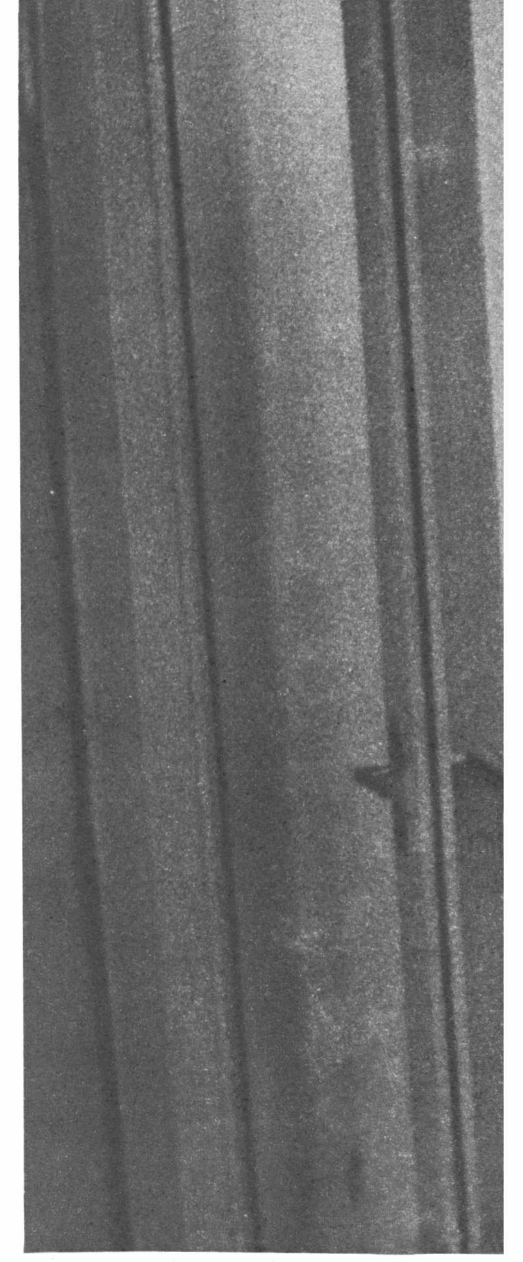
И вот мы снова в кабинете Вишневского. Теперь голос его умиротворенный, взгляд более спокойный. Мы говорим, что вернулись из послеоперационной. Таких палат прежде было всего две, и поместить туда можно было не более шести оперированных, а в новом здании им отведен весь этаж, и можно принять одновременно тридцать больных.

— Некоторые удивляются, зачем мы, медики, придаем такое значение кибернетике, вычислительным машинам, полимерам. Да, хирурги, осваивая человеческий организм, имея дело со скрытыми и тяжелыми недугами, не могут не призывать на помощь технические новшества. Новое здание позволяет нам еще шире ими воспользоваться. Мы имеем возможность помочь врачам, находящимся за много тысяч километров от Москвы, устанавливать в трудных случаях точный диагноз и выбирать правильное решение. На все затрачивается несколько минут. Достигается это, как вы убедились, телетайпной дистанционной диагностикой.

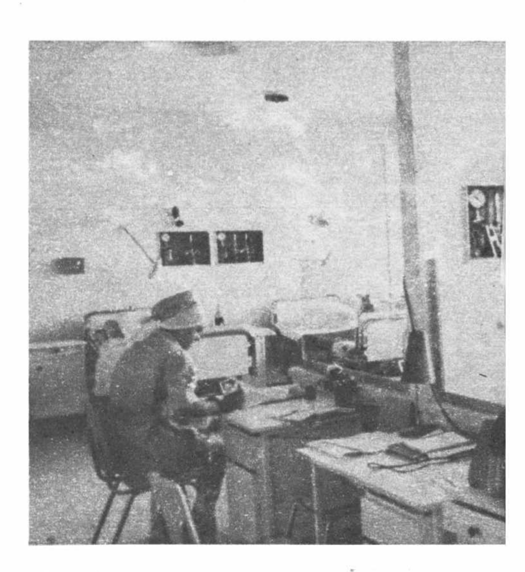
Вас интересует, как будет вестись наблюдение за послеоперационными больными? Прежде это делали врач и сестры. То же самое происходит и здесь. Но тут прибавляется немаловажная деталь. Сейчас перед глазами дежурного врача висит табло «К». Это комплекс аппаратуры, позволяющий вести непрерывные наблюдения за основными параметрами организма больного. Взглянув на табло, врач получает самое точное представление о том, что происходит с больным, даже когда тот спит. И если случится что-либо непредвиденное, табло тут же подаст сигнал тревоги.

Многие предполагали,— продолжает профессор,— что в новом здании количество коек увеличится в несколько раз. Это, к сожалению, невозможно. Клиника рассчитана на 350 больных. Вся же остальная территория предназначена для исследований. В конечном счете все сводится к одному — помочь людям.

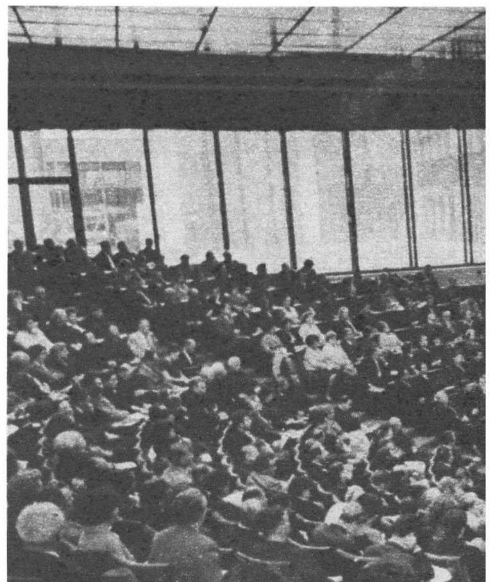
Каждая операция для нас, хирургов,— главное событие жизни, то, ради чего мы живем...

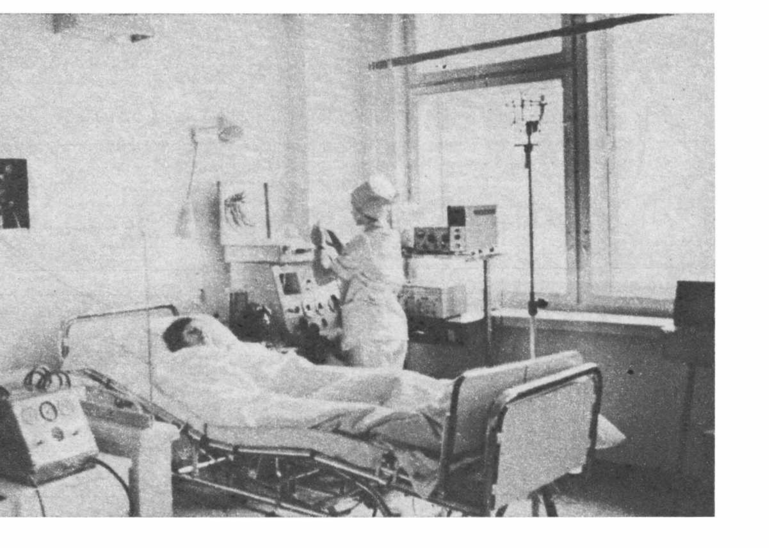
После операции.

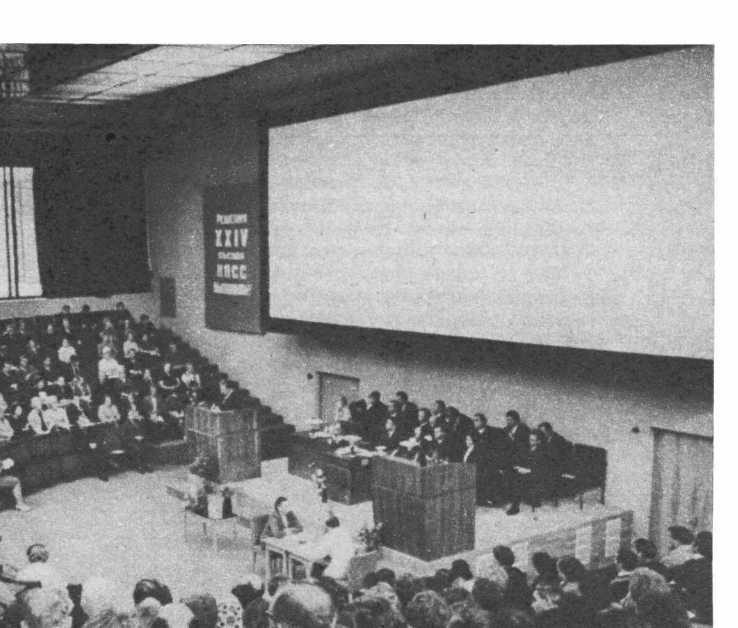

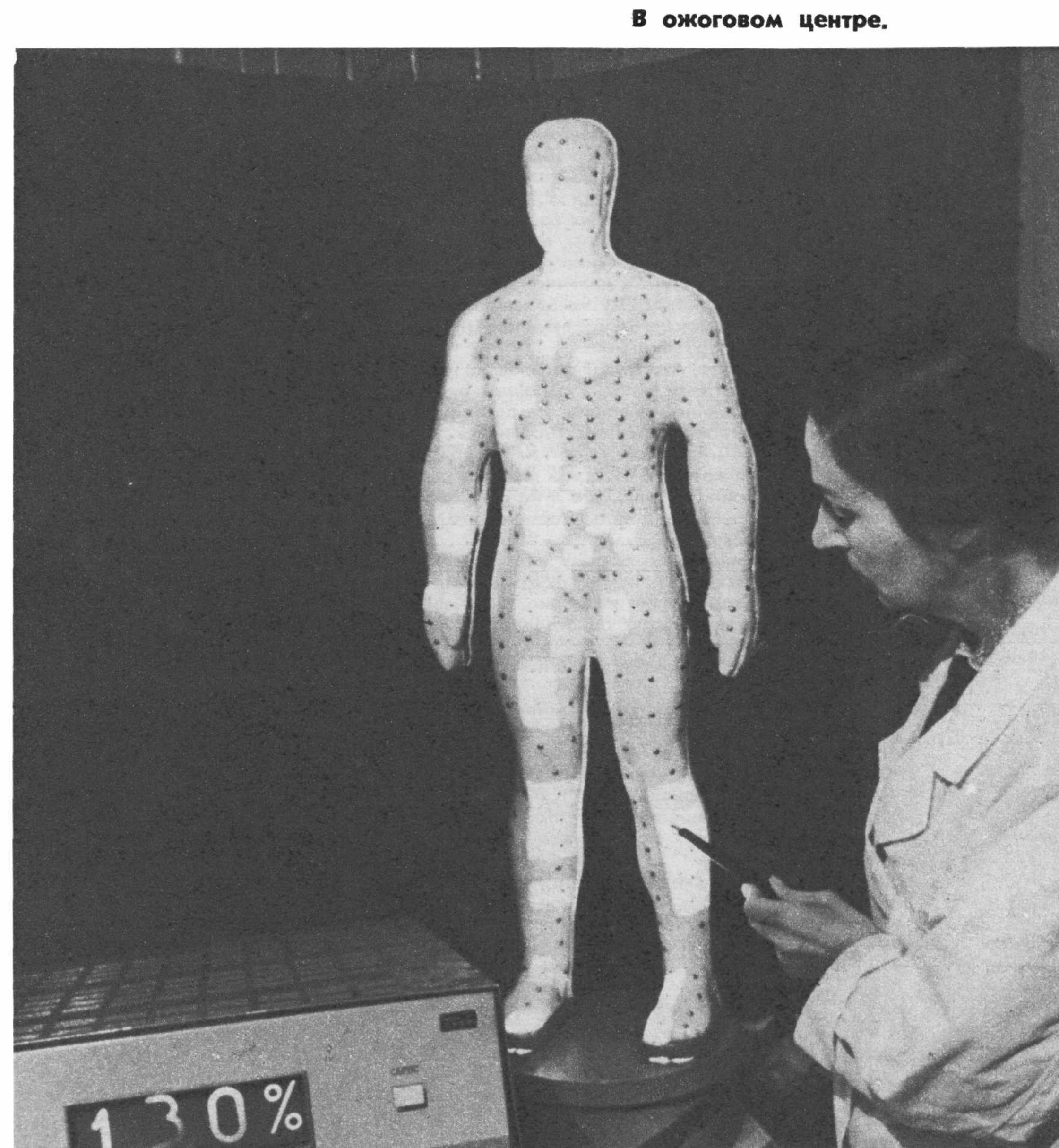
Конференц-зал института.

В ожоговом центре.

ЖУРАВЛИНАЯ СТАЯ

Гарий НЕМЧЕНКО

РАССКАЗ

Рисунок И. МИХАЙЛИНА

К другу своему Ивану Яковлевичу я приехал явно не вовремя. Он сокрушался:

— Ну что бы тебе прикатить денька три-четыре назад? И погода стояла какая, и со временем у меня было посвободней. А теперь морозец нам все карты спутал: ни картошку, ни свеклу не убрали, да и овчарни как следует к холодам подготовить не успели. Вот бы денька три-четыре назад...

— Да, конечно,— попробовал я поддеть его.— Тогда о зиме еще можно было не думать...

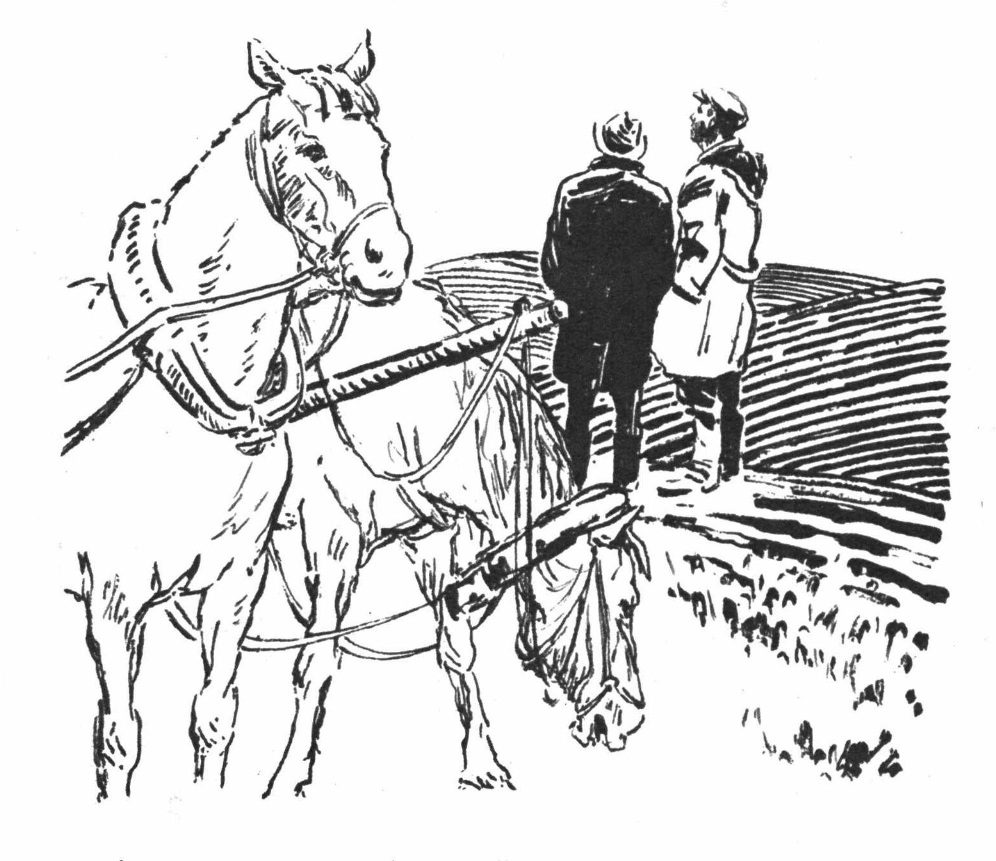
Но Иван Яковлевич только рукой махнул: ему было не до шуток.

Тут к нему вошли ветеринар да агроном, разговор у них начался горячий, и я, чтобы не мешаться, потихоньку поднялся да бочком — в дверь.

Сначала, раздумывая о том, что теперь делать, принялся я шагать туда-сюда на небольшом пятачке сухой травы рядом с конторой, а потом вышел к высокому обрыву за ней и остановился, оглядываясь.

Между белых — из меловой крошки — отлогих бережков тонко извивалась внизу зеленоватая речка, а чуть поодаль по обе стороны от нее вставали кручи с гребешками пожухлой травы на макушках, дальше один за другим толпились крутые холмы, на которых причудливо расположилась станица, а вокруг этих холмов, как будто обступив их со всех сторон, цепь за цепью теснились горы, и ближние изжелта-серые от заштрихованной стволами деревьев опавшей листвы, а дальние становились все темней и темней, и смутно белевшие, кое-где уже покрытые снегом их вершины пропадали в предвечерней дымке.

Несмотря на то, что радоваться было нечему, я почему-то был в очень хорошем расположении духа... Мне нравилась эта затерянная в синих предгорьях станица, нравились эти рыжие холмы и далекий снег на горбатых хребтах, и я в который уже раз начинал себе говорить: нет-нет, хорошо, что я не стал больше эту поездку откладывать, хорошо, что собрался наконец да и поехал.

Так я и прошагал по обрыву над речушкой до самых сумерек.

В окнах конторы давно уже ярко горел свет. Потом они погасли вдруг одно за другим, и я заспешил к крыльцу.

Иван Яковлевич улыбнулся мне, хитровато щурясь:

— Считай, тебе повезло. Решили, что надо мне по отарам проехать да еще кой-куда заглянуть. Поедем верхами, так быстрей будет. Только, понимаешь, кони у нас один другого норовистей — не боишься?

Тут на меня кашель напал, потом я начал прикуривать, и друг мой не стал дожидаться, пока я ему отвечу.

— А теперь,— сказал он,— ко мне... Попьем чайку с калиновым вареньем, отоспимся как следует, а рано утречком — в путь.

Домой к нему мы поехали на линейке.

По крутой дороге она быстро скатилась вниз, и лошади побежали посреди мелкой речушки между смутно белевших в темноте меловых бережков. Снизу тонко потянуло холодом. Глухие кручи с обеих сторон теперь придвинулись близко, и еще неяркие звезды то исчезали за темными их горбами, то появлялись вновь...

Потом пропали разом и острый всплеск под копытами лошадей и мягкий шелест воды под колесами, линейку под нами дернуло, и кони, напрягаясь, пошли в гору. По накатанной дороге посреди очень широкой улицы побежали бойко, и звезды теперь то пропадали за крышами, то подрагивали и покачивались среди голых ветвей черных деревьев.

В садах уже собирался, густея, уже стыл сизый туман, и окна домов светились как будто сквозь легкий дым.

Иван Яковлевич напевал без слов, негромко и задумчиво, словно все еще продолжал размышлять о делах, и я положил руку ему на колено, хотел заговорить, но линейка под нами опять дернулась и, клонясь на один бок, стремительно понеслась вниз. Я так и застыл с открытым ртом, вцепившись в колено своего друга, а он посмотрел на меня и снова хитровато прищурился.

И мы опять ехали по воде и опять потом поднимались в гору, чтобы через несколько сотен метров снова спуститься к руслу речушки. Одни и те же темные холмы, помеченные красноватыми квадратами света, оказывались от нас то слева, то справа, знакомые созвездия покачивались то впереди, то сбоку, а дорога наша кружила и кружила, шла петлями вверх и вниз. И все не было ей конца, будто ехали мы куда-то очень далеко.

Заметно похолодало, и огоньки в окнах стали еще уютней. Изредка хлопал кнут, и тогда громче начинали екать у коней селезенки, ча-

ще похлюстывали по грязи копыта, громче бренчала и хлябала линейка, и все эти четкие звуки и теплые на осеннем морозце конские запахи как будто уносили куда-то очень далеко. Мне вспоминались воля и простор моего деревенского детства, то купание коней, а то ночное, пастьба, и хотелось громко вздохнуть, и отчего-то начинало тонко щемить в груди...

А утром снова ехали мы на линейке, теперь только вдвоем с Иваном Яковлевичем, и он, отыгрываясь за вчерашнюю подковырку, насмешничал:

— Может, признаешься, что ночь не спал? Все, небось, думал: а вдруг конь и в самом деле такой попадется, что никакого сладу.

Я только улыбался. Спать-то я крепко спал, но насчет седла, признаться, задумывался. Мне и в детстве не очень везло, несколько раз с коня падал. С тех пор лет двадцать, если не больше, к лошадям и близко не подходил: какой с меня джигит?..

— Километров сто отмахать придется, тут и привычному да умелому не так просто,— говорил Иван Яковлевич уже серьезно.— А дорога — увидишь сам. Это еще цветочки...

Мы ехали обочиной лесной топи, под ногами лошадей ломался ледок, глухо чавкала под ним загустевшая грязь. Линейка наша сильно кренилась, и Ивану Яковлевичу пришлось привстать на подножке, отклоняясь вправо, а я теперь лежал на спине, широко раскинутыми руками судорожно хватаясь за подстилку из сена, и ноги мои беспомощно висели над размятым краем болота.

Утро было студеное, но мы замечали это лишь тогда, когда выезжали на горб очередного пригорка и на минуту останавливались. Все остальное время мерзнуть нам было некогда.

Зато какая открылась красота, когда с гор, где на северных склонах уже лежала тонкая корочка снега, мы оглядывались вниз, на подернутые голубой дымкой долины!..

В тихой радости я только покачивал головой. Иван Яковлевич, который давно уже приглашал меня посмотреть родные ему предгорья, нарочно сдерживался:

— Это еще что. Погоди, я тебя на Батарею привезу, вот тогда скажешь!

Я оставался на месте, зачарованно вглядываясь то в подсвеченные утренним солнцем алые макушки далеких снежников, то в синезеленые, с рыжими пятнами цвета холмов, которые остались внизу. А друг мой незаметно отходил от меня, уже ковырял носком кирзового сапога стылую землю, наклонялся, выбирая картофелину, придавливал ее пальцами, покачивал головой, торопливо шел дальше. Иногда он отбирал у меня бинокль, и тогда я видел, что смотрит он не на снеговые пики на горизонте — смотрит на соседний пригорок, где по коричневатой стерне бредет еле заметная отсюда отара.

К обеду мы побывали и в отарах и в пустующих днем овчарнях, около которых неистовым лаем встречали нас только сидящие на цепи волкодавы.

Я уже посматривал на свой рюкзак, в котором лежала наша еда. Иван Яковлевич, перехвативший мой взгляд, подмигнул:

— Сейчас к одному месту подъедем, там...

Линейка скатилась в неглубокую седловину, потом по краю ее лошади снова потянули нас вверх.

Дороги здесь не было, под линейкой тихо похрустывала пожухлая степная трава.

Я увидел впереди край горы, уходящий вниз очень круто, невольно привстал, но Иван Яковлевич уже натянул вожжи.

— Говорят, в турецкую войну тут стояли русские пушки. Оттого и название пошло: Батарея.

Я подошел к краю холма и замер. Глубоко внизу лежала ярко освещенная солнцем просторная котловина. Прожилками посреди темно-рыжей степи тонко голубели вилюшки крошечной отсюда реки. Над зеленоватыми низинами еще курился туман, за серыми взлобками прятались сизые тени. Далеко впереди льдисто поблескивал вытянутый овал озера. За ним снова поднимались холмы, на плоских их вершинах густела синяя кромка, а над нею вставали под ясным небом молочно-белые пики снеговых гор. Горы эти тянулись четким полукругом, они как будто замыкали обширную котловину, и слева и справа обрезанную крутыми обрывами далеких холмов.

Мы смотрели и смотрели, не отрываясь.

Было недалеко за полдень. Наступил тот короткий глубокой осенью час, когда ненадолго снова побеждает теплынь. В воздухе как будто чувствовалось легкое дрожание марева, однако дымки не было видно. Небо оставалось по-осеннему высоким, четко виднелась даль, и тишина вокруг стояла тоже совершенно особая, такая, что даже тоненький скрип линейки, которую слегка подвигали изредка переступавшие позади нас лошади, отчего-то казался грустным.

— Другой раз допекут, расстроишься,— негромко заговорил Иван Яковлевич.— А посидишь на этом взгорке, притихнешь, и все как рукой...

Мне показалось, что где-то далеко послышался слабый журавлиный крик. Я прислушался, еще не оглядываясь, а друг мой сказал:

— Поздненько они... вон, смотри!

Птицы летели слева от нас, с востока. Яснее стали их голоса, как всегда, трогательные своею как будто осознанною печалью, а потом они раздались совсем громко, и слышалось в них что-то необычное, каждый звук был словно не курлыканье, а тревожный вскрик.

И порядок, в котором они летели, тоже казался странным. Как будто не было обычного треугольника, внутри стаи журавли кружили и перелетали с места на место.

Я обернулся к своему другу:

— Что там... может, их коршун бьет?..

Иван Яковлевич напряженно глядел из-под руки.

Птицы были уже совсем близко. Теперь они растягивались в треугольник и кричали потише прежнего, как вдруг я увидел: один журавль словно бы выпал из стаи, опять нарушая ее порядок. Заваливаясь на один бок, он косо уходил вниз, и в судорожном махе его крыльев было что-то беспомощное.

И в тот же миг журавлиный строй снова сломался. Несколько птиц, летевших в конце стаи, бросились вниз, обогнали отставшего журавля, подлетели под него с разных сторон. Взмахи их серых крыл стали резче, здесь, на земле, отчетливо послышался их тугой шелестящий посвист, и мне показалось, легкой волной сюда донесся и поколебленный холодок высоты и слабое живое тепло разогретых полетом перьев.

Журавли снова курлыкали громко и как будто торопливо, и я готов был поклясться, что голоса их различимы, что в тревожном хоре можно уловить и обреченный вскрик отставшего и клики остальных — они подбадривали, они напоминали о надежде, они обещали помощь...

Не знаю, поддерживал ли ослабевшую птицу поток воздуха снизу или ее подталкивало вверх касание крыл, но она уже как будто приподнялась поближе к остальным. А журавли все перестраивались на лету, и задние вновь и вновь ныряли вниз, сменяя уставших, а те взмывали вверх, пристраиваясь в конце стаи. И только передний журавль да еще несколько птиц, летевших сразу за ним, махали крыльями по-прежнему неторопливо, все так же оставаясь на своих местах, все так же указывая путь всему косяку.

Мы все стояли, глядя им вслед, и тревожные голоса птиц становились все тише, они улетали дальше и дальше, унося в нелегком странствии ослабевшего своего спутника.

Иван Яковлевич, все не убиравший от глаз козырек ладони, сказал, как будто сочувствуя:

— А полетели-то как! То обычно туда, еще дальше в горы идут, а эти прямиком к морю... Спешат!

Курлыканья уже не было слышно, только видно было, что птицы все еще перестраиваются, все еще кружат внутри стаи.

— А может, он все болел да все никак не мог поправиться? — сказал Иван Яковлевич, и глаза у него потеплели.— А они все ждали его, все дальнюю дорогу откладывали... оттого и поздно!

Мы опять глядели вслед птицам.

Не упадет ли ослабевший журавль?.. Не покинет ли его стая? Удастся ли им всем благополучно долететь до жарких стран, переждать холодную зиму и снова вернуться на свою родину? Как знать!..

...В станицу мы возвращались поздно вечером. С гор потягивало острым холодком.

Иван Яковлевич, натянувший на кепку синий шерстяной башлык, что-то негромко напевал. Я прятал лицо под капюшоном куртки.

Впереди уже видны были красные огоньки, причудливо разбросанные на темных холмах.

А мне в который раз вспомнилась журавлиная стая, и сердце вдруг тонко защемило, и я будто почувствовал какую-то вину. Я подумал о своих друзьях... подумал о других людях... Все ли я всегда делал, чтобы кого-то из них поддержать? Может быть, кого-то спасти...

И друг мой думал, верно, о том же. Он перестал петь и как будто сам себе негромко сказал:

— Подумать... птицы!

И вздохнул.

ПОРА

Евгений ФЕЙЕРАБЕНД

* * *

Забытая дорога предо мною,
Прорезавшая княжество лесное
И с двух сторон стесняемая им.
Ее не режет ободом тугим,
Ныряя в колеях, высокий воз.
Не слышно ни копыт
И ни колес.
И след подков
Дождями напрочь смыт,
И затянулись колеи, как раны...
Но смутная печаль меня томит,
И я стою, охвачен чувством странным.
Мне кажется,
Что ей среди лесов,
В цветах и травах еле различимой,
Все не хватает чьих-то голосов
И жаль того,
Что жизнь проходит мимо,
Что лучше быть для всех колес открытой,
Чем никому не нужной, и забытой,
И глухо зарастающей травой,
Что лучше быть растоптанной копытом,
Изрезанной железом,
Но живой!

* * *

Есть в речи слово емкое — пора.
Не только время,
Но и срок для дела:
Пора пахать
И сеять рожь пора,
И убирать хлеба
Пора приспела.
Какая нынче славная пора!
Страна
Такую силу обрела
И накопила всякого добра,
Наукой и искусством овладела,
Своих сынов
Под звезды подняла
И дальние планеты оглядела.
Но ждут, зовут
Все большие дела,
И в парусах —
Попутные ветра.
И если кто-то
Ходит возле дела,
То пусть берется, делает.
Пора!

Свердловск.

МЫ ПОЛНЫ ОПТИМИЗМА!

«СТОИЛО БЫ ВЗЯТЬ ЗА ПРАВИЛО, ЧТОБЫ ЧЛЕНЫ ВЛКСМ, ПРИНЯТЫЕ В ПАРТИЮ, ПРОДОЛЖАЛИ АКТИВНО РАБОТАТЬ В КОМСОМОЛЕ, ПОКА НЕ ПОЛУЧАТ ДРУГОГО ПОРУЧЕНИЯ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ».

Л. И. БРЕЖНЕВ.

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Их две тысячи, и ни один не похож на другого. А все вместе они составляют единую дружную семью, именуемую комсомольской организацией Электростальского завода тяжелого машиностроения, или на экономном языке сокращений — ЭЗТМ. И, как в каждой семье,— свои заботы, свои проблемы, свои радости.

Нам повезло: мы попали на очень интересное заседание заводского комитета комсомола. На повестке дня — утверждение комсомольских рекомендаций вступающим в партию. Один за другим представали перед комитетом ребята и девчата, им задавали вопросы — разные. Но был один, обязательный для всех,— что ты сделал в комсомоле? И, утверждая рекомендацию, напутствовали пожеланием: «Пусть твоим первым партийным поручением будет работа с комсомольцами!»

И мы поняли: здесь это не просто пожелание, а принцип.

...Заместитель секретаря комитета Юра Дорохов, с которым мы ходили по заводу, очень настойчиво советовал нам поговорить с Героем Социалистического Труда расточником Львом Александровичем Дьяченко.

— Он тоже комсомолец? — спросили мы.

— Нет, он коммунист...

— Но мы хотели бы рассказать о комсомольцах.

— А вы все-таки с ним побеседуйте. Вот увидите, это будет разговор о комсомольцах...

ЛЕВ ДЬЯЧЕНКО стоял у станка, на котором обрабатывалась диковинного вида огромная деталь. Вдоль стен выстроились рядком, как солдаты на смотру, различные приспособления. Все вокруг сверкало чистотой, и вообще порядок был отменный. Словно практиканты профессора на показательной операции, окружили Дьяченко парни и девушки и сосредоточенно следили за каждым его движением.

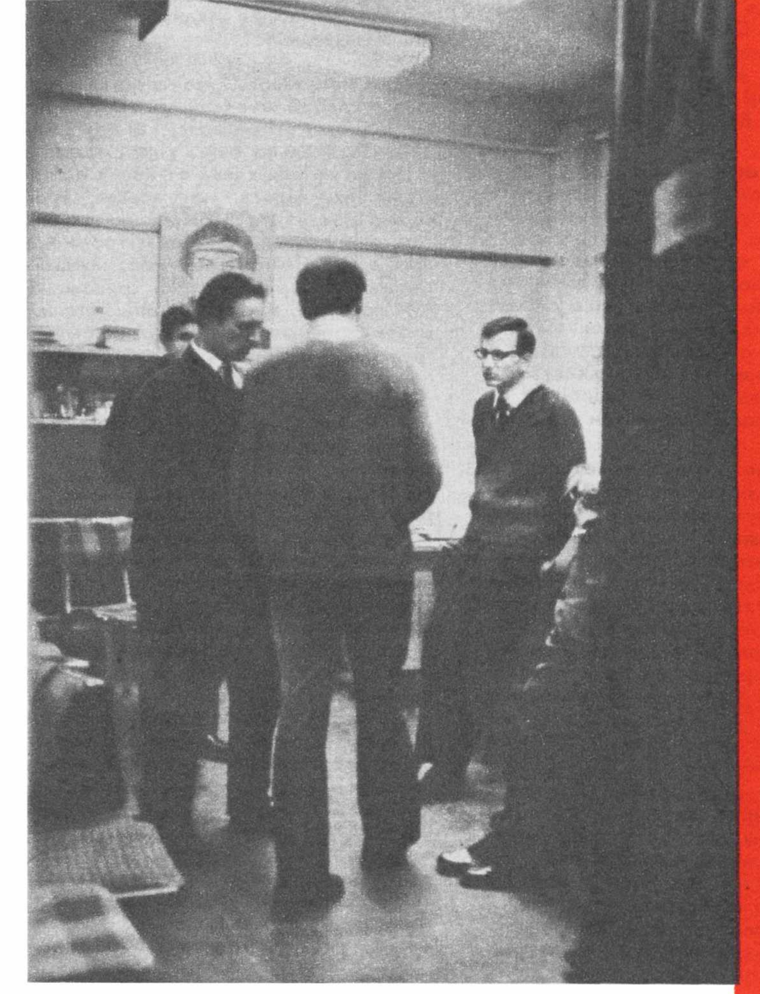
Мы дождались конца работы и попросили Льва Александровича рассказать о себе.

— В 1944 году,— неторопливо начал он,— я пришел на завод из ногинской школы ФЗО, по-нынешнему — из ПТУ. Мальчишкой еще. Потом служил в армии, там и в комсомол вступил. После службы — в свой цех. Вот и вся моя биография. Когда вступал в партию, ребята мне сказали: «Пусть твоим первым поручением будет работа с комсомольцами!» И, знаете, уже много лет выполняю это последнее комсомольское и первое партийное поручение. Теперь я член цехового партийного бюро, а мой сектор все тот же — отвечаю в бюро за комсомол. Обязанность, скажем прямо, не самая легкая — к нам ведь все время пополнение приходит, и из этих ребят надо сделать настоящих рабочих. И тут, как в жизни любого человека, все начинается с первого шага. А первая заповедь у нас — полюби свою работу. Но молодежь — народ особый, если им неинтересно,— толку не добьешься. Было дело, не приживались ребята. В чем причина? Оказалось, просто: рабочее место отпугивало, не думали о самом элементарном — чистоте. Исправили, навели порядок, и все изменилось. Чтобы человек в соревнование включился не формально, а со всей душой, в первую очередь его должна наполнять радость труда. Весело ему надо работать, легко, душевно. А коли кругом беспорядок и грязь, откуда радости взяться?

И еще одно, на мой взгляд, важнейшее условие — пример старших товарищей, коммунистов. И спрос по полному счету. У меня ведь учеников много было, да и вообще ребята приходят ко мне часто — и посоветоваться и поделиться своими соображениями. Так я никого по плечу не похлопываю и себя хлопать не даю. Бывало и такое, что парень, получив первую «самостоятельную» получку или премию, подойдет после работы и зовет:

— Пойдем посидим в ресторане...

— Зачем? — спрашиваю.

Секретарь комитета комсомола Юрий Дорохов.

— Ну, как же, ваша доля в этом тоже есть, вы же меня выучили, так уж принято!

— А кто, извини, это дурацкое правило завел?

Пожмет плечами, устыдится и по моему совету идет покупать себе что-нибудь нужное. А если ты с ним водку пить пошел,— прощайся со своим авторитетом, и спросить ты с него уже ни работы, ни участия в лучших наших жизненных делах не сможешь. Так-то!

Вот вам самые что ни на есть простые примеры. Так сказать, рабочие азы, потому что работа воспитательная включает в себя несчетное количество важнейших моментов. А так как я этой работой все время занимаюсь, то и чувство у меня такое, словно до сих пор у меня в кармане комсомольский билет...

ВОЛОДЯ БАЛБАЛОВ оказался человеком исключительно точным. Мы договорились встретиться с ним в детском клубе «Звездочка» в одиннадцать. Пришли за три минуты,— его не было. Мы уже собрались огорчиться, но в одиннадцать ноль-ноль Володя показался в дверях, и через несколько минут мы уже шагали на стадион в окружении шустрых мальчишек, составляющих боевое ядро футбольной команды «Звездочка». Команда — чемпион среди заводских детских команд, а по городу занимает второе место. То рвение, с которым они приступили к тренировке, не оставляло сомнений, что вопрос о первом месте — дело недалекого будущего.

Тренер команды, как вы уже наверняка догадались, и есть Володя Балбалов — токарь, член заводского комитета комсомола (шефский сектор). За мальчишек взялся по собственной инициативе.

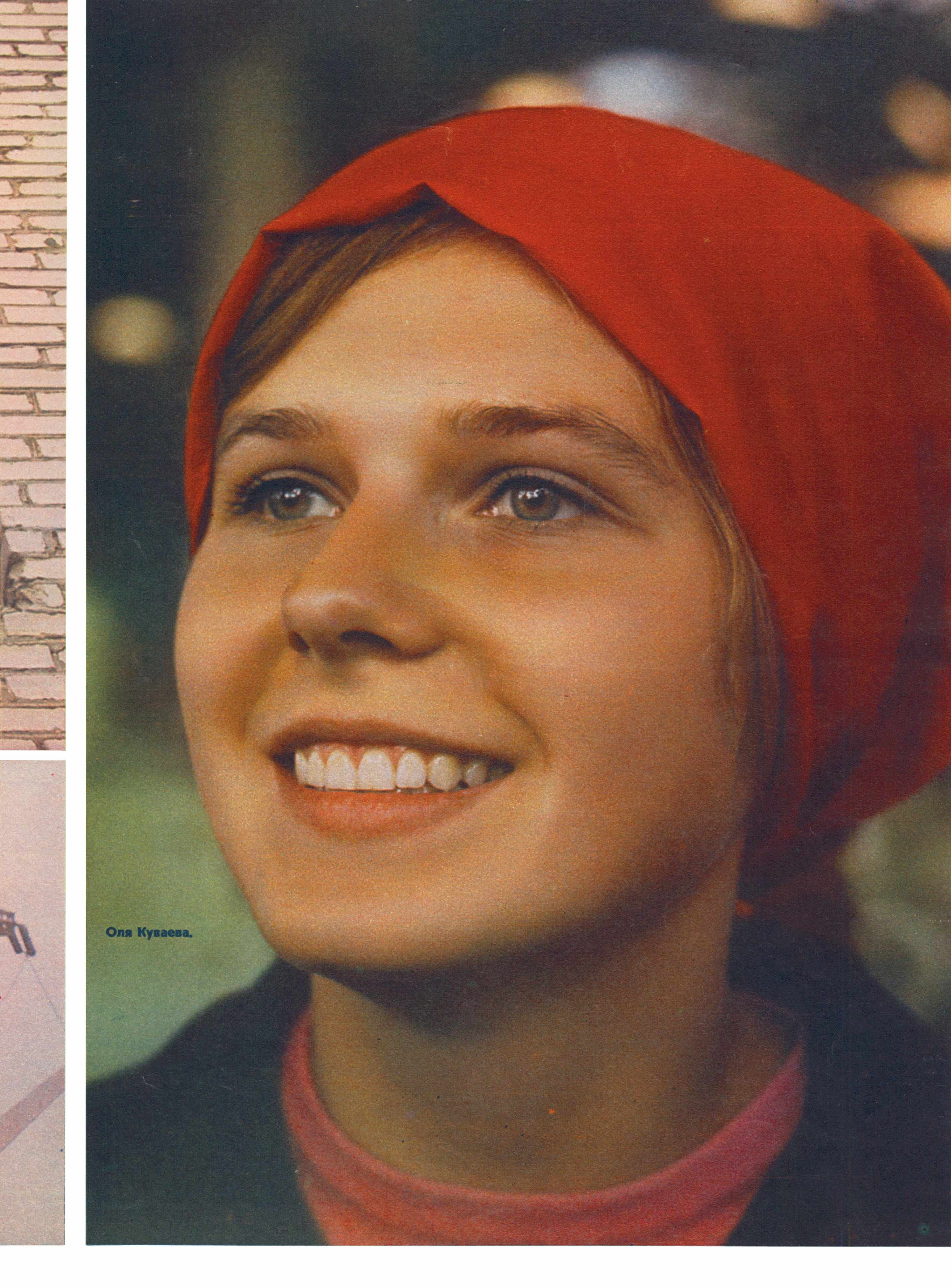
— Представляете, был же полный развал!— рассказывает Володя, поглядывая, как его подопечные делают разминку.— Ни команды, ни формы, а уж на носу соревнования. Пришлось нажимать на самолю-

Борис Вишняков и Анатолий Селезнев — наладчики станков с программным управлением.

— Нам дождь не страшен!

— Мы строим наш техникум...

Оля Куваева.

— Несмотря на осень, наш ансамбль называется по-прежнему «Весна»!

Володя Балбалов со своими подопечными.

бие. Разозлил их как следует. А спортивная злость — вещь полезная. Подтянулись, собрались, начали по-настоящему тренироваться. И в школе у всех дела пошли успешней. У нас ведь правило — получил двойку, к тренировкам не допускаем, вроде временной дисквалификации. Вот они и стараются: играть-то охота! Летом и осенью — футбол, зимой — хоккей. Двадцать их у меня в команде. У каждого свой характер — без особого ключика не подберешься. Ужасно ко всему восприимчивы, поэтому и нужно успеть привить именно хорошее. Большой-то хитрости тут нет, потому что у мальчишек в этом возрасте обостренное чувство справедливости, и если его умело использовать, вырастут они людьми хорошими. А ведь эти самые ребята через несколько лет придут к нам на завод. Это, так сказать, завтрашний день завода, и день этот надо готовить сегодня.

ОЛЯ КУВАЕВА нам сразу понравилась. Такое уж у нее открытое, доброе и веселое лицо. Сфотографировали мы ее на рабочем месте и стали записывать данные — 4-й механосборочный цех...

— Нет, нет,— сказала Оля,— я сегодня расчет беру!

— Как расчет? Уходишь с завода?

— Ну что вы! — изумилась Оля. — Как это можно с завода уйти?! У меня отец тут работал, недавно на пенсию вышел, и мама в заводских детских яслях малышей воспитывает. А я в этом цехе на практике была, потому что учусь в нашем заводском машиностроительном техникуме. Это уж вторая практика, а первая — в учебно-производственном цехе, вы там не были? Ну, тогда идемте, он напротив...

— Это называется блок цехов,— объясняет Оля,— вот тут учебный, а здание рядом, что строится,— наш новый техникум. Строители что-то очень уж медлят, а нам к спеху, старое помещение тесное стало, неудобно заниматься. Так мы после занятий ходим сюда и работаем на стройке, чтобы побыстрей переселиться. И будет здесь тогда целый учебный комплекс...

Учебно-производственный цех встретил нас шумом станков.

Оле тут все знакомо, и ее все помнят, значит, хорошо практику отработала.

— Вот смотрите,— объясняет наш милый экскурсовод,— эта половина цеха учебная, а та — производственная, там работают люди постоянные, а на учебной половине все время меняются — тут ребята то из ПТУ, то из нашего техникума. Ну и, конечно, те, кто пришел на завод прямо из школы. В производственных цехах с ними возиться некогда, поэтому их здесь полгода обучают и со вторым разрядом переводят на производство. А работать учат на разных станках — завод наш требует высокой квалификации и умения переходить со станка на станок: продукция не серийная, вот и надо за день несколько разных работ выполнять, от этого растет коэффициент использования оборудования да и выработка на рабочего... Через эту школу каждый год сто двадцать ребят проходит. В учебном цехе половина комсомольской организации постоянная — это производственники, а вторая половина — ученики. Новички попадают сразу в сложившийся коллектив, вот их и строгают!

— Так уж и строгают?

— А как же! Им ведь по пятнадцать-шестнадцать лет, знаете, народ какой! Даже дерутся!

— Все время? — ужаснулись мы.

— Ну что вы! В среднем одна драка в год. Что с них взять, дети еще!

И тут мы захохотали, потому что Оле-то самой только девятнадцать. И она тоже звонко рассмеялась, поняв, в чем дело.

— А у тебя какое комсомольское поручение?

— Профорг группы,— важно ответила Оля,— а профсоюзы — школа коммунизма!

— И кем ты будешь, когда окончишь техникум?

— Контролером ОТК, как папа.

БОРЯ ВИШНЯКОВ оторвался от какой-то запутанной схемы и не без гордости заявил:

— По всему заводу все новое, что крутится, наше!

Борис, молодой инженер лаборатории электроцеха, год назад окончил Ивановский энергетический институт и теперь работает в группе, занимающейся наладкой и эксплуатацией уникального оборудования с программным управлением. Дело это совсем новое, и поручено оно в основном молодежи.

— Работа вроде бы несложная,— рассказывает Боря,— соединить все точно по схеме, проверить режимы, характеристики. Включаешь — не идет! С первого раза, как правило, не идет... Начинаем копаться. Иногда в монтаже ошибка, а бывает и документация нечеткая, как недавно с радиально-сверлильным станком. Докопались, конечно. Схемы-то сложные — ищешь, ищешь... А потом удивляешься — всего и дел-то было! В электричестве ведь просто — только две причины: или есть контакт, когда его не надо, или нет, когда надо... А пойди-ка найди! Читать много приходится. В теории мы более-менее рубим, а в практике помогают нам монтеры Константин Кашенков и Иван Вавилов.

— Тоже молодые?

— Нет, им уж за тридцать!

Тут нам опять стало весело. А Боря продолжает:

— Получается у нас полезный обмен — мы им теорию, они нам свой опыт, так и поднабираемся... Мы в паре работаем с Толей Селезневым, он немного раньше на завод пришел из Горьковского политехнического института, тоже наладчик, а по общественной линии инженер по изобретательству и рационализации, член заводского комитета комсомола.

— А ты?

— Я групкомсорг и политинформатор в цехе, не один, конечно, у нас политинформаторов несколько.

— И много тебе дал год на заводе?

— Это уж точно! По существу, пришлось переучиваться заново — моя специальность после института была электропривод и автоматизация производственных установок, а тут все другое. Тоньше работа. Нам новейшие станки пускать. Спасибо, учеба техническая тут отлично поставлена. Но тут уж сфера влияния Юры Дорохова. Поговорите с ним, он это дело досконально знает...

ЮРА ДОРОХОВ по образованию инженер-металлург, по семейной традиции машиностроитель (отец и брат работают на «Уралмаше»), по натуре комсомольский вожак. И поэтому есть определенная логика в том, что его год назад выбрали заместителем секретаря комитета комсомола ЭЗТМ. Комсомольский руководитель обязан производство знать, иначе толку не жди — на краснобайстве здесь не выедешь!

Лев Александрович Дьяченко.

Мы стояли в кузнечно-прессовом цехе и смотрели, как огромный манипулятор поигрывал тяженной раскаленной болванкой, подкладывая ее то одним, то другим боком под гулкие удары трехтысячного пресса.

Болванка огненными точками отблескивала в стеклах Юриных очков, и там, за этими точками, пряталась откровенная грусть, что не он сидит за пультом машины.

— Скучаешь по производству? — спросили мы.

— Да нет, я ведь каждый день в цехах. Да и некогда скучать — воспитательная работа у нас один из трех китов, на которые опирается прогресс завода. Два других — материально-технические и организационные меры.

За несколько дней до этого разговора мы побывали на ВДНХ, где проводился Всесоюзный научно-технический семинар на тему «Опыт Электростальского завода тяжелого машиностроения по повышению качества продукции». Три доклада на семинаре сделали заводские комсомольцы. Два зала павильона «Машиностроение» были отведены под выставку продукции и оборудования ЭЗТМ, и экскурсоводами на ней были тоже комсомольцы.

Один из докладов делал Юра как председатель заводского штаба «комсомольского прожектора». Из его доклада мы уже знали об участии молодежи в борьбе за повышение технического уровня, качества, надежности и долговечности выпускаемого оборудования. А движение это имеет значение государственное, потому что уж очень велики масштабы — в прошлом году больше половины всех труб в стране выпущено на оборудовании, изготовленном на ЭЗТМ. За минувшую пятилетку завод не имел ни одной рекламации на свою продукцию!

— Тут ведь и сложно и просто,— растолковывает нам Юра под аккомпанемент ударов пресса. — Все дело в том, чтобы каждый комсомолец имел свою четкую программу. Понимаете, каждый! Учатся, можно сказать, все. В цехах мы открыли консультационные пункты. И пошла цепная реакция взаимовыручки. Ученикам рабочей школы помогают ребята со средним и среднетехническим образованием, студентам техникума — студенты вузов, а им, в свою очередь,— молодые специалисты. А в итоге польза всем — для одних учеба, а для других и повторение и углубление знаний. Для наглядности два примера. Слесарь Виктор Янин за год дал девять рацпредложений, а конструктор Виктор Бирюков предложил принципиально новое формовочное устройство для стана спирально-шовных труб диаметром два с половиной метра. Оно позволяет сэкономить десять тысяч рублей в год. Эти ребята, как и сотни других, прошли через школу молодых рационализаторов. Дела по горло. Ведь принцип наш — индивидуальная работа с каждым. Штаб теперь не с браком воюет — брак у нас ЧП. У тех, кто больше года проработал, его практически нет. Борьба идет за безукоризненную работу, вот как стоит сегодня вопрос. Чуть где заедает — группа технического творчества молодежи дает сигнал: у нас неблагополучно. Вмешиваются конструкторы, расшивают узкое место. Это и есть оперативное воздействие комсомола на производственный процесс.

Ну, а чтобы знали ребята, как найти слабое звено, мы и пропагандируем научно-технические и экономические знания. И лекции, и передачи заводского радиовещания, и многотиражка. И отдача самая ощутимая. На смотры и конкурсы технического творчества молодежи мы представили 128 работ. Многие из них отмечены медалями ВДНХ, медалями и грамотами конкурсов. Так что успехи есть, а посему мы полны оптимизма!

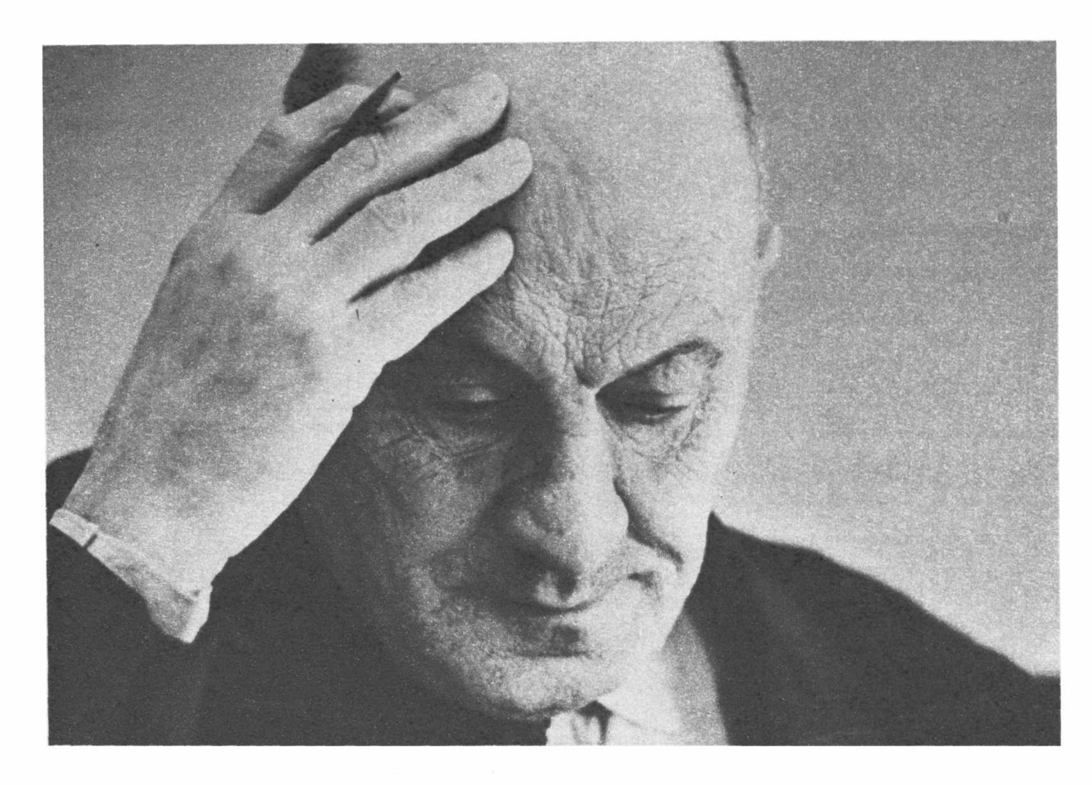
...На том самом заседании комитета комсомола, с которого мы начали свой рассказ, давали рекомендацию и Юре Дорохову — его кандидатский стаж истек, и он подал заявление о приеме в члены партии. Комитет постановил: дать рекомендацию!

А спустя всего несколько минут Юру избрали секретарем заводского комитета комсомола — прежний секретарь, великолепный руководитель, бессменно возглавлявший комитет в течение четырех лет, Марк Шпильберг, уходил заведовать промышленным отделом городской газеты.

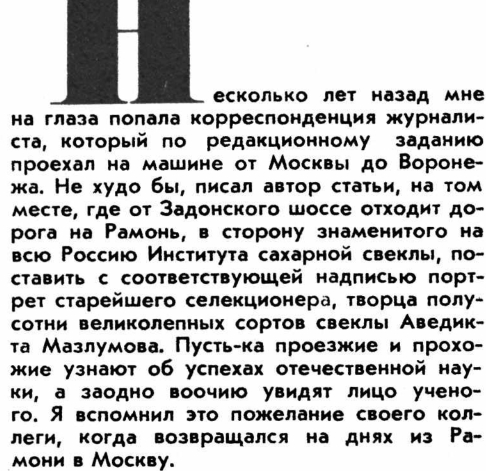
Марк встал с председательского места и, улыбнувшись своей обаятельной улыбкой, сказал:

— Садись, Юра, командуй!

Они поменялись местами, и Юра, взволнованный и смущенный этой первой минутой исполнения новой ответственной должности, негромко сказал: «Заседание комитета продолжается!» И приступил к выполнению своего главного партийного поручения...

Марк ПОПОВСКИЙ

Несколько лет назад мне на глаза попала корреспонденция журналиста, который по редакционному заданию проехал на машине от Москвы до Воронежа. Не худо бы, писал автор статьи, на том месте, где от Задонского шоссе отходит дорога на Рамонь, в сторону знаменитого на всю Россию Института сахарной свеклы, поставить с соответствующей надписью портрет старейшего селекционера, творца полусотни великолепных сортов свеклы Аведикта Мазлумова. Пусть-ка проезжие и прохожие узнают об успехах отечественной науки, а заодно воочию увидят лицо ученого. Я вспомнил это пожелание своего коллеги, когда возвращался на днях из Рамони в Москву.

Талант исследователя, создателя значительных научных идей и практических достижений, как правило, соседствует с личностью незаурядной. Даже по самым скромным подсчетам, сорта рамонской селекции в отдельные годы давали стране дополнительно не меньше миллиона центнеров сахара. Каков же он, характер человека, способного дарить людям столь дорогие подарки?

Первый раз я увидел Мазлумова издалека, он шел по улице институтского поселка. Шел, опираясь на тяжелую трость, медленно, с достоинством. В посадке крупной, наголо бритой головы, во всем его облике чувствовался человек, знающий себе цену. Вблизи новое впечатление: черные острые глаза, оценивающий взгляд. Мазлумов не спешит впускать постороннего в свой внутренний мир. Строг. Значит, то, что рассказывают о нем, правда? Говорят, он так суров, что даже старые сотрудники мимо его кабинета проходят на цыпочках; не с каждым вопросом к нему сунешься — оборвет. А бывало, говорят, и так, что уходили из института люди, не сумев подладиться к характеру заведующего отделом селекции...

И вдруг — улыбка. Что за чудо, совсем другой Мазлумов! Исхлестанное годами, хмурое лицо помолодело. И мне вспомнились другие свидетельства о Мазлумове. Академик добр, с ним любят разговаривать дети, он посылает подарки чужим малышам. И песни народные любит слушать, когда по вечерам протяжно поют их рабочие. Взволнованным и светлым становится тогда его лицо...

Каков же он в самом деле — Мазлумов?.. А может быть, и неважно все это — улыбки и строгость, достоинство, с которым шагает человек по улице, и твердость принимаемых в кабинете решений? Может быть, не имеет все это никакого отношения к его пятидесяти с лишним сортам сахарной свеклы, к миллиону центнеров сахара, который дополнительно получила страна? Да нет, так не бывает. В человеке все едино. И все или, во всяком случае, многое в его характере идет от юности, от детства.

Детство было нищим. Симферополь. Начало века. Большая армянская семья, внезапно лишившаяся кормильца. Клочья ваты носятся по комнате: растрепанная мать и старшая сестра за гроши шьют на заказ одеяла. А где-то на другой улице — богатый дядя. К нему не ходят, и он не появляется на пороге бедной квартиры. Незримый и всеблагий, как бог Саваоф, через посторонних посылает он деньги на скромное пропитание бедным родственникам. «Я рано узнал тяжесть подачки,— говорит Аведикт Лукьянович,— и по сей день ни у кого ничего не прошу». Жестокая школа, и он сумел извлечь из нее богатый нравственный урок. Когда в 20-е годы, уже студентом, постигал он здесь, на Рамони, мастерство селекции, старался до всего доходить своим умом. И «черную» и «белую» работу селекционера осваивал сам. Тому же учил потом учеников. Не знаю, правда ли, или нет, но приписывают академику Мазлумову такие, обращенные якобы к сотрудникам слова: «Сначала посмотрите на растение в поле, а потом приходите с расспросами». И еще: «Не спрашивайте меня о том, что есть в книгах». При желании можно истолковать слова эти как обидные. Но мне слышится в них другое: отзвук тяжелой юности, которая приучала к мысли, что человеку полезней доходить до всего собственным разумением.

Режим дня у четырнадцатилетнего Аведикта Мазлумова был поистине спартанский. Утром чашка чая с двумя бубликами, и марш до вечера — сначала в школу, потом по частным урокам. Чтобы приготовить собственные уроки, приходилось вставать в четыре утра. Через много лет это пригодилось селекционеру: на рассвете, до солнышка, лучше всего видно, какое растение чего стоит. Свекла, которая за ночь после вчерашнего жаркого дня не успела оправиться, в отбор не годится, проку от нее не жди.

Работу на Рамони пришлось начинать трижды. И каждый раз почти на голом месте. Первый раз это было, когда в 1922 году профессор Воронежского сельскохозяйственного института И. В. Якушкин пригласил группу студентов поехать стажерами на только что организованную опытную станцию. Это теперь тут в институте сотни сотрудников, дома с горячей водой, электричеством, газом; что ни день — кинофильмы, научная библиотека, асфальтированное шоссе с автобусами. А тогда: освещение — плошка, еда — картошка, транспорт — собственные ноги, да сорок верст по грязи до Воронежа. Но молодежь подобралась на Рамони нетребовательная, работящая. Успевали не только работать, но и играть в футбол, ставить самодеятельные спектакли и учиться, учиться.

Рамонь лежала на самом востоке российского свеклосеяния. И, по правде говоря, мало кто из старых свекловодов верил

НЕ ПОЛЕ П

тогда, что мальчишки из дальней «свекольной провинции» выведут когда-нибудь ценный сорт. А сортовые свекловичные семена были необходимы стране как воздух. Их покупали за границей, и покупали по дорогой цене. Профессор Якушкин учил молодых канонам традиционной классической селекции. В основе всего лежал в то время механический отбор по весу и сахаристости корней уже во время копки, принесенный к нам с Запада. Проводились сотни тысяч анализов по сахаристости, обращалось большое внимание на точность анализов и форму корня. Цифры определяли все: много в корне или номере такого-то сахара — пойдет в дальнейший отбор и скрещивание, мало — долой его с поля. Юноша Мазлумов навсегда перенял это почтение к точности.

И все-таки после нескольких лет работы на полях понял Мазлумов, что одна только цифирь не ведет селекционера к успеху. Надо еще знать процесс возникновения полезных свойств в растении, надо изучать свеклу в целом, а не только часть его — корень, надо наблюдать за ходом роста и развития свеклы в течение всего вегетационного периода. Кто-то сказал, что сила таланта в том, что он видит загадку там, где остальным все ясно. В какой-то момент практикант увидел эту загадку: она таилась в поведении растения в поле. Там, в поле, а не в кабинете надо искать родоначальников будущих сортов. Постигнув эту истину, Мазлумов взбунтовался. Это давняя традиция науки — спорить с учителями. Спор младшего со старшим на полях Рамони кончился победой младшего. В 1928 году Аведикт Мазлумов стал одним из авторов самых продуктивных сортов. Рамонский сорт 28-13 занял по сбору сахара с гектара первое место на конкурсе, где показали плоды своего труда тринадцать селекционных коллективов. А сорт фабричной свеклы Р-28-07 оставил далеко позади сорта немцев, чехов, шведов, поляков и американцев.

Начало 30-х годов Аведикт Лукьянович провел на Дальнем Востоке. Молодого селекционера отправили продвигать сахарную свеклу в новые районы. Встреча с Рамонью, вторая по счету, состоялась лишь в 1933-м. Тогда же, очевидно, возникла версия о суровости Мазлумова. Да, он был суров. Лишенная лучших кадров, опытная станция пришла в упадок. На восстановление былой славы рамонских сортов нарком дал всего четыре года. Это было мало, очень мало. Ведь традиционно на выведение сорта у селекционеров уходило 12—15 лет жизни. Правда, в 20-х годах Мазлумов нарушил эту традицию, но удастся ли повторить то же в 30-х?

Сахарную свеклу он знал хорошо, недаром говорил потом, что за свой век прополз по делянкам на коленях не меньше тысячи километров. Но даже хорошему селекционеру нужен четко работающий, монолитный коллектив. Молодые же агрономы, попав на опытную станцию, частенько помышляли лишь о том, как бы получить отдельную, самостоятельную тему с перспективой защитить по ней в дальнейшем диссертацию. Мазлумов в принципе не был врагом диссертаций, но работу над сортом он всегда считал делом общим и неделимым. Некоторым «единоличникам» от науки из Рамони пришлось уйти. На их место пришли другие, готовые ради общей цели «забыть самих себя». Это выражение не мое. Его произнес старший и ближайший сотрудник Мазлумова Савченко. Никита Аникеевич Савченко и Нина Яковлевна Артюшенко (оба, кстати сказать, так и остались без ученых степеней) были теми людьми, которые с самого начала поняли, что хотя сахарная свекла и двухлетнее растение, селекция ее — занятие для селекционера многолетнее, а точнее — дело всей жизни.

«Забыть себя» можно только тогда, когда работаешь творчески. Когда видишь, куда идешь. И тут хочется мне сделать маленькое отступление. Много лет назад жил на одной из селекционных станций отличный селекционер С. Слава о его сортах сахарной свеклы гремела в 20-х и 30-х годах по всей стране. Но странная была у него причуда: никогда и никому не открывал С. своих селекционных секретов. Никто не знал принципов, по которым он отбирает и скрещивает. Дожил С. в почете и уважении до глубокой старости, а когда умер, сотрудники, от которых он весь век таился, не смогли, не сумели продолжить дело селекционера-одиночки. И умерло дело вместе со своим творцом.

Как видим, нравственность ученого (а я говорю именно о ней) значительно теснее связана с творческим поиском, чем может показаться с первого взгляда. В Рамони секретов не держали. Здесь всегда работали с открытым сердцем и при открытых дверях. Всяк, кто сотрудничал с Мазлумовым, знал свой маневр, знал общую цель, общие методы. Но быть приобщенным к совместному поиску — это не только право, но и обязанность. Никита Аникеевич Савченко и Нина Яковлевна Артюшенко годами доводили до сознания каждого техника и рабочего основной принцип Мазлумова: «Селекционер не имеет права на ошибку». Такова внутренняя потребность самого селекционного процесса. Стоит во время поляризационной кампании ошибиться девушке, отвешивающей ровно 6,513 грамма свекольной мязги, или другой работнице капнуть в эту навеску лишнюю каплю раствора уксуснокислого свинца, и уже не получишь правильных данных о сахаристости данного корня. А это повлечет другие ошибки, которые погубят селекционеру год, а то и два! Ответом на поразительную, многократно подтвержденную точность в поле и в лаборатории явились рамонские сорта. Да какие!

Обычно сорт сахарной свеклы живет на колхозных полях 6—8 лет и редко больше. В архиве академика Мазлумова я обнаружил телеграмму из колхоза Семилукского, Воронежской области, в которой колхозники поздравили селекционеров с четвертьвековым юбилеем сорта Р-1537. Все эти годы сорт, выведенный в 1938 году, давал хорошие урожаи и сохранял высокую сахаристость. А за Р-1537 в те же предвоенные годы прошли сорт за сортом Р-023, Р-036, Р-065 и другие, давшие стране сотни тысяч тонн сахара.

...Война. И снова Аведикт Лукьянович покидает родные поля. Горит подожженная снарядами Рамонь, идут понтонным мостом через реку Воронеж танки, и, как щепка среди бушующих волн, мечется среди этого столпотворения телега, нагруженная отборными селекционными семенами. На мешках, предназначенных для увоза в глубокий тыл, сидит отличный селекционер и никуда не годный возница Мазлумов. Он не везет с собой в эвакуацию ни запаса продовольствия, ни одежды, хотя в далекой Киргизии его ждут тяжелые, голодные дни и холодные ночи. Но эта ночь 4 июля 1942 года так и осталась самой трудной в его жизни. В сутолоке и давке порвался один из мешков, и потекли на землю под танковые гусеницы драгоценные семена. Кажется, единственный раз за свою нелегкую жизнь прослезился тогда Аведикт Мазлумов...

После войны ему в третий раз пришлось начинать на Рамони все сначала. Снова отборы, скрещивания. В 1953 году вышел на поля сорт 06. Как всегда, окрестили его буквой «Р» — Рамонский, по справедливости следовало бы именовать Мазлумовским. На сортоучастках давал он урожай до 522 центнеров с гектара, что при высоком проценте сахара в корне означало 100 центнеров сахарного песка.

Были и другие победы. В иные годы в стране до двух третей всех посевов под свеклой занимали сорта Рамони. Миллионы гектаров!

Бегут годы, бегут — уже не остановишь. Мазлумов — лауреат Государственной и Ленинской премий, депутат, академик ВАСХНИЛ и Герой Социалистического Труда. Ох, как легко застыть на этой вершине всеобщего признания! Окаменеть, стать памятником самому себе... А жизнь идет. В науку приходит новое. Становится ясно, что старыми методами, теми, которыми всю жизнь работал Мазлумов в селекции, много не сделаешь.

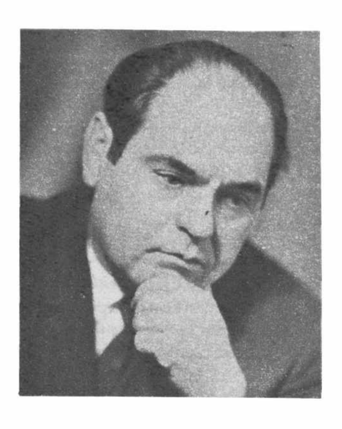
Чтобы сделать качественный скачок, надо вторгнуться в генетический механизм растения, повернуть заветные рычаги наследственности.

Немолодого мастера сортов вторжение всех этих новинок могло было бы и испугать. А Мазлумов в очередном докладе призывает: «По-старому селекционер работать сейчас уже не может: коллективное творчество намного эффективнее, чем поиски одиночек, как бы талантливы они ни были. Узкий, односторонний отбор по каким-либо отдельным признакам уступает место комплексным методам селекции». У Аведикта Лукьяновича слово с делом не расходится. В институте созданы новые лаборатории. Молодые генетики Айдын Михайлович Юсубов и Иван Яковлевич Балков на равных занимают место в ученом совете института рядом с селекционером-классиком. Но Мазлумов идет еще дальше: он привлекает к соавторству нового сорта Р-100 молодого талантливого биохимика Полину Васильевну Нестерову и опытного фитопатолога Ираиду Васильевну Попову. Надо иметь большое мужество и широкую натуру, чтобы так искренне приветствовать все новое в науке, молодую научную смену.

...Если хотите знать мое мнение, то я тоже за то, чтобы стоял на 482-м километре Задонского шоссе, напротив Рамони, портрет академика Мазлумова. Пусть он встанет там, среди свекловичных полей, как гордость нашей агрономической науки, как символ ее вчерашнего и завтрашнего дня.

Рамонь — Москва.

ЕРЕЙТИ...

Василий НОЗДРЕВ

КРУГОВОР

ВЕСНА ИДЕТ

Сегодня так привольно дышит
Снегами талыми земля,
Воркуют голуби на крыше —
Пойдем в поля, пойдем в поля.

Опять там вечно молодая,
Открыв девичью грудь ветрам,
Пока совсем еще нагая,
Весна гуляет по полям.

В болотцах, лужицах, озерцах
Отражена ее краса,
И черный снег, сожженный солнцем,
Ползет в овраг, ползет в леса.

И вновь над весями Отчизны —
Весенний птичий перелет.
В нем радость жизни, горечь тризны,
Гимн тем, кто на земле живет.

ОКО ЗЕМЛИ

В лугах, за пряслами станицы,
В чешуйках ряби озерцо.
Вокруг овалом, как ресницы,
Травы зеленое кольцо.

Когда глядишь с холма в низину
На выпуклый озерный глаз,
То мнится, что, смахнув перины
Зимы,
Земля глядит на нас.

Глядит веселым синим оком,
Как бы сказать желает нам:
«Во мне бунтуют жизни соки,
Грудь матери открыта вам».

СКВОРЕЦ

Как дорога мне песнь скворца!
Пусть это только подражанье,
Пусть эта песнь не самого творца,
А голосов немеркнущих собранье.

В ней сочетаются рулады соловья,
И голос иволги — редчайший звук свирели,
И говор вкрадчивый ручья,
Разбойный свист бушующей метели.

Сижу и слушаю в тиши,
И жизнь моя проходит предо мною,
И радость первая в лесной глуши,
И юность, омраченная войною,
И зрелость, и пугающий закат...
Пой, пой мне песни,
мой крылатый брат.

ЖАРА

Потрудились мы, устали косы.
Отдохнуть в тени ракит пора:
Языки-лучи слизали росы,
На поля, в луга пришла жара.
Все распарилось, все разомлело.
В глубь лесов, спеша, ушли стада.
И косой натруженное тело
Манит темных бочагов вода.
Окунешь себя в прохладу с ходу,
И к тебе нисходит благодать,
И такую ощутишь свободу —
Все бы плавать, плавать и нырять.
А вокруг в лугах так тихо, тихо.
Не скрипит в высокой ржи дергач.
Как у печки жаркой повариха,
Клюв раскрыв, стоит на кочке грач.

НЕЖНОСТЬ

Разнообразен, сложен мир людской.
Другие времена — другие и земляне.
К цветку иному прикоснись рукой,
И жизнь его оставит: он завянет.
Давно бы нам пора извлечь урок:
Мешает жить нам грубость и небрежность,
И потому-то вянет, как цветок,
Все реже, реже к нам приходит нежность.

БУДНИ

Каждый день заботы и работа,
Улетают в вечность стаи дней.
Каждый день хороним мы кого-то,
Каждый день теряем мы друзей.

Каждый день себе мы обещаем,
Наконец, мол, завтра отдохнем,
А наутро в космос улетаем
Иль колдуем с атомным огнем.

Каждый день живем мы в ожиданье
И в тревоге за судьбу людей,
Потому и встречи и свиданья
Отменяем:
Не хватает дней.

И стоит в сторонке одиноко
Девушка — поэзия моя.
Почему же, почему жестоко
С ней, любимой, обращаюсь я?

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

Словно в день отправки новобранцы,
Косами острижены луга,
И седые лета постояльцы —
На лугах пахучие стога.

Прохожу широкими лугами...
И уходят на крыло скворцы.
Повисают тучкой над стогами,
Взматерев, вчерашние птенцы.

Чаще, чаще по ночам белесый
Над рекою плавает туман,
Выплывая вечером из леса,
Как гусей пролетных караван.

И хотя пока в разгаре лето,
Липы под окном моим в цвету,
Но все больше осени приметы
На полях, в лугах, в моем саду.

Так зовуща в дни апреля просинь,
В дни, когда уходим мы на взлет,
Но тогда уже ребенком осень
В сердце каждого из нас живет.

ТРАВЫ

Травы, мои травы,
Заливные дали,
Мягкие отавы
Меня пеленали.
Помню с милой встречи,
Сумерки степные,
Уводил нас вечер
В дали луговые.
Зорька расстилала
Из травы перины;
Был нам одеялом
Неба полог синий.
Не пойму сам, право,
Пьяный и счастливый,
Пальцы бродят в травах
Или в кудрях милой.
Травы мои, травы,
Годы пролетели,
И, как я, вы, травы,
В поймах поседели.

* * *

К тебе я шел тогда усталым
По серым полевым дорогам,
И месяц плыл над лугом талым
Пустым и ржавым винным рогом.

Когда же рук полукольцо
Легко упало мне на плечи
И я взглянул тебе в лицо,
Зарей алевшее при встрече,

Переменилось все во мне,
Воскресло все, пришло в движенье.
Ты мне шепнула в тишине:
«Запомни: нынче воскресенье».

...Мой путь опять домой лежал
По тем же полевым дорогам,
И месяц золотой свисал
Охотничьим веселым рогом.

НА ГРАНИ ЗИМЫ

Стучат по дачным крышам шишки,
Стучат по дачной мостовой,
И ветер с дерзостью мальчишки
Ломает клен мой молодой.

Еще танцует дождь холодный,
Но в вышине светлеет мгла:
На куст рябины черноплодной
Снежинка первая легла.

А ветер, листья подметая,
Свистит, вихрит и мчит вперед.
Вон он, как ястреб, налетает
На уцелевший красный плод.

Он яблоко когтит и крутит,
Но крепко держится оно,
И ветер обозлен до жути,
Мне листьями плюет в окно.

С веранды битву наблюдая,
Гимн жизни яблоку пою,
В его живучести читая
Судьбу нелегкую свою.

ОТ

ПОКИНУТЫЙ КОСТЕР

На лесной широкой луговине
Остров солнца — золотой костер,
И над ним, как серые перины,
Облаков блуждающих шатер.
Ах, как много здесь тепла и света,
Много, много дышащих углей.
Но печально: осенью — не летом
Он оставлен кем-то среди пней.
Не могу смотреть, когда, печален,
Бродит по лугам забытый конь,
Но как снег в июле аномален
Никого не греющий огонь.
Для меня хорошая примета —
Можно жить, и жить не горевать,
Если не одна душа согрета,
Если впредь могу их согревать.

РЯБИНА

Догорел свет последней звезды,
На востоке заря, как стожар.
Налетели оравой дрозды,
Погасили рябины пожар.
От красы молодой и огня
Ничего, ничего не осталось,
И в лесу в свете тусклого дня
Меж деревьев она затерялась.
Все брожу и брожу в роще я,
Не могу разобраться никак:
Где любовь, где рябина моя,
Где светивший мне в жизни маяк?
Желтизна, желтизна, желтизна...
Золотое, как снег, однолико.
Все гадаю: она? Не она?
И на сердце мне больно до крика.

* * *

Течет, течет по водной глади ряска,
Оповещая осени приход.
Плывет тихонько, словно бы с опаской,
Боясь спугнуть покой осенних вод.

Молчит вокруг, задумавшись, природа,
И тихо и пустынно у реки.
По-над рекою, отражаясь в водах,
Горят костры рябин, как маяки.

И на лугах, в зеленый шелк одетых,
Как пирамиды, серые стога.
И свой наряд, наряд зеленый лета,
На золотой меняют берега.

КРУГОВОРОТ

Люблю я русскую природу,
Раздольный шумный бег реки,
Когда по поймам и у брода
Травы зеленой островки.
  Придет пора. Настанет лето.
  Цветами запестрят луга.
  Потом, как осени примета,
  У речек вырастут стога.
Настанет санная погода,
Стог с сеном станет у ворот.
Люблю тебя я, мать природа,
Люблю я твой круговорот.

Они смотрят сказку...

БЕДЫ И РАДОСТИ АРЗАМАСЦЕВ

Н. АЛЕКСЕЕВА
Фото В. КРОХИНА.

Труппу Арзамасского драматического театра застать в своем городе трудно. Разве только поздней зимой. Все остальное время актеры гастролируют по Горьковской области... Маленьким городским театрам, подобным арзамасскому, долго оставаться на одном и том же месте нельзя,— им нужен зритель. Вы подумаете: любому театру нужен зритель! Но где его взять, если город небольшой, а к тому же многие жители Арзамаса предпочитают проводить время у телевизоров... Им в общем-то все равно, что ради них актеры работают не покладая рук, стараясь не «надоедать» старыми спектаклями и выпуская не меньше десяти новых постановок в год.

В городах типа Арзамаса театру нелегко оправдывать свое существование — оправдывать деньги, отпущенные государством; ведь иначе труппу могут расформировать, и театра не станет, как не стало его, например, в Балахне...

Но какой же актер, одержимый своим делом, своим творчеством, способен допустить это!.. Он готов ездить со спектаклями на стареньком автобусе в любые села и поселки, играть на самой тесной сцене, но играть, видеть внимательные, столь желанные лица зрителей...

Я встретилась с арзамасцами на гастролях в городе Павлово, в фойе большого, красивого Дворца культуры, куда труппа собралась на утреннюю репетицию.

— Вот бы нам такое помещение! — тут же сказал главный режиссер театра Александр Иванович Мозгунов.— В Арзамасе-то приходится туго: в одном здании и театр, и Дом культуры, и две библиотеки. Полы скрипят, круг буквально «рычит» при вращении... Комнаты для актеров, и тут же размещается самодеятельность Дома культуры...

Из дальнейших разговоров с главным режиссером и актерами я поняла: людям, пришедшим работать в городской театр, недостаточно хорошо играть. Им, кроме того, необходимо учиться работать в самых разных условиях — на полевом ли стане, в сельском ли Доме культуры... Учиться не только быстро переезжать с места на место, но и переключаться творчески. Зачастую спектаклю бывает нужна быстрая смена декораций, сложное звуковое оформление, а в селе все это наладить почти невозможно. Значит, актер должен вовремя освоить условия новой площадки,— освоить даже в том случае, если в клубе нет гримерной, если подготавливаться к выходу приходится прямо на ступеньках сцены...

Конечно, не все актеры на это способны. И ежегодно в конце каждого сезона чуть не третья часть труппы уходит из театра. Как правило, это молодые актеры, недавно закончившие театральные институты и училища. Они уходят, чтобы перейти в другой такой же

городской театр, попытать счастья на новом месте. Но всегда в театре остаются энтузиасты, уверенные в том, что, несмотря на все трудности, они могут и должны приносить людям творческую радость.

У арзамасцев большой репертуар. Тут и драмы, и сказки, и комедии — на любой вкус, на любого зрителя. Во время гастролей труппа — а в ней всего двадцать восемь человек — делится надвое. Одни дают спектакли на базе — в Павлове, другие выезжают в близлежащие села... Каждый день театр дает по два, а в выходные — по четыре спектакля.

На выезд в деревню берутся, как правило (по желанию зрителей), спектакли на большую современную тему, скажем, такие, как «Память сердца» Корнейчука...

А во Дворце культуры, то есть на базе, я смотрела «Госпожу министершу» Нушича. Главную роль исполняла Алевтина Афанасьевна Чеботаева, актриса сильная и разносторонняя. Я видела ее почти во всех спектаклях театра и каждый раз поражалась мастерству, фантазии, творческому умению актрисы доказать, что именно так, а не иначе нужно играть ту или иную роль... Ей веришь во всем, она держится на сцене естественно и свободно, творя волшебство одним взглядом, движением рук...

— Что бы там ни было,— говорит Чеботаева,— а наш театр должен существовать. Потому что он нужен людям! Ведь это театр!.. Ты выходишь на сцену, ты учишь людей, потому что в этот момент, кажется, все о них знаешь,— и передаешь эти знания другим... Конечно, хотелось бы, чтобы нашему театру больше помогали. У нас плохо с техникой, оформлением, костюмами... Но я верю: все обязательно изменится к лучшему!..

Актриса Лидия Волкова в спектакле «Иван-да-Марья».

«Госпожа министерша». А. А. Чеботаева — Живка.

С. Г. Лохвицкий в «Памяти сердца».

Лидия Чугурян.

На следующий день я поехала с другой группой в село. Было воскресенье. Театр вез детям сказку «Иван-да-Марья». Автобус и грузовик с реквизитом еще только подъехали к Дому культуры, а местные ребята уже помогали сгружать декорации...

В зале шум, гам, и даже строгие родители не в силах остановить не в меру разгулявшихся мальчишек и девчонок. Но едва спектакль начался — для детей уже больше ничего не существует! Всей душой переживают они злоключения героев сказки, пытаются помочь им... Полный контакт актеров со зрителями. «Иван-да-Марья» — спектакль молодежный, и актеры играют задорно, весело,— они сами увлечены сказкой, как будто не знают, что произойдет дальше; а потом вместе с ребятишками радуются счастливому окончанию представления.

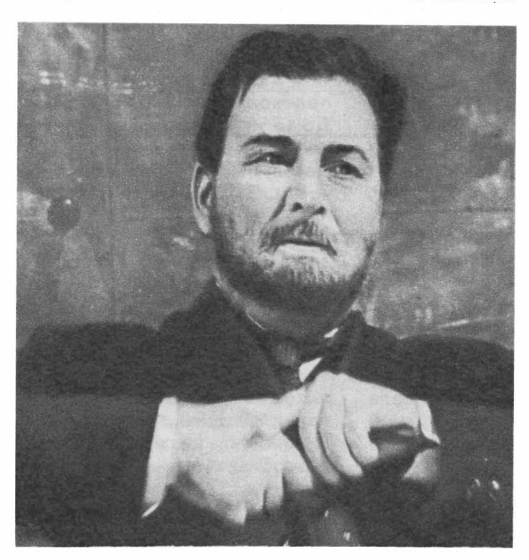
После долгих аплодисментов наиболее отважные зрители взбираются на сцену: надо же поговорить с Марьей (Лидия Волкова), с веселым скоморохом (Владимир Шитов), сестрой Марьи (Марина Зайцева)... Толпа «поклонников» провожает актеров до самых дверей, а потом снова вместе с рабочими сцены грузит реквизит...

...В Павлове театр гастролирует совсем недолго. Администратор Екатерина Филипповна Кранатова, женщина энергичная и деловая, уже договорилась с соседним городом — Шумерлей: там театр хорошо знают, спектакли запроданы; есть договоренность и с окрестными деревнями...

Два автобуса и две грузовые машины театра медленно отъезжают от четырехэтажной павловской гостиницы. Выезжают рано утром. Дорога не из легких, а надо подготовиться к вечернему спектаклю. В Шумерле ждут...

МАСТЕР БОЛЬШОЙ ТЕМЫ

Исполнилось 75 лет со дня рождения народного артиста СССР М. Ф. Романова. Воспоминаниями о замечательном мастере советской сцены по нашей просьбе делится режиссер русского театра на Украине, заслуженный деятель искусств УССР, профессор В. А. Нелли, много лет работавший вместе с М. Ф. Романовым.

Мы встретились с Михаилом Федоровичем Романовым в Киевском театре имени Леси Украинки; он пришел к нам после работы — почти двадцатилетней — в ленинградском театре драмы имени Пушкина, где сыграл немало ролей, однако ни одна из них не стала для него событием... Путь артиста определился там словно раз и навсегда: «любовник», «фат» — и больше никаких вариантов!

С этим артист и приехал в Киев... Начал он свою деятельность на Украине так, что его работы свидетельствовали: Романов стремится уйти от «амплуа», угрожавшего штампами... Чувствовалось внутреннее беспокойство художника, настойчивые поиски новых путей.

«Дети солнца» совершили перелом в творческой биографии Романова: горьковский Протасов активно возвестил о рождении нового и прекрасного актера. А окончательно утвердил нового Романова «Живой труп» Толстого — Федор Протасов.

Эта роль стала событием в жизни Романова. Толстовский Протасов утвердил веру актера в свои силы, и Романов раскрылся как реалист широкого диапазона, русский национальный художник тонкого лиризма, глубокого психологического своеобразия.

Мастер с яркой индивидуальностью, Романов в то же время был неотделим от прекрасного ансамбля первоклассных актеров киевского театра; он был отличнейшим партнером, далеким от знаменитого «принципа»: «я в центре, а вы как хотите»...

Романов — Протасов оставался выразительным и когда молчал. Удивительно он слушал цыганское пение; ему помогал в этом чудесный музыкант, старый цыган, влюбленный в мелодии своего народа, заслуженный артист РСФСР Николай Николаевич Кручинин.

«Живой труп» был сыгран почти четыреста раз — цифра небывалая для киевского театра... Зрители городов России и Украины горячо аплодировали Романову — Протасову; занавес московского Малого театра во время гастролей киевлян в Москве открывался на вызовы десятки раз; молодежь ждала артиста на улице, требуя автографов.

Однако Романов не был актером одной роли, он создал немало значительных образов, пленявших сердца зрителей огромным обаянием, природой которого была человечность. И в ней Романов представал на редкость достоверным. Сценическое поведение его героев доносило до зала скрытые, неведомые доселе глубины человеческих переживаний. Его игра была полна мысли, напряженного внутреннего действия и воспринималась с затаенным дыханием.

Одержимый творчеством, Романов готов был без конца репетировать и каждый раз находил для образов что-то новое. Будучи современным актером, художником-коммунистом, артист видел мир глазами передового человека и потому легко, убежденно, наполненно играл роли современников. Прекрасен был его Иван Ильич Телегин — простой, мужественный, светлый человек; суров и сосредоточен, медлителен Никита Егорович Вершинин...

Успех, популярность, годы не лишали артиста ни молодости, ни юмора, ни присущего ему озорства... И как-то не верится, что нет его сегодня среди мастеров сцены: он остается в памяти зрителей живым.

СУДЬБА СПРИНТЕРА

В. ВИКТОРОВ

Еще одна победа!

Фото О. Неелова.

— Хочу вас сразу же предупредить: неподходящий я персонаж. Нет в моей жизни того, без чего о спортсменах теперь не пишут.— И Борзов, заметив мое недоумение, объяснил: — Сейчас ведь для многих спорт без трагедий не спорт. Теперь, прощаясь с беговой дорожкой, ты должен считать это своим жизненным крушением. Ну что же, если уход со спортивной арены — это трагедия, то о спринтерах есть что рассказать. Ведь наш спортивный век, как правило, так же короток, как и наша дистанция: одна прямая, ну от силы две. Что тут поделаешь... Бегун на короткую дистанцию покидает стадион быстрее других, потому что из всех атлетических качеств скорость исчезает первой. А как же можно бегать 100 метров, утратив скорость? Выносливость остается, и сила тоже, и отвага, и воля, и жажда победы, а скорость улетучивается, как газ из плохо закупоренной бутылки. Бегун на средние дистанции с возрастом может стать стайером, а вот спринтер навсегда остается спринтером, и ему, конечно, совсем нелегко в расцвете физических сил передавать другому свои шиповки. Так что судьба наша на первый взгляд как будто бы и впрямь печальна... Но только не в случае со мной. Поэтому я и хочу заранее вас поставить об этом в известность. Такой уж я скучный человек, ничего с этим не поделаешь.

А я слушал Борзова и думал: «Ну, а Сапея?» И уже потом в течение всей нашей беседы видел рядом с Валерием Борзовым другого спринтера — Владислава Сапею, вспоминал его недолгий, блистательный взлет и внезапное крушение...

Кто слышал о Валерии Борзове в то горячее олимпийское лето, когда Мексика была уже не за горами, когда в Армении наши спортсмены проходили последнюю проверку перед отлетом за океан? Там, в Цахкадзоре, я и познакомился с Владиславом Сапеей и его товарищами по спринтерской команде — Алексеем Хлопотновым, Евгением Синяевым и Николаем Ивановым, беседовал с их тренером, в прошлом одним из лучших спринтеров страны, Леонидом Бартеневым. Упоминался ли в тех беседах Валерий Борзов? Стоял ли он тогда хотя бы незримо пятым? Учитывались ли его скоростные возможности? Получить ответы на эти вопросы мне было нетрудно. Стоило лишь перелистать старую записную книжку, чтобы убедиться в том, что Бартенев всего лишь раз мимоходом упомянул о Валерии Борзове в связи с тем, что молодой спринтер оказался победителем не очень крупного весеннего матча с довольно средним временем — 10,5 секунды. Но разве можно было корить за невнимание к молодому бегуну тренера олимпийской команды, если всего через две недели после этого Сапея в Риге пробежал 100 метров за 10,1 секунды, установив новый всесоюзный рекорд, а затем в Ленинграде был первым советским спринтером, которому удалось 100 метров пройти за 10 секунд ровно!

Да, в то лето имя белорусского спринтера Владислава Сапеи гремело на всю страну. Четырнадцать стартов взял он в то лето и по-прежнему был полон сил и бодрости... И вдруг все кончилось. Рухнуло, как в сказке о рыбаке и золотой рыбке. И где рухнуло! На олимпийском стадионе в Мехико! Будто ничего и не было, будто никогда не пролетал Владислав Сапея стадионную прямую за 10

секунд. В Мехико в предварительном забеге ему удалось пробежать дистанцию всего за 10,4 секунды, разделив третье и четвертое места, и хоть он и попал с этим посредственным результатом в четвертьфинал, но там и закончил свою борьбу с сильнейшими спринтерами мира. И после своего неудачного выступления на Олимпийских играх Владислав Сапея уже не смог подняться. Раз за разом брал он старты, видимо, каждый раз надеясь, что скорость вернется к нему, но она не возвращалась. А тут еще вместо привычных похвал на его голову обрушились публичные упреки.

— Может быть, все же для судьбы спринтера более характерна история Сапеи, чем ваша? — спросил я Борзова, и он задумался, будто бы вслед за мной повторял в памяти весь блестящий и короткий путь своего предшественника.

— Может быть. И все же я не думаю, что крушение Сапеи столь уж закономерно,— ответил Борзов.— Но я не буду опровергать чужого опыта, просто познакомлю вас со своим собственным, а вы уж сравнивайте и делайте выводы.— И Борзов продолжил свой рассказ:

— Итак, у меня все складывалось очень просто. Мальчик из маленького украинского городка Новая Каховка последовал совету своего преподавателя физкультуры и решил стать бегуном на короткие дистанции. Борис Иванович Войтас раскрыл ему высшую радость, которую приносит спорт,— радость борьбы и победы. И не только на беговой дорожке. Сколько голов было забито на песчаном приднепровском футбольном поле, сколько баскетбольных матчей сыграно! В двенадцать лет мальчик начал заниматься в детской спортивной школе, в которой вел занятия все тот же Войтас, и тут оказалось, что дни, отданные спортивным забавам, не прошли для него даром. Он бегал все быстрее, все успешнее осваивал технику спринта. Одно только тревожило в то время его тренера: ученик был мал ростом, и трудно было предполагать, что он сумеет вытянуться до ста восьмидесяти сантиметров и соответственно накопить боевые восемьдесят килограммов.

Борис Иванович не торопился форсировать результаты, но его питомец чувствовал, как откуда-то из глубины возникала у него какая-то легкая, крылатая скорость. Так, наверное, родничок сперва течет тонкой струйкой из недр земли, пробивается на поверхность, все прибывает и прибывает и растекается быстрой речкой.

— И, как я понимаю теперь,— переходя с рассказа от третьего лица к первому, добавил Борзов,— искусство тренера и заключается в том, чтобы помочь родничку стать рекой. Два года потратил на это Борис Иванович. И вот в 1965 году я впервые пробежал сто метров за 10,5 секунды. О, это для юноши отличный результат. Дважды я завоевывал первенство на всесоюзном чемпионате школьников, побеждал сильных юниоров. Но ведь мы знаем, как мелеют быстрые реки, как внезапно исчезают со спортивной арены подающие большие надежды молодые бегуны...

Я часто вспоминаю эти первые старты и спрашиваю себя: почему же не оказалось в нашей сборной многих способных молодых спринтеров, что помешало им остаться на дорожке? Почему столь небольшой процент подающих надежды бегунов (если говорить бесстрастным языком статистиков) проходит благополучно сквозь горнило испытаний и сохраняет силы для выступлений уже не в юношеском, а в мужском разряде? И знаете, когда я получил ответ на эти вопросы? Когда стал тренироваться у Валентина Васильевича Петровского.

Вам, наверное, не надо объяснять, кем стал для меня Валентин Васильевич, но я все равно скажу. У нас уже стало своего рода штампом: с болью в душе учитель прощается со своим учеником. Но Борис Иванович Войтас, видимо, понимал, что всему приходит конец. Окончена школа, пора думать о поступлении в вуз, пора испытать свои силы в борьбе со взрослыми мужчинами. Вот почему не кто иной, как сам Борис Иванович, познакомил меня во Львове с Валентином Васильевичем Петровским.

Валентин Васильевич приехал посмотреть молодых бегунов, отобрать для себя несколько человек, вот он и предложил мне поступить в Киевский институт физкультуры. Так, естественно, как бы само собой совершился мой переход от одного тренера к другому, и, может быть, потому естественно, что Валентин Васильевич придерживался в своей работе того же принципа, что и Борис Иванович,—не форсировать результатов, не торопиться. Первый год наших занятий вообще прошел для меня как-то незаметно. Я осваивался со студенческой жизнью, старательно посещал лекции, увлекался проблемами физиологии и теории физического воспитания. Выступал ли я тогда как бегун? Честно говоря, не очень помню. Как мне кажется, в тот первый год у Петровского было две задачи: «оторвать меня от мамы» и подготовить к жизни в большом спорте.

И это время пришло в 1967 году, когда мы приступили к освоению бега на всех его стадиях, начиная от старта и первых шагов и кончая броском на ленточку. Передо мной стояла тогда очень трудная задача: совершенствовать форму движения, повышать потолок скорости, добиваться того автоматизма, без которого победа в спринте невозможна... Но, может быть, это слишком специальные вопросы? Может быть, не стоит их касаться? — Борзов испытующе посмотрел на меня, и я вдруг понял, кого он напоминает мне тоном своего рассказа. Самого Валентина Васильевича Петровского!

Как же похож ученик на своего учителя!.. С Петровским я познакомился год назад в Киеве, как раз в те дни, когда Валентин Васильевич был занят на экзаменационной сессии и мы беседовали с ним прямо в одной из аудиторий института, где его рассказ о диссертации, посвященной теме чередования работы и отдыха, казался очередной лекцией по учебной программе, вот только в аудитории никого не было, кроме меня.

Петровский разрабатывал очень важную проблему утомляемости и восстановления сил, имевшую для спортивного совершенствования огромное значение. Но когда он готовил свою диссертацию, еще работая в медицинском институте, то еще не предполагал, что его тема может найти практическое применение в спорте и притом в одном из самых отсталых и сложных разделов легкой атлетики — спринте.

К тому времени, когда Валентин Васильевич встретился с Борзовым, он имел уже пятилетний стаж тренерской работы, но при этом все равно остался ученым-исследователем и продолжал углублять и детализировать свою научную тему. И здесь-то, судя по всему, Борзов — столь схожий со своим учителем по складу ума, по взглядам на спорт — очень помог ему двинуть вперед волновавшие его вопросы спортивной физиологии. Во всяком случае, когда я, восстанавливая в памяти тот давний разговор с Петровским, перелистал свой блокнот, то нашел в нем весьма примечательную, ему принадлежащую фразу: «Тренировка — это всегда процесс двусторонний, и помощь наша была обоюдной».

Вот как оценил сам Петровский свою работу с учеником, и я подумал, как счастливо сложилась жизнь молодого спортсмена; ведь он нашел в своем тренере родственную душу, и по характерам своим и по направлению ума учитель и ученик похожи друг на друга, как отец и сын. Не в этом ли коренная причина удачи Борзова и неудачи Владислава Сапеи? Не довелось тому ни в детские годы, ни позже встретить близкого ему по взглядам учителя. Вот и получилось, что прирожденный спринтер занимался штангой, борьбой, потом увлекся бегом на длинные дистанции и по-настоящему понял, в чем его призвание, лишь в 19 лет, а чемпионом Спартакиады стал, когда ему исполнилось уже 24 года — возраст спринтерской зрелости. Но и тогда не встретился на пути Владислава Сапеи тренер, который смог бы его предостеречь от чрезмерных нагрузок и подвести к высшему пику спортивной формы — к началу мексиканской Олимпиады.

«Но чем же привлек ваше внимание какой-то мальчик из Новой Каховки?» — спросил я Валентина Васильевича Петровского. И он ответил мне: «Своим талантом к быстрым движениям. Вот я и дал ему год на то, чтобы показать и себе и мне, на что он способен».

Не торопиться в спринте — это тоже талант. Ведь в беге на 100 метров всего три десятых секунды отделяют бегуна среднего класса от гроссмейстера. А чтобы преодолеть эти три десятых, требуются долгие и вместе с тем считанные годы. Если любой тренировочный процесс — очень тонкое дело, то тренировка спринтера — дело тонкое втройне. И когда весной 1967 года никому не известный киевский студент оказался победителем матча пяти областей Украины, Петровский не стал торопить развитие спринтерских способностей Борзова. Они оба спокойно следили за стремительным взлетом Владислава Сапеи. О нем тоже никто не знал, когда на IV Спартакиаде народов СССР белорусский перворазрядник неожиданно оказался победителем. А вскоре после этого Борзов на киевском стадионе стал свидетелем нового триумфа Сапеи: на кубке Европы он победил бегунов из ФРГ и ГДР — Вильке и Эггерса, преодолев дистанцию за 10,3 секунды.

Так незаметно для самых дотошных наблюдателей сплетались имена двух бегунов, но в то время, как Борзов выступал еще по юношескому разряду и стал победителем в Лейпциге на Европейских играх юниоров, Сапея уже побеждал лучших европейских бегунов, и сам Эдвин Озолин, наследником которого все считали Сапею, оценивая его легкий, упругий бег, заявил, что у нас наконец-то появился настоящий современный спринтер...

Уже в следующем сезоне эта оценка, казалось бы, полностью оправдалась. Олимпийский год был исключительно удачным для белорусского бегуна, и уже в Ленинакане перед самым отлетом в Мексику он снова пробежал 100 метров за 10 секунд. А Петровский в это время окончательно решил Борзова на олимпийский конкурс не выставлять.

— Валентин Васильевич считал, что я еще не готов для таких предельных усилий, как борьба с американскими спринтерами, вот я и оказался сторонним наблюдателем событий, развернувшихся на олимпийской дорожке,— продолжал свой рассказ Валерий Борзов.— И как же мне хотелось понять, почему наши спринтеры так и не смогли в Мехико пробежать дистанции быстрее, чем 10,4 секунды, хотя и Синяев и Хлопотнов, не говоря уже о Сапее, не раз показывали результаты высокого спринтерского класса. В чем тут дело? В чем причина этой неожиданной катастрофы? Валентин Васильевич считал, что их силы нерасчетливо истрачены еще до Олимпиады, что это и помешало нашим бегунам выступать на равных с Хайнсом Миллером, Грином и другими финалистами. «Кто же снимает урожай, пока зерно не созрело? — говорил мне тогда Валентин Васильевич.— Так что давай не будем торопиться»...

Наш урожай созрел лишь в следующее лето. К тому времени мы достигли многого. Мой шаг приобрел стандартную длину — 2 метра 30 сантиметров, стабилизировалась сила отталкивания, наконец, я научился контролировать свои усилия если не на первой половине бега, где, видимо, бегун всегда будет действовать бессознательно, то на второй его, решающей половине. И вот 20 августа 1968 года в Киеве на чемпионате страны мне наконец-то удалось впервые использовать накопленные силы и притом в борьбе с самим Владиславом Сапеей...

Сейчас, когда Валерий Борзов рассказал мне об этом беге, я могу описать его дважды: со стороны — глазами зрителя и изнутри — глазами его главного участника.

Итак, первый ракурс... Моросит дождь, который постепенно переходит в ливень, однако бегунов вызывают на старт. Они даже не успели приладить колодок, как уже промокли до нитки, и все же холодный душ не охладил их боевого пыла. Только после третьего выстрела начался бег, и Борзов со старта сразу же вырвался вперед, на протяжении всей дистанции сохранил двухметровый разрыв и, яростно пробивая сплошную стену дождя, финишировал, повторив время всесоюзного рекорда, принадлежавшего Сапее,— 10 секунд, в то время как сам Сапея финишировал лишь шестым, со временем 10,4 секунды.

— Дождь заливал глаза, и лишь после финиша я мог оглянуться. Хорошо еще, что во время бега мы дышим на полувдохах, а то мы могли бы захлебнуться. Как и обычно, 60 метров я бежал, ниче-

Ю. Пименов. ОПОЗДАВШИЕ.

X выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Ю. Пименов. ЛОНДОНСКИЕ БАЛЕТНЫЕ ПОРТНИХИ.

Х выставка произведений членов Академии художеств СССР.

го не соображая, и лишь затем особым боковым зрением, без которого спринтер никогда не сможет победить, почувствовал, что ни справа, ни слева от меня никого нет. А потом белая ниточка финиша стремительно понеслась мне навстречу, и я понял, что результат будет. Когда я услышал, что пробежал дистанцию за 10 секунд, это меня не удивило. Ведь на тренировках я уже проходил контрольные тридцатиметровые отрезки за 3,6 секунды, а с хода — на секунду быстрее. Чему же тут удивляться?

...Но я не мог скрыть удивления. Каким же спокойствием обладает этот человек, который, казалось бы, должен отличаться неудержимой импульсивностью! Подумать только, под ливневым дождем в борьбе с Владиславом Сапеей, о судьбе которого он столько думал, Борзов добивается своего первого большого успеха — и такая невозмутимость! И те, кто вскоре после этого видел бег Борзова, уже не в Киеве на родной земле, а в Афинах, на чемпионате Европы, потом рассказывали об этом его удивительном спокойствии. Он вытянул тогда по жребию восьмую, самую неудобную дорожку, в то время как швейцарец Филипп Клерк, которого он считал главным своим соперником, брал старт на первой, и следить за ним на таком отдалении было очень трудно. Но неудачный жребий нисколько не расстроил Борзова. «Ну что же, хорошо»,— сказал он и стал готовиться к старту. И старт взял, как обычно, стрельнув с колодок, словно рядом были знакомые ему бегуны, а не сильнейшие спринтеры Европы. И после труднейшего финиша, выиграв на последнем метре вовсе не у швейцарца Клерка, а у француза Сартёра всего лишь грудь, отдышавшись, Борзов сказал: «По-моему, я бежал неважно. Во всяком случае, чувствовал себя неудобно. Во-первых, мешала непривычная мягкость тартановой дорожки, а ведь у меня толчок приличный, а во-вторых, встречный ветер».

В этой трезвой оценке («во-первых» и «во-вторых»), в спокойном отношении к своему успеху («пробежал неважно») — весь Валерий Борзов. И в том, что, вернувшись домой чемпионом Европы (до него это не удавалось ни одному советскому спринтеру), он тут же без передышки ушел в учебу, готовясь к выпускным экзаменам, тоже весь Борзов. Начало сезона 1970 года проходило в спорах Владислава Сапеи и юного Александра Корнелюка. Сперва Сапея победил этого маленького спринтера, который вскоре стал неизменным партнером Борзова, потом Корнелюк выиграл у Сапеи, а сам Борзов после нескольких выступлений за рубежом предстал перед нами лишь в июле в Ленинграде на матче СССР — США.

Программа матча двух сильнейших команд мира длится два дня и включает в себя почти все виды легкой атлетики, но начинается она неизменно с бега на 100 метров, и этот бег является как бы заявкой на общую победу. Борьба с двумя сильнейшими спринтерами Соединенных Штатов — Беном Воуном и Айвори Кроккеттом — была поручена Валерию Борзову и Александру Корнелюку. На этой дорожке в свое время Владислав Сапея пробежал 100 метров за 10 секунд, а теперь Валерию Борзову представлялся шанс доказать, что негритянских спринтеров можно побеждать не только в борьбе заочной, но и очной. Но, когда пришло время старта, грянул дождь, почти такой же проливной, как в Киеве. Два американца — и ливень в придачу!.. Не очень-то удачная обстановка для высокого результата. Еще никогда до этого не удавалось советским спринтерам побеждать негритянских бегунов, но на сей раз Валерию Борзову это удалось, и его успех стал главной сенсацией матча.

Нелегко было американцам примириться с таким исходом спринтерского бега, и один из американских журналистов, приехавших в Ленинград, решил объяснить победу Борзова тем, что он якобы начал бег с фальстарта... Через год в Калифорнии Борзов доказал, что его победа не была случайностью, что с фальстарта начал свой ленинградский репортаж американский репортер. На стадионе в Беркли на очередном матче двух команд соперниками Борзова были два других сильнейших спринтера США — Джим Грин, однофамилец олимпийского призера, и Джон Мерауззер, и при встречном ветре на плохой дорожке Борзов обогнал Грина на полтора метра...

Валерий Борзов рассказывал мне об этом беге, уже готовый к старту на V Спартакиаде народов СССР в Москве. Мы стояли с ним в проходе стадиона, и он как бы мимоходом сообщил, что, кроме Грина и Мерауззера, ему удалось обогнать на стадионе Беркли еще и ямайского бегуна Миллера, выступавшего в США в команде «звезд» и доказавшего свою силу на Олимпийских играх в Мехико.

— Восторги стадиона меня обычно не очень вдохновляют,— сказал Борзов.— Во время бега я просто не слышу шума трибун, а после финиша сразу же приходится браться за ум, чтобы проанализировать бег, пока ничего не забылось, где же тут смаковать овации... Но на стадионе Беркли разгорелись такие страсти, что я растерялся... Однако мне пора на старт...— И Борзов, не торопясь, прихватив свою сумку, пошел вдоль трибун к старту...

Валерий Борзов победил в финале Спартакиады с прекрасным временем 10,1 секунды (в то время как Сапея не вышел даже в полуфинал), а на следующий день установил европейский рекорд в беге на 200 метров на дистанции, где пока еще не часто испытывает свои силы. Время швейцарского бегуна Филиппа Клерка было улучшено на одну десятую секунды...

Одна десятая секунды. Одна черточка на циферблате секундомера. Микроскопический кусочек времени, равный в пространстве всего одному шагу. Но как весом этот шаг в жизни спринтера! Всего одна десятая секунды отделяет лучший результат, показанный Валерием Борзовым, от мирового рекорда в беге на 100 метров. Всего один шаг надо ему успеть сделать, чтобы подняться на самую вершину. Но Борзов хорошо знает, как трудно сделать этот шаг. Вот этим-то «шагом» и занимаются бегун и его тренер, и девиз их работы все тот же: не терять головы, не поддаваться секундной лихорадке, торопиться не торопясь. В спринте надо уметь мыслить трезво.

Будущие биологи.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, УНИВЕРСИТЕТ!

Марат ЦЕБОЕВ. Фото автора.

До революции в Белоруссии не было ни одного высшего учебного заведения. Советская власть решила открыть в Минске университет. 1 ноября 1921 года здесь начали заниматься 1 390 студентов трех факультетов — рабочего, общественных наук и медицинского.

Тогда же в университет была доставлена латунная пластинка размером с пуговицу от пиджака. На ней было укреплено 5 миллиграммов радия. Многие годы этот кусочек радия «обитал» в университетском кабинете физики. Им пользовались для своих опытов многие студенты, в том числе Л. А. Арцимович, ныне всемирно известный ученый, академик и лауреат Ленинской премии, А. Н. Севченко, талантливый физик, нынешний ректор БГУ, Герой Социалистического Труда, академик АН БССР.

Но однажды стекла в кабинете физики посыпались, стены здания задрожали до основания, шкаф, в котором находился радий, свалился на пол, а латунная пластинка выскочила из свинцовой коробки и покатилась к дверям. Шел июнь 1941 года. Первые дни войны.

...На пороге разрушенного физического кабинета остановился коренастый человек с вещевым мешком. За окнами пылал Минск. Человек огляделся кругом и среди разбитых стекол увидел пластинку с радием. Он положил ее в карман, надеясь, что сумеет скоро снова принести ее сюда. Пластинка вместе с хозяином кочевала по дорогам войны, побывала в партизанских землянках. Через полгода он закопал ее между тремя пнями где-то в Слуцких лесах: боялся потерять. Человеком этим был доцент Белорусского государственного университета Илья Григорьевич Некрашевич. В 1944-м кристалл радия вновь оказался в его кармане. Теперь Некрашевич шагал по площади Ленина в освобожденном Минске, шагал как участник парада партизан Белоруссии. Здесь он встретился с питомцами университета — подпольщиком Виктором Путаном и смелой партизанкой Раей Плащинской. Сейчас они работают вместе, на одном факультете...

Белорусский университет сегодня неузнаваем. Выросли новые корпуса из стекла и бетона, поднялись стройные здания общежитий. Одно из них, 14-этажное, рассчитанное на 1 600 мест, сдано к юбилею университета. На 16 факультетах БГУ обучается ныне 18 тысяч студентов. Еще в 30-е годы на базе университета выросло 12 вузов и ряд научно-исследовательских институтов. В ближайшее время откроются еще два: прикладных физических проблем и прикладной математики, химии и биологии. В минувшем учебном году 95 будущих историков, филологов, физиков, математиков, химиков, биологов опубликовали свои научные работы в периодических изданиях и научных сборниках. В научном студенческом обществе три тысячи будущих специалистов. В университете 72 научных кружка, литературное объединение «Узлет», студенческая научно-исследовательская лаборатория, вычислительный центр, ботанический сад...

Широк круг проблем, которые решаются учеными университета, их молодыми помощниками — аспирантами. Здесь и гидробиология (в Антарктиду для изучения продуктивности антарктических вод командирован бывший председатель студенческого научного общества аспирант Юрий Гигиняк) и сложнейшие вопросы теоретической физики, генетики, радиохимии.

Ученые работают над получением новых полимерных материалов и ферритов, высокочистых антибиотиков, полупроводниковых материалов, внедряют промышленные методы ионного обмена для очистки вод.

Самый молодой факультет — прикладной математики — готовит специалистов для работы в вычислительных центрах, на крупных заводах, в научно-исследовательских учреждениях и организациях Академии наук Белоруссии.

Я не мог не заглянуть к своим будущим коллегам — факультет журналистики БГУ старше московского и ленинградского. Его декан, Григорий Васильевич Булацкий — человек знаменитый. Во время войны летчик Булацкий служил на Дальнем Востоке. Он жаждал попасть на фронт, но его не отпускали. Тогда Григорий Булацкий с пилотами Василием Ульяновым и Алексеем Петровым, скопив большую сумму денег, купили самолет. Вместе с деньгами выслали просьбу: разрешите воевать на этом самолете. Разрешили. На купленном бомбардировщике друзья воевали до победы.

...В кабинете В. И. Ленина в Кремле есть небольшая брошюра, выпущенная в 1922 году. Называется она «Белорусский Государственный Университет». Это отчет за первый учебный год. Его прислали Владимиру Ильичу преподаватели молодого университета. В конце отчета есть такие строки: «Истина в том, что только при власти, опирающейся на широкие народные массы, при Советской власти, исстрадавшаяся, разоренная, бедная и темная Белоруссия обрела наконец то, что является идеалом всего юношества и одновременно символом высшей культуры,— свою alma mater — свой Белорусский государственный университет.

Честь и слава массам народным, твердой поступью идущим к овладению знанием — к победе света над тьмой!»

ЧУДО ГОРЬК

Столетие со дня рождения Алексея Максимовича Горького, отмечавшееся в 1968 году, еще больше повысило в мире интерес к творчеству и творческой судьбе гениального пролетарского писателя. В какой-то степени оно яснее провело размежевание в отношениях к Горькому и к тому художественному методу, родоначальником которого он был. Буржуазное литературоведение вот уже несколько десятков лет пытается развенчать Горького, объявить его традиционным и старомодным, устаревшим, а следовательно, поставить вне круга идеологических, философских, эстетических интересов нашего века.

В недавно вышедшей книге известного исследователя творчества М. Горького доктора филологических наук А. Овчаренко «М. Горький и литературные искания XX столетия» дается научно убедительный по существу и полемически разящий по форме ответ развенчателям Горького. Автор книги во всеоружии неопровержимых аргументов, в конкретном литературно-сопоставительном анализе творчества Горького и идейно-художественных исканий нынешнего века, беря за основу горьковские работы послеоктябрьского периода, блестяще обнажает новаторское естество, если так можно сказать, творчества основоположника литературы социалистического реализма.

Книга А. Овчаренко есть не только широко развернутая полемика, обращенная против недругов Горького, но главным образом она с большой убедительностью, на фундаменте прежних достижений советского горьковедения, обогащенная собственными масштабными открытиями ее автора, демонстрирует вечно живую силу и новаторскую мощь великого русского пролетарского писателя. «Каждое его произведение,— отмечает исследователь,— и для него самого являлось открытием, постижением определенной стороны действительности, проникновением в ее глубины. Даже в тех случаях, когда Горький открывает открытое до него, сохраняется эффект энтузиазма и новизны или обновления. Мы присутствуем при процессе рождения, и это каждый раз такое же чудо, как, скажем, рождение человека, или всходы пшеницы, или вспышка молнии».

Литературные искания Запада, на редкость многообразные, но подчас скромные по результатам, оказывались, как правило, формальным повторением (разумеется, без указаний источника) многих и многих проб и экспериментов, предпринятых, например, Горьким в таких сложнейших по содержанию и форме книгах, как «Заметки из дневника. Воспоминания» и «Рассказы 1922—1924 гг.». Прагматизм и позитивизм, экзистенциализм и неотомизм — эти и многие другие ныне модные «философские системы» уже были отражены в названных книгах, как и «излюбленные ситуации и художественные приемы, остающиеся характерными и для сегодняшнего так называемого нового искусства». «Правда, с некоторой разницей,— не без иронии замечает А. Овчаренко.— Ныне берется со знаком плюс то, что у Горького шло со знаком минус».

Глубокое проникновение в изучаемый материал, верность и тонкость научных наблюдений, безошибочный эстетический вкус и чутье — все эти ценные качества незаурядного исследователя литературы позволяют А. Овчаренко дать образцовый и в высокой степени поучительный анализ таких вершинных творений Горького, созданных им после Октября, как роман «Дело Артамоновых» и эпопея «Жизнь Клима Самгина». В этих горьковских книгах литературовед открывает для современного читателя поразительное новаторское богатство, такие заложенные в них идейно-эстетические возможности, которые в сильной степени определили пути и поиски художественной мысли XX века.

«Приступая к работе над «Жизнью Клима Самгина»,— пишет А. Овчаренко,—Горь-

---

А. Овчаренко. М. Горький и литературные искания XX столетия. Издательство «Советский писатель», 1971.

Фото В. Будана и Н. Ситникова (ТАСС).

ТРЕТЬЯ ВСЕСОЮЗНАЯ

21 октября закончила свою работу III Всесоюзная конференция ветеранов войны, которая происходила в Москве, в Краснознаменном зале Центрального Дома Советской Армии.

Горячими аплодисментами собравшиеся встретили приветствие Центрального Комитета КПСС, которое зачитал секретарь ЦК партии Б. Н. Пономарев.

С отчетным докладом выступил председатель Советского комитета ветеранов войны генерал армии П. И. Батов.

Конференция избрала новый состав Советского комитета ветеранов войны. П. И. Батов вновь избран его председателем.

ЛЮБ
АКТ

Шестьдесят — повод, чтобы лишний раз сказать о том, какой замечательный артист, какой удивительный.

Говорят, что он — вернее, он сам говорит — учился у того или другого или вместе взятых артистов. Вероятно, это так! Но что несомненно, он ни с кем не сравнимый, редкой индивидуальности актер.

Аркадий Райкин! И уже все спешат видеть, слышать, и восторгаться, и аплодировать. Мне думается, что успех у зрителей, у народа заключается не только в том, что он великолепный и неповторимый, а еще и потому — и это, вероятно, главное в искусстве Райкина,— что, изображая ничтожных людей, высмеивая наглых, тупых хапуг, чи-

ОГО

кий скромно именовал свое произведение хроникой, повествующей о «вчерашнем дне истории», о сорока годах, прожитых Россией перед Величайшей революцией. Он работал над реализацией своего замысла более десяти лет и создал произведение, отличающееся всеобъемлющим художественным синтезом... Книга о вчерашнем дне истории, «Жизнь Клима Самгина» — художественно завтрашний день мировой литературы».

Таким образом, конкретный и всесторонний анализ послеоктябрьского творчества писателя не только не оставляет живого места от утверждения «советологов» о сугубом «традиционализме» Горького этого периода, но в сопоставлении с художественными исканиями века позволяет во всем величии понять новаторское значение зачинателя и основоположника литературы нового мира и, конечно же, метода, им открытого.

Книга А. Овчаренко по этой причине есть не только веское слово о непреходящем и неиссякаемом идейно-эстетическом богатстве произведений Горького, но и утверждение всем пафосом своим той немаловажной для нас истины, что советская литература уже в истоках своих начиналась как истинно новаторская.

Н. СЕРГОВАНЦЕВ

НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ

Инесса Буркова назвала свою повесть о Николае Бирюкове «Встречь ветра». И она раскрывает, что стоит для нее за этим необычным словосочетанием: именно так жил Николай Зотович Бирюков.

Судьба была к нему безжалостна. Восемнадцатилетний рабфаковец приезжает в Дулево на реконструкцию фарфорового завода и, стоя в ледяной воде, помогает справиться с бедой, грозившей стройке. Только-только начав сознательную жизнь, комсомольский заводила, шутник, весельчак, полный самых радужных планов, слег. Потянулись месяцы томительнейшего ожидания, бесчисленные консультации медицинских светил, вера в чудо — и беспощадный, как приговор, диагноз: «Медицина бессильна. Вы обречены на неподвижность».

Когда знакомишься с жизнью этого удивительного человека, поражаешься его титаническому трудолюбию. Он стал учиться в институте, подчинил жизнь строжайшему распорядку, работал по шестнадцать—восемнадцать часов в сутки — до того, что пальцы не удерживали карандаш. «Гордый, уверенный в себе, оскорблялся, если кто-то выказывал ему свою жалость. Несчастный, беспомощный? Напротив, он сам в состоянии помочь любому человеку — близкому или незнакомому,— попади тот в беду... Какой же он несчастный, если полон самых невероятных планов, если так силен и уверен в себе, что осуществляет их все!»

Из книг, написанных Николаем Бирюковым, самые известные — «Чайка», триумфально облетевшая мир (при жизни писателя вышло сто восемь изданий на тридцати девяти языках), и «Воды Нарына».

Задумав писать роман «Воды Нарына», Бирюков отправился в Среднюю Азию. Местные эскулапы никак не могли взять в толк, как это такой больной человек отважился на подобное путешествие! Не каждый здоровый выдержит единоборство с пустыней, а тут прикованный к носилкам Бирюков! И все-таки он провел там больше года, был в гуще жизни. Больше того, сумел стать нужным строителям канала! И во время войны рвался на фронт — помогать хотя бы словом.

Он многое сделал, но далеко не все успел. «И все-таки он оставил нам много. Оставил свое второе сердце — девять книг. Оставил память о себе, о человеке, который, как Николай Островский, совершал подвиг не один раз — творил его ежедневно, ежечасно, все тридцать пять прикованных лет. Оставил пример мужества, которое любому положено иметь про запас — для дел ли собственных, для годин ли, когда всему народу выпадет испытание».

«Николай Бирюков жил для людей...»

О книгах писателей порой пишут незаслуженно много. О жизни писателей — до обидного мало. Особенно таких, как Николай Бирюков.

Инесса Буркова написала не биографию. Из-под ее пера вышла взволнованная книга, после которой начинаешь по-новому смотреть на все созданное Николаем Бирюковым.

Михаил ХОДАКОВ

Инесса Буркова. Встречь ветра. Повесть о Николае Бирюкове. Издательство «Советская Россия», 1971.

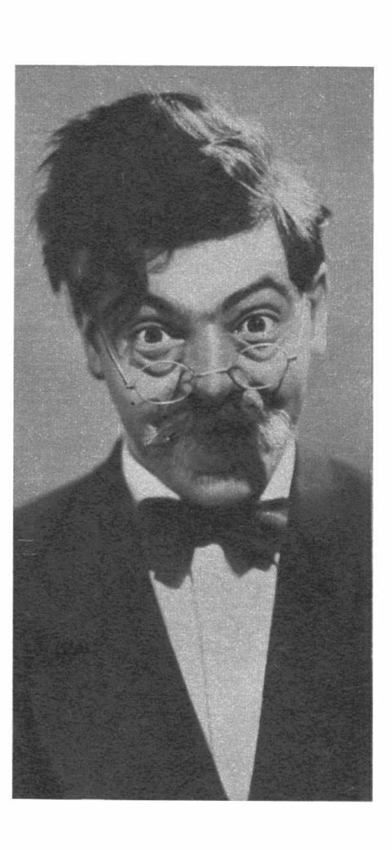
ИМЫЙ ЕР

новных бюрократов-дураков и разного рода человеческий хлам, он, Райкин, тем самым мужественно защищает настоящих людей, настоящие чувства, защищает нашу жизнь от всякого рода человеческого мусора... А с каким поразительным нежным чувством вдруг среди смеха он заставляет трепетать сердца зрителей, рассказывая и защищая людей настоящих. Его лирические фельетоны великолепны и волнительны!

Шестьдесят — это только повод лишний раз пожелать Аркадию Райкину здоровья и пожать руку этому актеру-гражданину.

Михаил ЯНШИН,
народный артист СССР

Она села на стул, положив удобно ногу на ногу, и со своим обычным ласковым и чуть плутоватым выражением заглянула мне в лицо:

— Ты устал? Или расстроен? А, Стас?

Я отодвинул тарелку с опостылевшим борщом и, не глядя на нее, сказал:

— Нет. Я очень люблю по ночам есть борщ. Обычно это занятие поглощает меня полностью.

Она положила мне на руку ладонь, и я подумал, что в жизни могу подготовиться к встрече с тысячью Батонов, и все меньше на свете людей, для которых я щенок, но вот есть же человек, живущий от меня в двадцати минутах езды, с ним в любой момент можно созвониться по телефону, и раз-два в год мы видимся и перед которым я всегда щенок, никогда не готовый к встрече. Потому что, когда она кладет ладонь мне на руку, меня охватывает какое-то сладкое чувство, и я забываю, что сто раз давал себе клятву не уважать ее, не любить, не помнить, и мне хочется бесконечно продлить это мгновение, когда она сидит рядом со мной, ласково улыбается и держит меня за руку...

Я осторожно высвободил руку из-под ее ладони и понял, что получилось это смешно и некрасиво.

— Ты с работы?— спросила она.

— Ну что ты! Сегодня же суббота, я не работаю,— неуклюже соврал я, лихорадочно придумывая, где бы это я мог быть вечером в субботу, откуда ушел в ресторан есть борщ. Дело в том, что мне ужасно не хотелось выглядеть в ее глазах несчастным и голодным: ведь каждый голодный человек выглядит немного несчастным, тем более мне очень не нравится выглядеть несчастным, особенно перед ней.

Но придумывать ничего не пришлось, потому что она наклонилась ко мне и быстро провела рукой по пиджаку, нащупала пистолет в полукобуре на поясе и засмеялась.

— Эй, ты, врунишка! Я тебе тысячу раз говорила, что ты не умеешь врать, лучше уж и не учись. А кстати, как же ты на работе-то? Ведь тебе, наверное, надо уметь ловко обманывать своих жуликов...

— Нет, они мне и так верят,— усмехнулся я.

— Но если им говорить всю правду, то ты ведь и не докажешь, что они жулики,— удивилась она.

— Я могу просто не говорить им всю правду,— пожал я плечами,— могу о чем-то просто не говорить.

— Правильно,— весело сказала она.— О чем-то не говорить всегда лучше.

— Угу,— кивнул я,— мне это уже давно понятно. Давай выпьем.

— Давай.

Мы чокнулись, и я первый раз взглянул ей в лицо, и, как всегда, во все эти долгие годы, екнуло сердце. Не виделись мы больше года, но она совсем не изменилась, как в общем-то не изменялась за те десять лет, которые я знал ее. Может быть, я совсем не способен оценивать ее объективно, но кажется, будто и сейчас ей нельзя дать больше двадцати — двадцати двух лет, хотя мы ровесники.

— А за что мы будем пить?— спросила она.

— За что хочешь. Это не имеет значения. Вообще все это не имеет значения.

— Нет, имеет. Это вроде знака уважения или воздания небольших почестей. Давай выпьем за тебя...

— Ты же знаешь, я не люблю всякие знаки. Но если тебе нравится, давай выпьем за меня.

— Я тебе желаю счастья.

— Спасибо. Но это неважно.

Конечно, мне бы хотелось в этот момент выглядеть поуверенней и «поблагополучнее», но даже под ее гипнозом я понимал, что все удобства и блага мира без нее не существуют, и прикидываться, изображая самодовольного жуира и баловня судьбы, просто глупо. Потому что, если честно говорить, для счастья в жизни мне не хватало только ее, и было бессмысленно пытаться обманывать ее в этом, хотя бы из-за того, что мы все равно никогда не будем вместе. Ведь если хоть один человек на всем свете знает тайну другого и пускай никогда и никому не говорит о ней, то это уже все равно не тайна, поскольку они оба знают о ней, и она или соединяет их, или разделяет навсегда. А она знала мою тайну, мою любовь, муку, мое счастливое страдание.

И еще она умела читать мои мысли. Она сказала:

— Мы ведь все забыли?

Я повернулся к ней.

— Нет! Даже ты не забыла. А я забывать не хочу и ничего не забуду. Когда я был моложе и глупее, я старался позабыть. Ты ведь не предложишь мне сейчас «остаться друзьями»?

— Стас, дорогой мой, но ведь это не может быть вечно! Тебе надо тоже устроить как-то свою жизнь. Нельзя же до старости жить вот так и ходить ночью в ресторан есть борщ! А нам, кстати говоря, ничего не мешает быть друзьями...

— Мешает. Если между любовью и дружбой лежит расставание, значит, и не было никакой любви или разлюбили совсем и все позабыли. А я ничего не забыл и забывать не хочу. Это раз. А что касается необходимости устраивать свою жизнь, то она и так прекрасно устроена. Вот только куплю тапки, и все в порядке...

— Какие тапки?— удивилась она.

Я засмеялся.

— Есть такие замечательные тапки. Да это неважно. И давай не говорить обо всем этом. Лучше выпьем за тебя, ты расскажешь, как живешь, и все будет отлично.

Я почувствовал, что от голода, волнения и усталости начал пьянеть: это от двух рюмок коньяка! В зале пригасили огни, ее лицо расплывалось в полумраке, и на мгновение мне даже показалось, что я просто задремал, дожидаясь официанта, и все это приснилось: она не приходила и весь наш разговор — продолжение сегодняшних воспоминаний, которые вызвал Батон. Но она сидела совсем рядом, бесконечно далекая, и я не мог преодолеть это расстояние, как нельзя перепрыгнуть через пропасть в два приема.

— Тебя, наверное, очень боится жулье,— сказала она.— В тебе есть какое-то неистовство. Ты никогда не сможешь быть счастлив, потому что ты не воспринимаешь жизнь, какой она есть, и если тебе что-то надо, то ты вцепляешься мертвой хваткой, пока не возьмешь свое...

Я понял, что отвечать не надо: она не разговаривала со мной, а просто думала вслух.

— И мера затрат тебя тоже не интересует. Важно только выиграть, а какой ценой это достанется — плевать.

Я усмехнулся:

— Не надо делать из меня человека, горящего на работе...

Она строго сказала:

— Не дурачься. Ты отлично понимаешь, о чем говорю. Ты был таким же, еще когда учился, и я тебя — безусого еще — просто побаивалась. Тебе, пожалуй, надо было стать спортсменом — вышел бы пожизненный чемпион по боксу...

— Так не бывает. Пожизненных чемпионов нет: человек обязательно когда-то проигрывает.

— Вот я об этом и говорю. Такие альтруисты, как ты,— тираны. Они верят в свою правоту и стремятся подчинить всех окружающих своей идее, своим страстям.

— А если окружающие несогласны?

— Тогда ты с ними воюешь, даже если для этого приходится мучиться и любить. Но людей вокруг много, Стас, и страстей твоих много, а тебя самого мало. Поэтому ты проиграешь. Жизнь коротка, и тебя самого мало...

— Может быть. Раз жизнь коротка, то скоро она все покажет.

Как хорошо было бы, если бы она вышла замуж за какого-нибудь дипломата и уехала с ним в Нью-Йорк или Рио-де-Жанейро, и я бы точно знал, что между нами полсвета, и нельзя позвонить, и невозможно приехать на троллейбусе, и нигде меня не подстерегают эти случайные встречи, от которых остается чувство горечи и тоски!.. Может быть, тогда я бы примирился с мыслью, что ее больше нет, нет, почти физически нет, раз между нами есть муж, дети, таможни, границы, тысячи километров. Но пока она рядом и пока существуют рестораны, куда в двенадцатом часу я хожу есть борщ и случайно встречаю ее,— все это становится нереальным.

— Лера, мне тридцать лет, я человек с минимальными достоинствами и бесчисленными недостатками, самый обычный в общем. Когда-нибудь я встречу женщину, которую ищу, которая мне нужна, и все проблемы решатся сами по себе...

— Но скорее всего она окажется похожей на меня. Тогда что?

— Не знаю, но думаю, что все будет нормально. Если бы мы встретились с тобой сейчас, а не десять лет назад, все было бы по-другому...

— Да, наверное.

Мы посидели молча, потом я спросил, как она попала сюда.

— Иностранную делегацию принимаем. Это издатели и переводчики из Финляндии,— сказала она.— Наше издательство заключило с ними какой-то договор. Я редактирую одну прелестную книгу про средневековых пиратов.

— Это, наверное, действительно интересно.— Я подумал, как великолепно было бы ступить сейчас на палубу пиратского галиона, и грохнул бы залп из медных жерл, взвились вымпелы на реях, и как не было бы горестей, тревог и забот, а только удаль и красота боя...— Слушай, а почему про нас, сыщиков, следователей, не пишут хороших книг?

— Трудно. Чтобы книга была про сыщика, а не про фельдшера, надо написать о сыщике в работе. А масштаб интереса к его работе обычно поглощает интерес к его личности. Так и появляются книжки про всякие уголовные чудеса, которые раскрывают совершенно одинаковые герои в синих шинелях.

— В серых. Теперь форма новая.

— Герои-то от этого не изменятся.

Я вспомнил, что в книжечке стихов Славина, вышедшей в этом году, есть строчки, которые я раньше не очень хорошо понимал:

Трудное писать нетрудно,
Легкое слагать трудней...

По-видимому, это относится не только к писанию стихов.

— Ну что ж, до встречи?

Пройдет несколько месяцев, и я снова — в метро, или на улице, или, как было однажды, на пляже в Адлере,— снова увижу ее, услышу вопросительно-ласковое «А, Стас?», и снова, срываясь с ритма, застучит, забарабанит сердце, и она вновь положит мне ладонь на руку, и я буду тонуть в радостной муке и смешном неуважении ко всем устроенным, благополучным людям, потому что она здесь, рядом, на другом краю пропасти, которую не перепрыгнуть в два приема...

ГЛАВА 3

Мотоцикл «Индиана» загрохотал часто и сильно, как сдвоенный зенитный автомат: чтобы глушители не забирали мощность, их не ставят на гоночные машины. Гога Иванов сел в седло, дал форсаж и сказал мне:

— Садись передо мной, на бак. Потом я сдвинусь назад, и ты поведешь сам...

— Упадем, наверное?

— Нет. Мы никогда с тобой не упадем. Падать нельзя: убьемся...

— Я ведь не умею.

— Неважно. Жизнь коротка, и тебя самого мало. Надо узнать все...

Мы стояли внутри огромной, высотой с двухэтажный дом «бочки», где на самом верху была сделана галерейка для зрителей аттракциона «Езда по вертикальной стене». Но сейчас почему-то зрителей не было, и я жалел об этом, поскольку с ними было бы легче: если номер удастся — приятно насладиться триумфом, а если грохнемся — то лучше, когда рядом люди. А мотоцикл гремел и вырывался у Гоги из рук, и он говорил мне грустно, но твердо:

— Садись, надо ехать. И зрителей не будет: когда человек решается ехать по стене, он делает это один...

— А ты?

— Я не в счет. Это моя жизнь, моя работа. Людям необходимо, чтобы кто-нибудь мог в любой момент проехать по стене...

— Но ведь это бессмысленно! Это же ничего людям не приносит!

— А что ты приносишь людям? Ты ведь даже не можешь возместить причиненный им вред.

— Но это необходимо человеческой справедливости, спокойствию и уверенности остальных людей!

— Правильно. Людям нужен не только хлеб. Им нужна уверенность. Каждый хотел бы проехать по стене хоть раз в жизни, но не всем удается. Я езжу изо дня в день, чтобы напоминать людям: это можно, просто надо не забывать о необходимости хоть раз проехать по стене...

Я сел перед ним и слышал сквозь тягостный грохот мощного двигателя его ровное, спокойное дыхание.

— Поехали?..

Горячий бензиновый дым, дрожит от рева круглая деревянная стена «бочки», которая отгораживает нас от всего мира, от триумфа и позора, от смеха и сочувствия, оставляя один на один с собою, стена дрожит от нетерпения проверить: можешь ли ты хоть раз в жизни проехать по ней?

— Поехали.

Захлопнулась дверь, через которую мы вошли — последняя возможность выйти и жить, как жил раньше, и не мчаться по стене, а купить лучше войлочные тапки, стать серьезным

Продолжение. См. «Огонек» № 43.

человеком, достойно и красиво устроить свою жизнь. Но тогда я никогда не смогу больше прийти сюда, на галерейку,— ни с любимой, ни с друзьями, ни со своими детьми,— потому что каждый раз, когда Гога Иванов будет в реве и дыме стартовать снизу, стремительными спиралями поднимаясь вверх по стене, вместе с ним со дна «бочки» будет подниматься мой страх, победивший меня в игре один на один. И сколько бы впредь ни представилось случаев проехать по стене, страх всегда будет победителем...

Дрогнул ребристый каучук переднего колеса, мелькнули, скручиваясь в сияющий диск, спицы, тяжелый мотоцикл покатился по круглому манежу, застонали досочки пола, ближе к краю, рядом стена, первый круг пройден, все мелькает в глазах, мотоцикл нагибается внутрь манежа, откос у стены, сейчас мотоцикл развалится от напряжения, толчок, толчок, небо рухнуло на плечи и вжало, вбило меня в машину, а перед нами — узенькая дорожка, отвесно поднимающаяся вверх, но мотоцикл почему-то не падает, а все время с рокотом взлетает, и дорога загибается за нами, и я с ужасом вижу, что вишу вниз головой, и только тут соображаю: мы мчимся по стене! По стене!

Дорожка — это и есть стена. Но больше она никогда не будет возноситься надо мной, ее вертикаль бессильна — я проехал, прошел, промчался по второму измерению, по страху... Значит, меня не так мало! Пусть еще строят стены...

Так я и проснулся с ощущением какого-то удивительного счастья, огромной победы и долго не мог поверить, что ничего этого не было, не хотел верить, что все приснилось, и хоть я знал, что Гога лечит в санатории сломанную руку, мотоцикл «Индиана» стоит тихий, забытый в сером, пустынном сумраке гаража, а сейчас апрель, и аттракцион не работает, но все равно я не хотел и не мог поверить, что сегодня ночью, сейчас, только что я не ездил по стене. Мне очень надо было знать, что я могу проехать по стене. Потому что в тридцать лет человек должен знать о себе все, а поскольку мы так или иначе не можем узнать о себе все, то надо знать по крайней мере, готов ли ты проехать по стене.

Звонил телефон, пронзительно и долго, а я лежал, не открывая глаз, и ощущение радости и силы оставалось, будто все произошло на самом деле, и я верил, я точно знал, что на самом деле было бы все так же.

И в этой дреме, пролегшей узким мостком между сном и явью, как часть дороги по стене — из мечты в реальность,— я протянул руку и снял трубку, в которой булькал голос Савельева. Вначале он меня ругал, кажется, за лень и тунеядство, потом сказал четко и раздельно:

— А потерпевший не объявился...— И в голосе его я услышал растерянность и удивление.

Если бы он кричал, ругался или смеялся и шутил, я бы, наверное, и не отделил этих слов от всего словесного потока, который извергал Сашка. Но растерянность и удивление — состояния, столь же несвойственные ему, как хождение на руках, подействовали на меня сигналом боевой тревоги, и я окончательно проснулся. Сашка в это время сказал:

— Стас, ты что, спишь еще?

Я перекинул трубку в другую руку и бодро спросил:

— Мысли есть? Излагай...

Савельев сказал, что он уже обзвонил все линейные отделения — заявления о пропаже чемодана не поступало, и еще что-то долго и путано объяснял, и говорил он все время как-то бубниво-монотонно, будто чувствовал за собой какую-то вину. Наконец мне надоело.

— Не пора ли что-нибудь сказать о деле? И потом — распорядись доставить Батона, я через полчаса буду в управлении...

Глотая обжигающий чай, я лихорадочно обдумывал линию разговора с Батоном. Кроме абсолютной уверенности, что чемодан ворованный, я не располагал никакими уличающими Батона фактами. А обвинений, построенных на одной уверенности, не существует. Шестнадцать часов сидит Батон, задержанный по подозрению в краже, а потерпевшего нет. Ситуация! Впрочем, один шанс есть...

Когда я вошел в кабинет, Савельев оживленно беседовал с Батоном, который заканчивал историю о том, как родители одного его знакомого из глупого тщеславия назвали сына заграничным именем Дебора, и какие, мол, мытарства претерпел из-за этого его друг с заграничным женским именем.

— А вы говорите — импортный чемодан! — резюмировал он нравоучительно.

Молодец Батон! И не думает сдаваться. Ну что ж, помимо поражения и чистой победы, есть выигрыш по очкам. Я повесил плащ в шкаф, пригладил волосы и сел к столу. Батон выглядел веселее и оживленнее, чем вчера, но я ощутил в этой приподнятости звенящее напряжение ожидания. Ведь долгие годы Батон изучал юриспруденцию с другой стороны моего стола и хорошо знал, что если мы сейчас не введем в кабинет хозяина чемодана, значит, потерпевший не объявился, значит, доказать его юридическую вину почти невозможно, и тогда он еще с нами потягается.

— Как вы себя чувствуете, гражданин старший инспектор?— неожиданно спросил он.— Вы что-то очень плохо выглядите...

Он смотрел на меня с сочувствующей, доброй улыбкой, за которой где-то очень далеко блуждал испуг и томление ожидания.

— Спасибо за внимание, друг мой Дедушкин. Я действительно чувствую себя неважно. Наверное, от недосыпания.

— Ай-я-яй! — сокрушенно покачал головой Батон.— Бессонница?

— Если бы! — вздохнул я.— К сожалению, не выспался я из-за вас...

— Господи, я-то как мог вам помешать отдохнуть?— изобразил безграничное удивление Батон, и по его лицу впервые откровенно скользнула тень беспокойства.

Я улыбнулся загадочным смешком — есть у меня такой смешок специального назначения — мол, много знаем, да не все скажем. И спросил:

— Скажите, Дедушкин, у вас есть войлочные домашние тапки?

Это было одно мгновение, неуловимое, как солнечный блик на окуляре бинокля в неприятельском окне. Но я его заметил, а может быть, скорее почувствовал. Батон спружинил и сразу же радостно расслабился, уверенный, что мы вышли на чужой след.

— Тапочки?— переспросил он задумчиво.

— Ага, тапочки,— подтвердил я невозмутимо.

— Войлочные?

— Ну да, войлочные.

— Нет. Искренне сожалею, но у меня нет войлочных тапок...

— Вот и прекрасно,— сказал я довольно.—Я был уверен, что у тебя нет таких тапок. Я вот полночи думал о тебе, о себе и об этих тапках.

— Да-а?— неуверенно протянул Батон. Он не знал, куда я веду, и на всякий случай решил воздержаться от рассуждений.— И что?

— А ничего. Вот у меня их тоже нет. Ты не усматриваешь в этом связи?

Батон пожал плечами:

— Не понимаю...

— Я это к тому говорю, что есть такой диалектический закон — единства и борьбы противоположностей. А мы с тобой противоположны.

— В процессуальном смысле?— живо осведомился Батон.

— Да. И в человеческом тоже.

— Что?! А-а... Ну, да...— усмехнулся Батон.— Но это же не основание брать меня под стражу!

— Ну это ты брось! Твою свободу мы... ммм... ограничили... по другой причине. Но мы с тобой... как бы это сказать... особая форма общественных отношений — «полицейские и воры»...

Батон весело рассмеялся:

— Все понял. Хотите сказать, что мы, мол, скованы одной цепью?

— Не совсем так. Но из-за формулировок я с тобой спорить не стану. Я хочу сказать, что пока я сыщик, у тебя войлочных тапок не будет.

— Но ведь их у вас тоже нет?— напомнил Батон.

— Нет,— кивнул я,— хотя они мне нужны. Ты-то мне и мешаешь иметь тапки.

— Да почему я?— искренне возмутился Батон.— На мне, что ли, свет клином сошелся? Тоже нашли короля преступного мира! Кроме меня, не воруют?!

— Воруют. Но ведь это ты мне сказал — «сопляк»...

— Значит, мстите?— прищурился Батон.— Фэ. Некрасиво, боже мой, как некрасиво...

Я покачал головой:

— Эх, Батон, совсем ты, значит, ничего не понял за эти восемь лет.

— Чего же тут не понять! Побитое самолюбие, как старая рана, и через двадцать лет саднит.

— Ну какое же самолюбие? Это я только тогда на тебя обиделся. За «щенка». Теперь-то я понимаю, что и был настоящим сопливым щенком. А ты и сейчас не хочешь смириться, что хоть и щенок, а тебя, старого волка, я все-таки поймал.

— Ну и что?

— А то, что пока ты вор, а я сыщик, у нас с тобой тапочек не будет. Тем более прошло восемь лет, и я уже не щенок, а ты-то стал уже совсем пожилым, ну, просто дряхлым волком...

— Поживем — увидим,— зло блеснул золотой коронкой Батон.— Возможно, за все это еще придется извиняться...

— Нет,— решительно мотнул головой я,— мне перед тобой извиняться не придется. Я докажу, что чемодан ты украл.

— Это без потерпевшего-то?— откровенно улыбнулся Батон.

— Почему же без потерпевшего? Я его найду, это я тебе точно обещаю.

— И что это вы так со мной надрываетесь?

— Потому что у нас с тобой отношения принципиальные. Помнишь, когда я был щенком, я тебе сказал, что воровать нехорошо, а ты смеялся надо мной? Помнишь?

— Допустим...

— Вот я и сейчас считаю, что воровать нехорошо. Совсем плохо. Просто отвратительно. И все нормальные люди так считают. Но тебе и на меня, и на всех нормальных людей, и на все, что мы считаем, наплевать. Поэтому я обязан тебе доказать, что воровать нельзя. Понимаешь, н е л ь з я. И каждый раз, как ты украдешь, буду являться я, ловить тебя и сажать в тюрьму. И это будет до тех пор, пока тебе вся эта жизнь смертельно не надоест и позарез понадобятся войлочные тапки. Вот тогда вместе и купим их.

— А не наоборот?— хитро прищурился Батон.— То есть вам смертельно надоест, а не мне? А? И вы в отставку... А я спокойно куплю тапки...

— На мое место тогда другой придет,— успокоил я Батона.

— Ну и что? На мое тоже... когда я решу только в тапках ходить. Идиллия... А пока мне только одно непонятно: какое это имеет отношение ко мне сейчас? Это ведь мой чемодан...

— Тогда объясню,— сказал я спокойно.—Я внимательно изучал еще в прошлый раз все ваши уголовные розыскные и следственные дела и пришел к интересному наблюдению. Во всех совершенных вами кражах имеется устойчивость привычек и метода исполнения. Иначе говоря, характерный преступный почерк.

— Любопытно,— сказал Батон.

— Конечно, потому что сейчас вы узнаете, как я найду потерпевшего. На ваших глазах будет создана свидетельская база обвинения.

— Интересно,— оживился Батон.— Обычно мой дедушка перед тем, как мне всыпать, тоже посылал меня проверить, хорошо ли вымокла лоза... Так что же насчет почерка?

— А почерк заключается в том, что вы никогда не хватаете в вагоне первый попавшийся чемодан. Вы намечаете себе жертву и «пасете» ее, дожидаясь нужного момента. Этот нужный момент определяется, конечно, и фартом, «воровским счастьем», но в первую очередь расчетом. А расчет заключается в следующем: по пути следования есть несколько станций, где одновременно останавливаются встречные поезда, или они проходят через несколько минут после отправления вашего поезда. Поэтому вы воруете только на этих станциях. Таких остановок на пути несколько, и здесь уж фарт просто необходим: если на первой станции обстановка для кражи неблагоприятная, вы дожидаетесь следующей, иногда третьей, а иногда и весь прогон бывает холостым. Но как только подворачивается момент, вы берете чужой чемодан и тотчас же пересаживаетесь во встречный поезд. И удаляетесь от потерпевшего удвоенной поездной скоростью. Пока человек хватится, пока доедет до следующей остановки, заявит в милицию, пока передадут по линии, вы уже вместе с толпой пассажиров сходите на платформу в Москве, садитесь в такси и отправляетесь восвояси. Если, конечно, вас не останавливает на привокзальной площади инспектор Савельев, знающий вас по фотографиям в лицо и интересующийся содержимым вашего чемодана. Как вам нравится мой рассказ?

— Довольно занимательно. А с потерпевшим-то что? Без него это только детективный этюд... Увлекательный... Как вы любите говорить, доказательственной силы в суде не имеет.

— Точно, нужен потерпевший. Ты, Батон, человек умный, опытный и правильно догадался, что потерпевшего у нас нет. Поэтому мы займемся сейчас его вычислением. А ты, может быть, если ошибемся, подскажешь...

—Ну, это уж увольте. Я в уголовном розыске зарплату не получаю, чтобы вместе с вами самого себя ловить.

— Да что вы все: «деньги» да «зарплата»!— удивился Сашка.— Ведь есть же интерес академический, бескорыстное творчество.

— Как же, как же! Мне за творческое удовлетворение пятерик сунут, а вам — по медали. Ничего себе премии на вашем конкурсе!

— За вас, Дедушкин, медаль не дадут,— сказал Сашка.

— А в суде больше за сообразительность дают,— огорчился Батон.

— Так у вас сообразительность, Дедушкин, вредная, за это и дают много,— вежливо объяснил Сашка.

— Ну-ну, посмотрим, у вас какая сообразительность,— сказал Батон,— может быть, вам правильно медалей не дают.

— Может быть,— согласился я.— Итак, начнем сеанс материализации духов. Во сколько ты его задержал, Саша?

— Половина седьмого было. Он шел с кишиневского поезда —18.25. Экспресс «Молдова» называется поезд.

— Отлично.— Я взял расписание и стал выписывать на отдельный лист все остановки.— Позвони, пожалуйста, в справочную, узнай, не было ли опозданий, остановок и задержек вне расписания.

Пока Сашка трудолюбиво накручивал телефонный диск, я выписал перпендикулярно к графику движения экспресса «Молдова» расписания всех поездов, отправившихся из Москвы от Киевского вокзала за вчерашние сутки.

Кишиневский скорый останавливался девять раз: Котовск —0.13, Вапнярка —1.49, Жмеринка —3.03, Винница —3.47, Казатин —4.52, Киев —7.08, Конотоп —9.29, Брянск —13.47, Сухиничи —15.20 и в 18.25— Москва. Получились своеобразные оси ординат, где кривая движения лежала между временем и направлением. Поэтому один из московских поездов должен был обязательно пересечь какую-то из девяти временных точек движения кишиневского поезда.

— Экспресс «Молдова» из расписания ни разу не выходил,— меланхолично сообщил Сашка, аккуратно укладывая на рычаг трубку.

Я поднял голову и взглянул на Батона. Он задумчиво смотрел на меня и, по-моему, первый раз за все время смотрел как обычный человек — без своих юродивых ужимок. Смотрел просто задумчиво, с некоторым удивлением и грустью.

— Что, Дедушкин, может быть, поможете? Я ведь не математик, мне эти подсчеты мучительны...

Он отрицательно покачал головой:

— Вы, как мальчик, все время хотите заглянуть в конец задачника и узнать ответ. Не лишайте себя радости чистой победы...

Линию пересек в Конотопе «Дунай-экспресс», который прибыл туда в 9.10 и отправился далее в Софию — Стамбул через девять минут. Где-то на ближних семафорах он встретился с подходящей к станции «Молдовой», на которой через семь минут Батон отбыл в Москву. С чемоданом своего попутчика из «Дунай-экспресса».

Ознакомив Батона с результатами своих подсчетов, я спросил:

— Будем теперь всерьез говорить?

— Нет. Вы же знаете, Тихонов, что я не люблю «чистосердечных признаний». Кроме того, я хочу проверить вашу угрозу. Ну, что вы мне докажете, будто воровать нельзя.— Батон ненадолго задумался и добавил:— Между прочим, вы учли только московские поезда... А с «Молдовой» могли встречаться и другие...

— Не-е, нас другие не интересуют.

— То есть? — поднял брови Батон.

— То есть ваши домочадцы любезно сообщили инспектору Савельеву, что позавчера вы еще были дома. И выехали, следовательно, из Москвы...

— Редкий случай, когда алиби сильно мешает,— засмеялся Сашка.

— Ладно,— сказал я и повернулся к Сашке:— Садись за машинку, я тебе продиктую парочку телеграмм.

Сашка долго устраивался на стуле, прилаживался к машинке, потом сказал неестественным голосом, каким возглашают на опустевших платформах машинисты метро:

— Го-т-оов!

— Записывай, диктую: «Фототелеграмма. Контрольно-пропускной пункт Унгены. Прошу срочно предъявить поездной бригаде «Дунай-экспресса» № 13 настоящую фотографию для опознания. В положительном случае выяснить, до какой станции имел билет опознанный, где и при каких обстоятельствах он сошел с поезда...»

Батон, отвернувшись от нас, смотрел в окно, на улицу, залитую холодным весенним светом, расчерченную квадратами оконной решетки, и голова его больше не была похожа на носовое украшение фрегата. Он как будто сильно устал от всего нашего разговора.

Сашка спросил:

— Все, что ли?

— Подожди. Я ведь обещал доказать.— Снял трубку и позвонил дежурному.— Пришлите конвой.

Батон, не оборачиваясь, смотрел в окно.

— Пиши, Саша, следующую. «Кишинев, отдел уголовного розыска жел. дор. Прошу произвести по прилагаемой фотографии опознание поездной бригадой пассажира».

Я перехватил Сашкин недоуменный взгляд:

— Они ведь из Москвы уже отправились обратно. И последняя — в Конотоп. «Линейный отдел ст. Конотоп-пасс. Прошу допросить кассира, работавшего вчера с 9.00...»

Батон шумно вздохнул, откинулся на стуле и взглянул на нас будто откуда-то издалека, желая рассмотреть попристальнее:

— А что теперь?

Сашка пожал плечами:

— Теперь мы вас сфотографируем и по фототелеграфу направим снимки в Унгены, Кишинев и Конотоп. Там ваши снимки предъявят. В Унгенах вас опознают проводники, с которыми вы ехали до Конотопа, в Кишиневе — бригада, с которой вы ехали до Москвы, а в Конотопе вас наверняка вспомнит кассир, продавший билет. Билет-то, наверное, в мягкий вагон взяли?

Батон, не отвечая, засмеялся каким-то своим мыслям, немного погодя сказал:

— Замечательный город Конотоп. Войдет в историю тем, что в нем из-за сапог убили Хулио Хуренито и из-за чемодана сгорел Леха Дедушкин по кличке Батон.— Он провел по лицу руками, будто смывая с него смех.— Это все прекрасно, но вот насчет потерпевшего что?

— Саша, сдай это на телеграф,— протянул я бланки и ответил Батону:— Найдем, я же обещал.

— Тогда поторопитесь,— сказал серьезно Батон.— У вас времени совсем мало. Часов пятьдесят осталось...

Это он точно сказал. По закону задержанного подозреваемого можно содержать под стражей не больше трех суток. После этого ни один прокурор без солидных доказательств, на одних подозрениях санкцию на арест не даст.

— Ничего, я думаю, успеем,— ответил я ему тоже серьезно.— Я вообще человек неленивый, а уж для тебя, видит бог, постараюсь от души. Понимаешь, мне в последнее время сильно понадобились тапки войлочные.

В дверь постучали, вошли конвойные. Сашка сказал:

— Все. Гражданин Дедушкин, вам придется пока поскучать, дожидаясь результатов. Если надумаете рассказать чего-нибудь — милости просим, будем рады. Мое самолюбие не пострадает и без проверки сообразительности, и мы останемся довольны вашим добровольным признанием. Так называемым чистосердечным. Вам же лучше: меньше дадут.

— Вот это уж дудки! Я ведь и так могу подтвердить весь этот ваш кроссворд, потому что мой маршрут, который вы здесь так ловко рассчитали, еще не доказывает моей юридической вины. Потерпевший вам нужен.

— Ага,— сказал я.— Очень нужен. Я уж постараюсь. А что касается подтверждения маршрута, то это уже после ответа на наши телеграммы. Тогда будет видно, что ты сам, по своей воле ни слова правды не сказал, все пришлось делать нам. Суду это будет интересно...

Батон бессознательно заложил руки за спину — на мгновение ослабло внимание, сработал рефлекс, приобретенный многими годами хождения под стражей,— и шагнул к дверям. На полпути остановился, взглянул мне в глаза и сказал:

— Помните, в «Празднике святого Йоргена» Микаэль Коркис говорит: «Главное в профессии вора — вовремя смыться»?

— Да, помню.

— А я считаю, что главное в профессии всех фартовых — не расковыривать запечатанных бутылок.

— Почему?

— Никогда не знаешь, из какой выпустишь джина. Вот я нарушил это правило.— Он повернулся к конвойному:— Ну?..

Захлопнулась дверь, и мы с Сашкой еще минуту молчали, пока он не спросил:

— Ты как его понял: он сейчас выпустил джина или восемь лет назад?

— Не знаю. Я тоже не понял...

Продолжение следует.

НА ТРЕВОЖН

Эта книга читается как роман с острым и напряженным приключенческим сюжетом: что же дальше? Удастся ли Стасю Малиновскому провезти нелегальный транспорт оружия в буржуазную Литву и взять верх в поединке с агентами контрразведки? Сумеет ли тишайший «путешественник» Дубовский миновать хитроумные ловушки, расставленные на его пути полициями Бельгии и Франции? Страница за страницей, эпизод за эпизодом, где все только правда и нет ни грана вымысла. Разные имена и псевдонимы на различных этапах носит рассказчик и только настоящим именем — Станислав Ваупшасов — пользуется редко, очень редко. Такая работа.

Но тема книги шире и далеко выходит за рамки одного лишь достоверного и обстоятельного описания коллизий, связанных с повседневным бытием разведчика-чекиста. С. А. Ваупшасов формулирует ее так: «Молодым нередко кажется, будто все интересные дела уже переданы до них, а

С. А. Ваупшасов. На тревожных перекрестках. Записки чекиста. Политиздат, 1971.

«СЕМЕНОВСК

«Семеновский прекрасный полк» (так назвал его поэт-декабрист Ф. Глинка), овеянный славой победоносных сражений, осененный георгиевскими знаменами, добытыми на поле брани, находится в центре обширного, многопланового исторического повествования М. Кочнева «Отпор». Перед нами со страниц эпопеи заново встают в полный рост, как живые, наиболее известные деятели декабристского движения, в первую очередь дворяне-революционеры, такие, как Н. Муравьев, Ф. Глинка, К. Рылеев, А. Бестужев, С. Муравьев-Апостол, Н. Тургенев, М. Бестужев-Рюмин, П. Чаадаев, М. Орлов, П. Пестель, и многие другие исторические лица, чьи светлые имена давно стали священными для каждого русского человека. Эти люди по справедливости были названы нашими первыми мучениками за свободу.

Михаил Кочнев. Отпор. Издательство «Советская Россия», 1971.

Н. ЛЕЙКИН

БОЛЬШОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ «МАЛЫХ» ГАСТРОЛЕЙ

...ЫХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

на их долю ничего значительного не осталось... Осознание себя личностью, полноправным и деятельным участником исторического процесса — вот что прежде всего необходимо тем, кто нынче молод и жаждет подвигов. Не только на войне совершаются они. Каждый день жизни может стать подвигом, если прожит он не кое-как, а с высоким гражданским смыслом».

Подвиг по плечу человеку, если только человек готовит себя к нему и знает, во имя чего он подвиг совершит,— такова основная мысль книги С. А. Ваупшасова, и в подтверждение ее автор приводит примеры, почерпнутые из жизни. Множество людей «населяет» его книгу; множество характеров, прослеженных и донесенных до читателя — полнокровно и с убеждающей точностью. И каждый характер раскрывается в тесной взаимосвязи с конкретными делами, давая возможность понять истоки и самую природу подвига. Нравственная сторона поступков и их основа интересуют автора больше, нежели технология разведывательного дела, и книга от этого только выигрывает, превосходя по степени увлекательности иные тома, где тайны и погони, перестрелки и кражи секретов заслоняют главное — человека.

Сорок лет отдано полковником государственной безопасности Героем Советского Союза С. А. Ваупшасовым работе в органах ВЧК — ОГПУ — КГБ. Чекист школы Ф. Э. Дзержинского, он трудился бок о бок с такими прославленными разведчиками, как Н. Кузнецов, Д. Медведев, В. Молодцов, Н. Прокопюк. В годы Великой Отечественной войны под именем «майора Градова» командовал спецгруппой, а затем — спецотрядом, организовавшим 52 крупнейшие диверсии в дальних тылах гитлеровских войск. «Много раз приходилось С. А. Ваупшасову глядеть в лицо смерти. Но, разгадывая хитрость врага, он миновал расставленные сети, совершал побеги из казематов, а участвуя в жесточайших боях с врагом, сохранял исключительное хладнокровие и проявлял беспредельную храбрость». Так отзывается об авторе «Тревожных перекрестков» бывший секретарь ЦК КП Белоруссии и начальник Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования П. К. Пономаренко.

...Итак, книга о подвигах, написанная подлинным героем и на основании подлинных документов и фактов.

Добавим, книга, хорошо написанная: язык автора выразителен и точен, лирика и ирония, патетика и сарказм соседствуют на страницах мемуаров — и всегда на месте, в меру и с литературным тактом.

Сказанное выше, как мне кажется, дает право утверждать, что «Тревожные перекрестки» С. А. Ваупшасова — серьезное явление в мемуарной литературе года. А если при этом принять во внимание, что эпизоды, описанные в книге, впервые становятся достоянием читателя и что рассказаны они человеком, чья жизнь — легенда, то к эпитету «серьезное» стоит с полным основанием добавить два других: «заметное» и «интереснейшее».

Впрочем, наверно, и это не до конца точно. И не объемлет всего. Поэтому скажу иначе: просто читатель получил отличную книгу — увлекательную, глубоко патриотическую по духу и существу и — главное! — литературно полноценную. В прямом значении. Без скидок на важность темы и жанр.

А. СЕРГЕЕВ

...ИЙ ПРЕКРАСНЫЙ ПОЛК»

М. Кочнев с большим знанием существа вопроса убедительно рисует организационное, идейное и политическое созревание декабризма, показывает тактическое и стратегическое искусство дворянских революционеров, вобравших в свои ряды все лучшее, все передовое. К концу книги становится ясно, что героический Старо-Семеновский полк усилиями отважных офицеров, у которых «чело яснелось думой», был превращен в своеобразную подпольную военно-политическую академию, из недр ее вышли многие будущие герои декабря, считавшие подвиг на поле Бородина незавершенным. Завершение его они видели в вызволении отечества из оков деспотизма и крепостничества.

Сюжетной кульминацией в романе стало небывалое событие в летописях русской армии — знаменитое волнение солдат в Семеновском полку, вспыхнувшее в конце 1820 года. Повествование завершается показом жестокой расправы над семеновцами летом и осенью 1821 года. Ровно 150 лет минуло с тех пор, но звук этого события доходит и ныне до слуха потомков. «Отпор» — книга весьма емкая по содержанию и обширная по охвату интереснейших событий того времени. Все основные персонажи повествования, как дворяне-аристократы, так и представители народных масс, нарисованы красочно, ярко, самобытно. Почти каждое действующее лицо имеет не только свою четко очерченную биографию, но и свой запоминающийся характер. Например, надолго остаются в памяти такие колоритные фигуры, как солдат Дурницын, его молодая жена Луша, фельдфебель Брагин, слободской помещик-либерал и вместе с тем осведомитель, искатель «громоотводов» В. Каразин, неудачный шпик корнетик Ронов, утративший мужество рядовой Амосов.

Писатель уделяет много места показу героических характеров, человеческого благородства и достоинства. Драматизм и трагизм в судьбах героев романа не снижают его оптимистического пафоса в целом. Несомненной большой художнической удачей романиста нужно признать привлекательный образ одареннейшего поэта Федора Глинки, чиновника для особых поручений при столичном генерал-губернаторе Милорадовиче. Этот характер раскрывается не вдруг. Читатель не сразу догадывается, что Глинка — искусный, мужественный, изобретательный контрразведчик декабристов во вражеском стане. Сколько сокрушительных ударов отвел он от участников тайного политического общества, к которому на определенном этапе принадлежал и сам!

Название романа — «Отпор» — нам представляется весьма емким, точно выражающим коренное, главное в большой, нестареющей теме. Оно перекликается с немеркнущими словами В. И. Ленина: «Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов...»

Федор ВЛАСОВ,
профессор, доктор филологических наук

Такие гастроли в театральной практике действительно называются «малыми»: они длились всего семь дней, и всего две работы показал москвичам Ленинградский театр имени Ленсовета. Но, во-первых, эти спектакли выбраны очень точно для того, чтобы столичный зритель по достоинству оценил творческие возможности ленинградских гостей: один поставлен по современной, остро-злободневной пьесе И. Дворецкого «Человек со стороны» — из жизни крупного промышленного предприятия наших дней, другой — шекспировская комедия «Укрощение строптивой». А во-вторых, в каждом из этих спектаклей играет Алиса Фрейндлих — актриса выразительнейшей художнической индивидуальности, даже в талантливой труппе выделяющаяся удивительно органичным даром перевоплощения и жизни в образе, неповторимым сценическим обаянием.

У москвичей осталось большое и яркое впечатление от обоих спектаклей, поставленных главным режиссером театра Игорем Владимировым.

В сценическом прочтении и решении современной хроники И. Дворецкого «Человек со стороны» для И. Владимирова самое важное — позиция социального оптимизма. Этим прекрасным свойством советской действительности пронизан весь спектакль, хотя главный герой — молодой инженер Алексей Чешков — ведет трудную, порой драматическую борьбу против отсталых методов хозяйствования, против беспринципности в отношениях даже очень близких, спаянных общим военным прошлым людей...

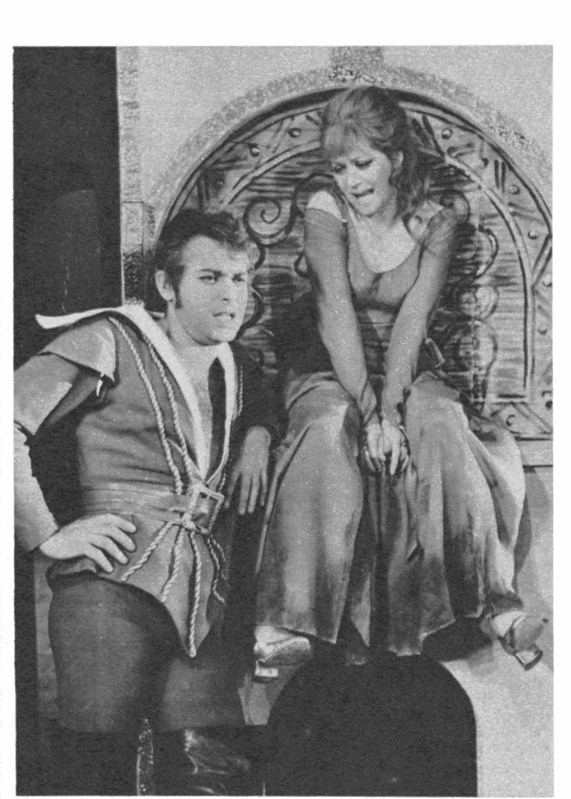
Путь Чешкова к цели наполнен горячими спорами, бурными столкновениями, серьезными внутренними переживаниями, нелегким преодолением и собственных ошибок и заблуждений других людей. Правдиво, неравнодушно рассказывая об этом, драматург и театр не избегают жизненных сложностей, но ясно намечают победные перспективы. Артист Л. Дьячков подчеркивает в образе настойчивость и волю Чешкова, широту кругозора, бескомпромиссную требовательность... Веришь, что герой выдержит испытание на прочность и завоюет симпатии коллектива, точно, интересно обрисованного актерами.

А. Фрейндлих играет здесь начальника бюро экономики Нину Щеголеву, единомышленника и ближайшего помощника Алексея Чешкова в его нововведениях... Нина полюбила Алексея... Как же совместить или как разграничить служебный долг с неожиданно пришедшим большим и сильным чувством?.. Необыкновенно тонко передает актриса сложную гамму переживаний героини, создавая образ молодой современной женщины, лирический и одухотворенный.

Но вот мы смотрим у ленинградцев «Укрощение строптивой» и видим совсем другую Алису Фрейндлих. О, как не просто укрощать ее Катарину, эту маленькую рыжую бестию, стреляющую из рогатки в своих незадачливых поклонников, яростно фехтующую с ними, вопящую и кувыркающуюся, как мальчишка, в потасовке с не менее бешеным Петруччо,— его играет Д. Барков!.. Потом, по мере стремительного движения шекспировского сюжета, Катарина — Фрейндлих будет исподволь смиряться, отдаваясь во власть любви, и, наконец, предстанет перед нами вся светящаяся этой любовью, кроткая, покорная, нежная, учтивая... Лишь на какое-то мгновение сверкнут лукавые чертики в смеющихся глазах прекрасной Катарины... Как огромна дистанция между рычащей тигрицей, вздорной, строптивой мужененавистницей и лучезарной, изящной, идеальной женой! Какое блистательное, отточенное актерское мастерство!

В той или иной степени им отмечен весь спектакль, откровенно буффонный, неуемно озорной, щедрый на выдумки и трюки. Заявляя его именно таким в прологе, театр до конца остается верен своей интерпретации бессмертной комедии, как безудержно веселого, сверкающего, каскадного театрального действа, шутливо нашпигованного вполне современными песенками и танцами (композитор Г. Гладков).

В чем-то, особенно в текстах песенок (Б. Рацер и В. Константинов), театр можно упрекнуть в потере вкуса и чувства меры. Можно спорить и с таким режиссерским решением Шекспира. Можно вообще принимать или не принимать это решение!.. Но нельзя отказать в праве на такое решение постановщику И. Владимирову, тем более что само право это использовано очень талантливо...

«Укрощение строптивой». А. Фрейндлих — Катарина, Д. Барков — Петруччо.

Зиба Ганиева у могилы Неизвестного солдата.

Снайпер Зиба Ганиева. Эта фотография была опубликована на первой обложке «Огонька» в 1942 году.

ФРОНТОВИЧКА, АКТРИСА, УЧЕНАЯ...

«Огонек», июль 1942 года. В журнале опубликована фотография — снайпер Зиба Ганиева... С тех пор прошло почти 30 лет. Что стало с ней? Да вот, знакомьтесь: кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения Академии наук СССР З. Ганиева.

...В ту пору ей было всего 16 лет. Ташкентская школьница, очарованная искусством своей знаменитой землячки Тамары Ханум, решила стать актрисой. В Москве, куда отправилась девушка, ее приняли в театральный институт.

Каждое занятие было для Зибы откровением, уводящим в новый, желанный и возвышенный мир искусства. Но вот наступило 22 июня 1941 года. Девушка приняла решение: она должна стать воином. Скрыв от военного командования свой возраст, преодолев десятки препятствий, Зиба становится снайпером-разведчицей 3-й Коммунистической дивизии, сформированной из добровольцев-коммунистов и комсомольцев столицы.

Девушка-снайпер удивляла даже видавших виды бойцов. Ее «почерк» скоро хорошо узнали гитлеровцы. В своих листовках фашисты обещали награду за уничтожение неустрашимого снайпера. Но перехитрить Зибу было трудно. Не раз из разведки доставляла она гитлеровцев. А однажды в критический момент боя, когда дрогнула цепь бойцов, Зиба с автоматом в руках встала перед товарищами, и поднятые ею в атаку солдаты опрокинули фашистов.

Но война есть война. Зиба дважды была ранена. Последний раз — тяжело. Самолет доставил ее в Москву, в госпиталь. Почти год продолжалась борьба со смертью. Зиба перенесла одиннадцать операций. Все это время от ее постели не отходила старая коммунистка Мария Федоровна Шверник. «Вас спасли не мы, врачи, вас спасли ваши девятнадцать лет и Мария Федоровна»,— сказал ей по выздоровлении профессор Юдин.

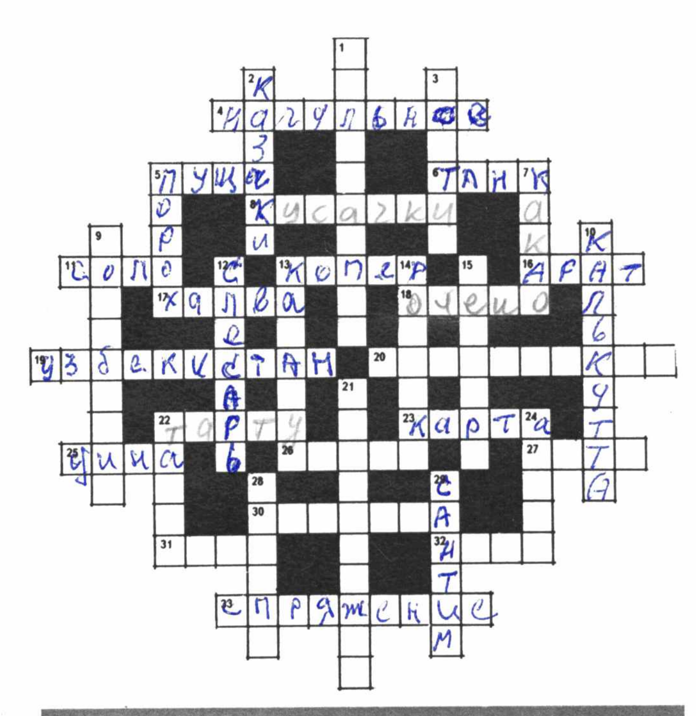
Война для Зибы была окончена в 1943 году. Девушке не пришлось вернуться в строй.

Режиссер Н. Ганиев снимал фильм «Тахир и Зухра». На улице он случайно встретил Зибу и сразу «разглядел» в ней героиню своего фильма. Предложение сниматься в кино ошеломило девушку. И вот после долгих съемок она увидела себя на экране...

Но жизнь сложилась так, что Зиба все же не стала артисткой. Она окончила университет, поступила в аспирантуру и стала кандидатом филологических наук. Вскоре Ганиеву увлек язык урду. Стажировалась она в Индии, в городе Алигархе. В Индийском национальном университете, на одном из труднейших языков мира, урду, Зиба в конце своей практики делала доклад о советском искусстве. Только специалисты могли оценить, какими колоссальными усилиями далась бывшей фронтовичке эта ее победа.

Недавно группа членов клуба ветеранов Великой Отечественной войны при московском Измайловском парке культуры и отдыха вместе с Зибой Ганиевой побывала в Чарджоу, Бухаре, Самарканде, Сырдарье, Ташкенте. Ветераны выступали перед трудящимися этих республик. И нужно было видеть, с каким энтузиазмом встречали выступление легендарной дочери Востока, советской патриотки, коммунистки Зибы Ганиевой. Многие из тех, кто был на митингах, уже видели Зибу на киноэкране, но не в художественном фильме, где артистка Ганиева играла роль царицы, а в документальной ленте «Фронтовичка», в которой Ташкентская студия документальных фильмов рассказала славную историю девушки-снайпера.

С. КИТАЕВ,
заместитель председателя клуба ветеранов войны, майор в отставке

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Персонаж романа М. Шолохова «Поднятая целина». 5. Лесной массив, заповедник. 6. Белорусский поэт. 8. Щипцы. 11. Музыкальное произведение для одного голоса или инструмента. 13. Сооружение над шахтой. 16. Скотовод в Монголии. 17. Кондитерское изделие. 18. Опера С. В. Рахманинова. 19. Союзная республика. 20. Русский композитор. 22. Город в Эстонии. 23. Чертеж земной поверхности. 25. Единица силы. 26. Приток Иртыша. 27. Роман Л. М. Леонова. 30. Пьеса с певучей мелодией. 31. Озеро в Эфиопии. 32. Химический элемент. 33. Изменение имен, местоимений и причастий по падежам.

По вертикали: 1. Советский авиаконструктор. 2. Повесть Л. Н. Толстого. 3. Соцветие у растений. 5. Взрывчатая смесь. 7. Питательный напиток. 9. Литовский скульптор. 10. Порт в Индии. 12. Специальность рабочего. 13. Река в Новосибирской области. 14. Грядка с цветами вдоль стены, дорожки. 15. Небольшая речная рыба. 21. Русский живописец. 22. Римский историк. 24. Административный центр в АРЕ. 28. Литературный жанр. 29. Разменная монета некоторых стран.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 43

По горизонтали: 5. Капелла. 6. «Барсуки». 8. Азурит. 9. Измаил. 10. Абрикос. 11. Воронеж. 14. Строчок. 17. «Столп». 19. Маховик. 20. Ниагара. 22. «Озеро». 24. Капитан. 26. Поллукс. 27. Устрица. 28. Флейта. 29. Нансен. 30. Капюшон. 31. Плещеев.

По вертикали: 1. Пилотаж. 2. Нардисс. 3. Фамусов. 4. Экватор. 7. Тригонометрия. 12. Осьмина. 13. Ежевика. 15. Таранто. 16. Омшаник. 17. Сукно. 18. Панно. 21. Ликенай. 23. Глиссер. 25. Нуакшот. 26. Пантера.

На первой странице обложки: Молодая семья — Таня и Слава Самойкины. Свою дочку они назвали Аленкой. «У нас полгорода — Аленки!» (см. в номере репортаж «Мы полны оптимизма!»).

Фото А. Бочинина и Ю. Кривоносова.

На последней странице обложки: Киевский завод вычислительных и управляющих машин. Вверху — контролер ОТК комсомолка Лариса Лягушина. Внизу — участок монтажа рам для машин «Мир-1» и «Мир-2» (см. в номере репортаж «Где же предел?»).

Фото Н. Козловского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

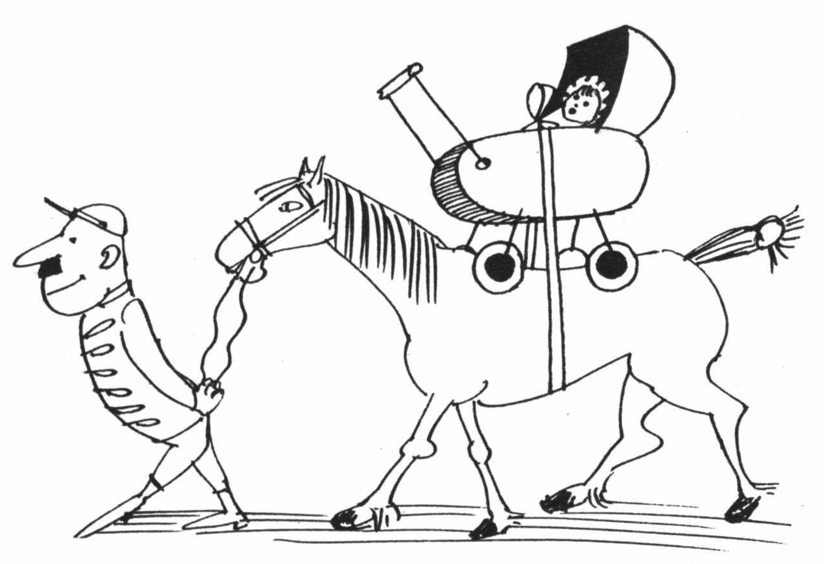
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 12/X-71 г. А 00639. Подп. к печ. 26/X-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1794. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1972.

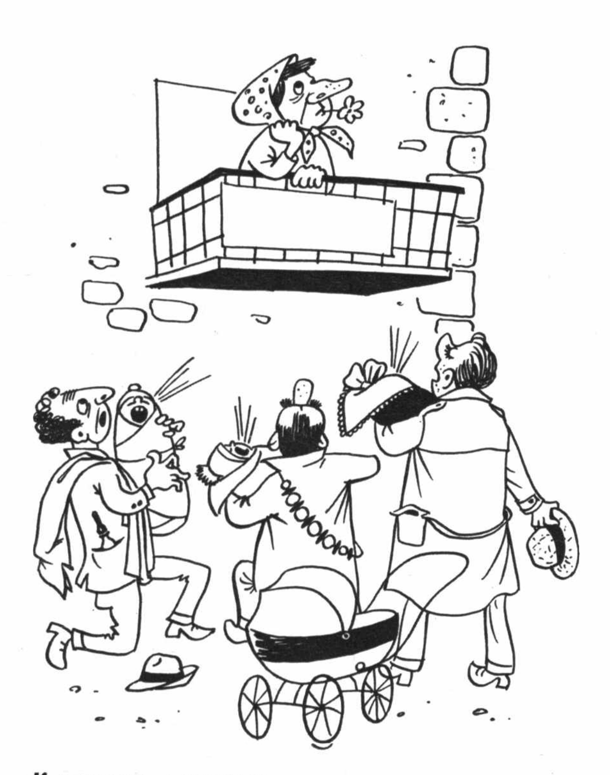
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Детство жокея.
Рисунок В. Воеводина.

— Зайдешь за мной через часик...
Рисунки В. Тильмана.

К вопросу о няньках.
Серенада.
Рисунок Ю. Малиновского и Н. Станиловского.

После охоты...

Без слов.
Рисунок А. Алешичева.

Загляделся.
Рисунок Ю. Черепанова.

— А я говорю: сначала заедем к портнихе!
Рисунок В. Тамаева.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663